

!MJA.LOHEO
H O H T H G H
H O H T H G H
H O H T H G H
H O H T H G H

Тропарь прп. Іустинѣ, гласъ ѿ:

Православіѣмъ сладость, нектаръ премудрости, Оче прѣвнѣ,
 излилъ єси въ срѣца вѣрныхъ ѿакѡ богатство.

житіємъ своимъ и оученіемъ явилася єси жива книга Дѣа,
 Іустине вѣдомѣ: моли Христа Бѣга Слова
 да ѡсловеситъ тѣ почитающихъ.

ЗА КРЕСТ ЧЕСТНОЙ И СВОБОДУ ЗОЛОТУЮ!

200 лет Первого Сербского Восстания

Священный Архиерейский Собор Сербской Православной Церкви.
 ПОСЛАНИЕ О ЗАВЕТЕ.

На 200-летнюю годовщину сербского возрождения 2

В. Димитриевич. КАРА-ГЕОРГИЙ И ЕГО НАРОД.

Жертвенная глава и краеугольный камень свободы 12

Д. Джёрджевич. Сербское восстание – вестник освобождения
 балканских народов 23

110 лет со дня рождения и 25 лет блаженной кончины Аввы ИУСТИНА (Поповича)

Еп. Афанасий (Евтич). Житие преподобного отца нашего Иустина 26

Монахиня Олимпиада. Чудеса святого Иустина Челийского 96

Преподобный Иустин. ОСНОВНАЯ ИСТИНА ПРАВОСЛАВИЯ –
 БОГОЧЕЛОВЕК 102

Преподобный Иустин. Собор православной русской молодёжи 107

90 лет с начала Первой Мировой войны

Святитель Николай (Велимирович). Преступление Вильгельма Телля 111

Святитель Николай (Велимирович). ТРАГЕДИЯ СЕРБИИ 112

Исидора Секулич. Вестник 129

90 лет Святейшему Патриарху Сербскому ПАВЛУ

А. Джюрич. ЭТО СЕРБСКИЙ ПАТРИАРХ! 144

5 лет агрессии сил НАТО против Югославии

Н.Г. Феофанова. ПЛАМЕНЬ ПОД ПЕПЛОМ. Репортаж из концлагеря
 “Косово и Метохия”, июнь 2004 г. 154

Сегодня

М.И. Мелькова. Славянское братство 180

Словарь малоизвестных слов и выражений 184

Personalia 187

РУССКО-СЕРБСКОЕ БРАТСТВО
 В ЧЕСТЬ СВЯТЫХ НОВОМУЧЕНИКОВ
 ЦАРЯ НИКОЛАЯ И ВЛАДЫКИ НИКОЛАЯ

ДВЕСТИ ЛЕТ
ПЕРВОГО СЕРБСКОГО ВОССТАНИЯ

Верховный Вождь Кара-Георгий Петрович

СВЯЩЕННЫЙ АРХИЕРЕЙСКИЙ СОБОР
СЕРБСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ПОСЛАНИЕ О ЗАВЕТЕ

(1804 – 2004)

на двухсотлетнюю годовщину сербского возрождения

Ровно два века назад в восставшем Орашце на праздник Сретения Господня собрались сербские вожди. Благодаря завещанию предков и молитве потомков, избрали из своей среды как первого среди равных Вождя Кара-Георгия. А он, руководим Промыслом Божьим, обратился тогда — и навеки — к своему мученическому народу и своим героям-князьям. Подобно Святому Царю Лазарю, и он изрёк своё Слово как Молитву:

“Так, братья наши, я вас вновь призываю восстать и воздвигнуть оружие для битвы с выступившим на нас неприятелем. Мы ни на кого выходить и нападать не хотим, а кто на нас пойдёт — от того обороняемся. Более в своей Вере и своём Отечестве умереть, нежели Веру свою повредить. Потому в Священном Писании речется: *Аще праву веру имаши, спасен будеши*. Так, более в своей Вере умереть, нежели пред Богом и народом осуждену быть. А Бог Всемогущий нам поможет! Уповаю на усердие ваше к Православной Вере и Отечеству и на храбрость вашу, что доднесь являли, да не пощадите сил своих до пролития крови ради любви к Вере, Отечеству и потомству нашему. А Бог Всемогущий есть великая Надежда наша”.

БРАТЯ И СЕСТРЫ, ГОСПОДА ХРИСТИАНЕ,
РОД ХРИСТОНОСНЫЙ, БОГОЛЮБИВЫЙ
И ЧЕЛОВЕКОЛЮБИВЫЙ,

Свобода есть величайший дар Божий каждому человеку и каждому народу; дар безценный, который не может быть отъят, покуда правильно употребляем. Сербский народ с тех пор, как с Крещением принял сей дар и дондесъ жертвенно ратует за свою Свободу — ибо для неё создан и она его создала. И это не просто свобода, но та величайшая из всех Христолика Свобода — в коей Страдание Креста, а и Победа Воскресения. Потому наше народное ратование за *Крест Честной и Свободу Золотую*.

Ещё раннехристианская рукопись “Дидахи” (“Учение”, самый ранний послепостольский текст) повествует о двух путях для всех людей и народов: *Пути жизни и пути смерти*. Выбором правого пути, животворного, избирается, однажды и навеки, конечная цель нашей жизни. В сербском народе от самого начала его христианской истории имеется цельный сонм подвижников правого выбора.

От святых Апостолов до Просветителей наших и всеправославных, Защитников Европы Кирилла и Мефодия, направляемы мы в истории этим узким и мученическим Христовым путём, который через Страсти Голгофы ведёт в Царствие Небесное. В каждом столетии и в каждом поколении нашему народу была, всякий раз сызнова, дарована возможность испытать всю полноту исторического времени. Вот почему мы, несмотря на все колебания и падения, истинно Христианский народ; вот почему наша всенародная история имеет свой неповторимый внутренний смысл, происходящий из таковой полноты времён, из самого Царствия Небесного.

Святитель Савва, первый архиепископ и Просветитель сербский, чей Храм, посвящённый Сожжению его святых мощей (1594 г.), сегодня мы торжественно открываем для службы Божией, до конца об этой науке делом свидетельствовал, всегда направляя всё к *пренебесному животу*, забрасывая якорь нашего корабля в *Царствие Небесное*. Оттуда и проистекает все наше мерило исторических и духовных ценностей. Лишь небесный порядок вещей даёт полный смысл существованию на этой земле.

Это воистину христианское самоопределение сербского народа подтверждает — животворным примером — и Святой Косовский Великомученик князь Лазарь. Князь в истории, но Царь в над-истории, праотец нашей Свободы во Христе, был вынужден совершить своей мудростью и подтвердить своей смелостью собственный и наш Выбор: или за мирское время — или за надмирную вечность. Он ни мгновение не колебался — ибо *краткое есть царствие земное, Небесное же Царство будет вечно*.

Наш и всех времён современник Святой Великомученик Лазарь сквозь века нас призывает ни за какие блага, никогда и ни за что не предавать веру свою (*не предадим благочестия нашего*). Как тогда, так и ныне Косово являет собой показательное и доказующее критическое место, то есть место суда, κρίσεως (*Нынѣ судъ ѣсть мѣръ семъ* Ин. XII, 31), и не только нашему народу, но и другим земным народам. А это значит: место решения, оценки и приговора человеческим делам и преступлениям, место выбора и определения. Подтверждение тому, что люди и народы всегда находятся в опасности возлюбить *паче тьмъ, неже свѣтъ* (Ин. III, 19), ненависть, а не любовь,

разрушительно-рабскую бесовскую силу, нежели созидательную Божию правду и истину, дарующую вечную свободу. Потому воистину Косово — страшное судилище, как пророчески дополняет ещё один Небожитель и Косовский Заветник, Петр II Петрович Негош: *Более земное царство потерять, чем Небесного лишиться Царства.*

Свобода и ответственность принимать решения о своей судьбе в вечности — вот наше основополагающее право, право всечеловеческое, которое не получают и не предлагают в дар. Это право на свободу через Ответственность никогда не является только личным или только общим; оно есть одновременно и единоличное и народное право, отстаиваемое соборно — вместе со всеми нашими предками, современниками и потомками. Со всеми Святыми, со Святителем Саввой, кого сегодня прославляем, и с бессмертным Кара-Георгием. Подражая им, возьмём *веру* яко броню, *крест* яко оружие, *любовь* яко щит, *яко меч* слово Божие (как нас описал из своего времени наш Архиепископ в своей *Службе Святому Симеону*).

В этой непрерывной исторической череде вместе с нами всё ещё борется Вождь Кара-Георгий, *верховный воевода* и *сербский предводитель народа*, также истинный последователь Косовского завета. Поэтому неудивительно, что многие сербские земли представляются местом его рождения и происхождения, при ощущении, что его колыбель — целый сербский народ. Следуя этому заветному чувству на его призыв все сербы — в великом множестве, не тратя слов даром — отозвались: от свободолюбивой Шумадии, через героическую Черногорию и могучую Герцеговину, и дальше до Боснии гордой и наших земель

севернее Савы и Дуная. И только лишь благодаря этому Косовскому, к вечности устремлённому Завету, Кара-Георгий мог и должен был быть таким, каким был. Столь строг и так любим. Столь всемогущ и так правдолюбив. И герой в поединке и государственный муж. Наперекор всем врагам Вождь Кара-Георгий смог возвысится над землёю и всем земным, над обстоятельствами и над самим собой. Возвысившись над внешней историей, он вместе со своими героями *достигает сам Небесный Свод* и там, *высоко, воздвигает целый свой народ.*

С Вождём Кара-Георгием, однако, усиливалась не только военная мощь восставших, но и духовное и государствообразующее сознание всего народа. Сознание того, что свобода отличает нас от животных. Сознание, что свобода связана с законом и что закон един для всех.

Таковые (свободные и Бога взыскующие) сербы стали примером и побуждением к действию для других порабождённых балканских народов с начала XIX века — а также и для всех нас, здесь и сейчас.

Это народное устремление к свободе, нашедшее отклик по всей Европе, вновь показало вертикаль не только нашей, но и мировой истории, воскресило чувство справедливости, любви к истине и верности нравственным началам, единственно здоровому основанию европейской цивилизации. Отсюда перед нами вновь и вновь встаёт вопрос: жертвы народа того времени, как и те времён I и II Мировых войн, и далее вплоть до его новых и новейших страданий и гонений, жертвы, принесённые за начатки свободы и свободного мира, могут ли быть кем-то — в первую очередь, нами самими — забыты или осуждены на презрение и молчание?

Напоминание о подобных исторических событиях и жертвах не означает возврата вспять и задержки в развитии. История и память о ней указывает всем, также и нам, не только на прошлое, но и на настоящее, предупреждает непрерывно и неподкупно и о будущем. Знание истории успешно излечивает отчуждение и заблуждения современного мира, одиночество, себялюбие и растерянность народов, в особенности когда такой народ, как наш, находится в водовороте различных противоречий и эгоистических интересов, преобладающих в сегодняшнем, во многом суетном, времени. Непрерывающиеся кризисы современного мира, насилие его правителей, губящее и тела и души, могут быть преодолены лишь исцелением раскола между духовными и материальными ценностями, восстановлением равновесия между землёю и Небесами, здешней и запредельной действительностью, богочеловеческим соединением земного бытия и небесного предназначения.

Чтобы этого достигнуть, мы должны возвыситься над всеми искушениями и исцелиться от смятения и духовной расслабленности. И всё это в духе правды, единения и свободы. Та же забота владела Вождём; она же, подобно предыдущим, будет определять всё наше совместное делание, от днесь и до веки.

Потому ещё один наш дальний современник, святитель Петр Цетиньский, так обращался пресветлому господину Георгию Петровичу, Богом избранному славяно-сербскому Вождю: *Народ не может быть счастлив, если нет в нём твёрдого единства и совершенного послушания.*

Остаётся нам надеяться на внутреннюю силу и мудрость народную, да покаянием очистимся и освободимся от

раздоров, ненависти и разделений меж братьями; да уклонимся, подобно Кара-Георгию, от всякого зла и осудим всякое преступление, наипаче же то, которое совершено во имя народа, хотя бы его виновником и был кто-нибудь из наших соплеменников; да возложим упование на новую готовность к великим историческим свершениям в духе сретенского жертвенного подвига, дабы вновь открылся перед нами этот единственный Путь жизни. С тем помолимся перед святыми и светлыми ликами наших предков безсмертными словами нашего Вождя:

О Боже, о Боже Всемогущий, обрати милосердные очи свои на народ и Церковь Твою. Аминь.

Боже Всемогущий, не отринь народа Твоего. Аминь.

Боже, помилуй и охрабри народ сербский и сердца сынов сербских. Аминь.

Боже наш, помилуй нас. Аминь.

Сею молитвою мы также освящаем днесь и наш престольный Град, сей Святой Храм посреди Града и сей Богом созванный Собор, пред коим поставлена Трапеза Света и Любви, на которую все призваны.

И так нашими молитвами на этом братском и всехристианском собрании мы освящаем и своё настоящее и будущее. Наряду с торжественным литургическим открытием самого Храма Святителя Саввы мы сегодня полагаем и закладной камень нового здания Патриархии — дома, где хозяином будет наш народ и наша поместная Святосаввская Церковь, открытого всем людям доброй воли, дома нашего соборного свидетельства о Воскресшем Христе и свободе, которую Он нам даровал.

С нами первый епископ святой Православной Церкви — Его Святейшество Архиепископ Константинополя, Нового

Рима, и Вселенский Патриарх Варфоломей I. С нами и Первоиерархи и посланники всех поместных Православных Церквей и многочисленный верный Народ Божий, как и представители других христианских церквей и общин. Все вместе Крестным ходом идём ко Храму. Входя в Храм, все вместе принимаем в нём Мир Божий и, исходя из него, объявляем всецелому миру Благоую Весть о Победе Креста Христова и Воскресения, о Царствии Божиим, что грядет и уже настало.

Благодать и любовь Единого в Троице Бога да отзовется на слова нашей молитвы, а поступь нашего Крестного хода да свидетельствует о неизменности сего Пути, водящего в жизнь. Аминь, Боже дай!

*В Патриархии сербской в Белграде
на день Сожжения мощей Святителя Саввы 2004 года*

Ваши молитвенники перед Распятием и Воскресшим Господом, перед Его угодником Святым Саввой и всеми святыми:

Архиепископ Печский, митрополит Белградско-Карловацкий и Патриарх Сербский ПАВЕЛ
Митрополит Загребско-Люблянский ИОАНН
Митрополит Черногорско-Приморский АМФИЛОХИЙ
Митрополит Среднезападноамериканский ХРИСТОФОР
Митрополит Дабро-Боснийский НИКОЛАЙ
Епископ Шабацко-Валевский ЛАВРЕНТИЙ
Епископ Нишский ИРИНЕЙ
Епископ Зворницко-Тузланский ВАСИЛИЙ
Епископ Сремский ВАСИЛИЙ
Епископ Банялуцкий ЕФРЕМ
Епископ Будимский ЛУКИАН

Епископ Банатский НИКАНОР
Епископ Америки и Канады Митрополии Новограчаницкой
ЛОНГИН
Епископ Восточноамериканский МИТРОФАН
Епископ Жичский ХРИЗОСТОМ
Епископ Бачский ИРИНЕЙ
Епископ Британско-Скандинавский ДОСИФЕЙ
Епископ Рашско-Призренский АРТЕМИЙ
Епископ Бихачско-Петровацкий ХРИЗОСТОМ
Епископ Осечкопольский и Бараньский ЛУКИАН
Епископ Среднеевропейский КОНСТАНТИН
Епископ Западноевропейский ЛУКА
Епископ Тимоцкий ИУСТИН
Епископ Враньский ПАХОМИЙ
Епископ Шумадийский ИОАНН
Епископ Славонский САВВА
Епископ Браничевский ИГНАТИЙ
Епископ Милешевский ФИЛАРЕТ
Епископ Далматинский ФОТИЙ
Епископ Захолмско-Герцеговинский ГРИГОРИЙ
Епископ Будимлянско-Никшицкий ИОАННИКИЙ
Епископ Австралийско-Новозеландский Митрополии Новограчаницкой МИЛУТИН
Епископ на покое б. Захолмско-Герцеговинский АФАНАСИЙ
Викарный епископ Хвостанский АФАНАСИЙ
Викарный епископ Егарский ПОРФИРИЙ

ПРАВОСЛАВНАЯ ОХРИДСКАЯ АРХИЕПИСКОПИЯ
Митрополит Велесский и Повардарский ИОАНН,
патриарший экзарх автономной Охридской Архиепископии
Викарный епископ Величский и
местоблюститель епархии Полошко-Кумановской ИОАКИМ
Викарный епископ Дремвицкий и
местоблюститель епархии Битольской МАРК

Перевела Мария Мелькова

Владимир ДИМИТРИЕВИЧ+

КАРА-ГЕОРГИЙ И ЕГО НАРОД

Жертвенная глава и краеугольный камень свободы

О сопротивлении злу силой

Дело было в правление династии Обреновичей+. Разговаривали крестьяне о несправедливости, которую от них терпят. Когда солдаты забирали кукурузу, один спросил: “А чинилось ли при Кара-Георгии насилие?” — “Эх, брат ты мой, как же иначе, сколько творилось беззакония; однако тогда воевали с турками, это ж совсем другое дело. Слышал я, что Кара-Георгий сам, своей рукою убил сто человек крещёных сербов, а ему Бог всё простил за то, что он христиан освободил от турок!”

Из этого ответа видно, что сербы очень хорошо понимали роль сильной исторической личности в чрезвычайных обстоятельствах. “Невозможно царство обрести, на перине всё табак покуривая”, говорит Филипп Вишнич+ в эпической песне *Начало бунта против дахийцев*+. Пять веков турецкого рабства, все унижения и страдания, которые претерпел народ, требовали серьёзного и решительного человека, готового к преодолению препятствий, сознающего, что духовная и политическая свобода приобретается в борьбе не искусством, но доблестью (Владыка Николай); при том такого человека, что не остановится перед сокрушением всякого сопротивления той реальности, которую видит и к которой стремится – реальности свободной Сербии. Кара-Георгий неслучайно силой заставлял присоединяться к восстанию тех, кто от этого уклонялся, даже поджигая сербские сёла, бывшие “добре” с турками. Ибо племенной образ мышления и склонность к разобщению и обособлению были весьма серьёзной опасностью на пути к обновлению неманичской державы+. (Вспомним, что все великие сербские государи вынуждены были бороться против партикуляризма: и Стефан Неманя+ (преподобный Симеон Мироточивый) и благоверный князь великомученик Лазарь+, основатели важнейших средневековых династий, вначале преодолевали центробежные

устремления вельмож, желавших быть областными правителями, не заботясь о сохранении государственной целостности). Здесь Кара-Георгий был беспощаден: всякий противящийся сильной власти, без которой невозможны общие решительные действия, подвергался суровому наказанию.

Самое существенное для понимания государственнического сознания Кара-Георгия находим в описаниях событий Вуком Караджичем: “Кнезы и остальные вожди сначала избрали и поставили Чёрного Георгия почти за слугу для себя. Он, однако, получив власть и силу в руки, стал править и всем повелевать как господин! Когда этот мятеж так удачно продолжился и они увидели, что старейшинство приносит честь и славу и богатство, тогда всякий стал сожалеть, что он не старейшина; и некоторые из этих главных старейшин-“дахиев” стали говорить, что не может быть одного главы над всеми, по крайней мере, в их собственных областях никто не может им приказывать. Потому начали покрикивать на Чёрного Георгия, что он гайдук и что гайдук землёю и народом никогда не управлял и не может управлять. И ни одному из тех начальников не было нужды, что теперь сразу же явно поссорится из-за этого с Чёрным Георгием, как князь Феодосий: ведь он не только отвергся верховного старейшинства и навязал его Георгию, но тот от него мало-помалу и область Крагуевацкую, которой первоначально оба распоряжались, взял всю в свою власть. Потому он в Печанах выше Остружницы повздорил с Георгием и покушался его убить, но подвёл пистолет, а Георгий тогда вытянул его на середину, говоря: “Ну-ка, по совести! Когда ты лучше меня умеешь наводить порядок и командовать, зачем же заставил меня приняться за это дело?” И потому все боялись Кара-Георгия, что подтвердил и сам князь Милош+. Когда ему секретарь прочитал, как Вук Караджич в письме Правительствующему Совету говорит, что воеводы не боялись Кара-Георгия, Милош воскликнул: “Врёшь, Вук, врешь!”, а затем его обругал и добавил: “Я зол на Вука, что так пишет. Он или не знает, каково было, или преднамеренно лжёт. Как же воеводы не боялись Кара-Георгия, когда не было ни единого, кто бы не трясся как осиновый лист, когда являлся перед Вождём? Да ну! Боялись, да ещё как!”.

Кара-Георгий сознательно насаждал этот страх в людях. Ибо в чрезвычайных обстоятельствах, особенно в борьбе за свободу и державу, любое попустительство и всякая трусость могут дорого обойтись и стоить тысяч человеческих жизней. Вождь начал восстание всего лишь как бунт против дахийцев, но продолжил его как борьбу против Стамбула. Не забудем, сербы первыми из балканских народов дерзнули восстать против султана. Греки решатся на это только в 1821 году, когда за плечами сербов были и Орашац+ и Таково+. Кара-Георгий ощущал народное страдание как своё и не был насильником ради насилия или для того, чтобы показать, что он господин, а все остальные рабы... Когда он в 1813 году в Ягодине встретил Младена+ и изложил ему свой план

обороны, по которому нужно защищать не только военные позиции, но прежде всего народ, тот был недоволен и высказывался против. На что Кара-Георгий ему заметил, что народ без защиты погибнет как овцы. Ответ Младена "Пусть гибнут. Свадьбы без мяса не бывает" заставил Кара-Георгия глубоко вздохнуть, пасть на колени и воскликнуть: "Эх, Младен, Младен! Бог тебя наказал! Доселе народ сей был на моей совести, а отседе да будет на твоей!", после чего его стало тошнить жёлчью, и он тяжело разболелся. Боль за народ – вот основная особенность сурового по виду Вождя. Говоря об этом, владыка Афанасий (Евтич)+ в начале 90-х годов заметил, что во лжевожде Сербии Милошевиче нет ничего карагеоргиевского, но речь идёт о "жестоком и зарвавшемся человеке", не болеющем народной болью. "Личность есть боль", говорит Н. Бердяев в работе *О рабстве и свободе человека*. И люди это хорошо знали и всем своим существом чувствовали: хотя и побил "сто крещеных сербов", ему "Бог простил", ведь "христиан освободил от турок".

Это значит, Кара-Георгий встал на защиту народных святынь – церковей, монастырей, чести и достоинства сербских жен и дев. Встал не ради земной справедливости, но вследствие зла, начавшего подтачивать сам корень народного бытия. И, конечно, это восстание ни в коей мере не было случайным, но явилось одним из многочисленных восстаний народа, никогда не мирившегося с рабством. (Вспомним, что мощи святителя Саввы в 1594 году были сожжены турками потому, что банатские повстанцы несли хоругви с его образом, а с владыки Вршацкого священномученика Феодора, бывшего во главе своей паствы, с живого содрали кожу).

В своем исследовании *О сопротивлении злу силой* русский религиозный мыслитель Иван Ильин обращает наше внимание на основные нравственные противоречия войны во имя добра: "Да, путь силы и меча не есть праведный путь. Но разве есть другой, праведный? Не тот ли путь сентиментального непротивления, <...> путь предательства слабых, соучастия со злодеем, "совиновности" с пресекающим и в довершение — наивно-лицемерного самодовольства? Конечно, этот путь имеет более "спокойную", более "приличную", менее кровавую внешнюю видимость, но только легкомыслие и злая тупость могут не чувствовать, какой ценою оплачены это "спокойствие" и это "приличие".

Тот, кто перед лицом агрессивного злодейства требует "идеального" по своему совершенству, нравственного исхода и не приемлет никакого иного, тот не понимает основной жизненной трагедии: она состоит в том, что из этой ситуации нет идеального исхода. Уже простая наличность противоположной и противодуховной ожесточенной воли в душе другого человека делает такой безусловно праведный исход до крайности затруднительным и проблематичным: ибо как не судить и не осудить? как выйти из полноты любви и не возмутиться духом? как не оторваться и не противостоять? Но при наличности подлинного зла, изливающегося во внешние злые деяния, идеально праведный исход становится мнимым, ложным заданием. Этого исхода нет и быть его не может, ибо дилемма, встающая перед человеком, не оставляет для него места. <...> Злодей, поправший духовное призвание человека и

понуждающий к тому же других людей, ставит каждого, принявшего Божие дело, перед дилеммой: предать дело Божие и изменить своему духовному и религиозному призванию, соблюдая свою “праведность”, или пребыть верным Богу и призванию, избирая и осуществляя неправедный путь. <...> Желая блага, преданный благу, он видит себя вынужденным во имя своей религиозно верной цели взять на себя неправедность и, может быть, вину и как бы отойти от блага; и притом с полным сознанием того, что он совершает. Положение его является *нравственно-трагическим*, и понятно, что выход из него оказывается по плечу только сильным людям. Но сильный человек утверждает свою силу именно тем, что не бежит от конфликта в мнимодобродетельную пассивность и не закрывает себе глаза на его трагическую природу, впадая от малодушия в криводушие; сильный человек видит трагичность своего положения и идет ей навстречу, чтобы войти в нее и изжить ее. Он берет на себя неправедность, но не для себя, а во имя Божиего дела. И то, что он делает в этой борьбе, является его собственным поступком, его собственной деятельностью, которую он и не думает приписывать Богу. <...> Подвиг здесь не только в ведении самой борьбы, но и в том духовном напряжении, которое необходимо для открытого и выдержанного *приятия* возможной *вины*. Напряжение духа нужно здесь не только для того, чтобы убить злодея, но и для того, чтобы вынести свой поступок и пронести через жизнь совершённое дело, не роняя своего поступка малодушным отречением от его необходимости, но и не идеализируя его нравственного содержания.

Истинность этих слов Ильина на примере Кара-Георгия неопровержима. Согласно Вуку Караджичу, это был обычный человек, крестьянин, который не упивался войной и не разжигал опаснейшей особенности нашего эпического менталитета – тщеславия, желания быть первым любой ценой и во всём. (Эпическое тщеславие опасно именно тем, что магически опьяняет человека “желанием могущества” и затворяет пути разума...) И когда был очень богат, носил “старые свои синие штаны, поношенный короткий кафтан на меху и всем известную чёрную шапку”, на ночь подкладывал себе под голову полено. Его дочь

вместе с другими сельскими девушками ходила по воду. И ещё: “В Тополе+ всякий бы принял его за крестьянина. С парнями выкорчевал лес на опушке, довёл воду к мельнице; после имел обычай вместе с ними ловить рыбу в Ясенице. Пахал и обрабатывал землю. Свой русский орден повредил однажды, набивая обруч на бочку...” Перед нами образ вождя, ставшего таковым благодаря Божьему и народному призыву, при том вождя, не стремившегося быть чем-то большим того, чем был. В 1807 году в Малайнице он говорил русскому полковнику маркизу Ф.О. Паулуччи: “Знайте, господин, что я не желаю ничего другого, как видеть свою отчизну освобождённой от турок, чтобы никто больше никогда не страшился их ярма; и тогда бы я вернулся к своему плугу”.

В мирное время, повествует Вук, Кара-Георгий редко вмешивался в происходившее в державе и препоручал всё канцеляриям: “С радостью и надолго предоставлял делам идти своим ходом...” Однако в чрезвычайных обстоятельствах было не так. Когда турки напали на Делиград, он послал своих молодцов созывать по Тополе крестьян на войну, и один из

Храм св. Георгия Победоносца в Тополе, задушибина короля Петра Карагеоргиевича

званных убил его вестника в селе Страгарах. Узнав о том, Кара-Георгий прибыл туда со своими людьми и истребил того убийцу вместе со всем его семейством, оставив в живых лишь малое дитя.

В 1808 году убил Гавру Одноглазого, предводителя прекодринских наёмников, отказавшегося вернуть зворницкому паше одного из трёх отнятых им у паши коней. Кара-Георгий ему писал и просил возвратить серого в яблоках, чтобы не углублять столкновение с пашой. При личной встрече Гавра говорит: “Государь! Жизнь мою возьми, а серка не дам!”, на что Кара-Георгий: “Ну же, Гавра, неужто я мирить, а ты ссорить?” И как

тот отказался послушаться, Вождь его убил, сокрушаясь после по нему, потому что его любил. (Вук Караджич отмечает свойственную Вождю черту: жалел того, на кого поднимал руку и “не был мстителен – если кому однажды простил, после никогда больше не поминал обиды”).

И вот мы перед фактом, что Вождь I Сербского восстания убил своего брата. Вот что о том повествует Вук: “Несмотря на своё имя и родство, брат его изрядно выбивался из общего порядка в роду, и Кара-Георгий это долго терпел. Но когда тот обезчестил некую девицу, и её сродники стали во всеуслышание вопиять,

Гробница Кара-Георгия в храме
Георгия Победоносца в Тополе

мол, для того ли было поднято восстание против турок, Кара-Георгий так разгневался, что родного своего брата, которого так берёт, за это злодеяние повесил на дверях дома. Матери не дал его оплакать”. И ещё вспоминают свидетели, что после того три дня ни с кем не проронил ни слова...

Такой, на первый взгляд, устрашающий поступок лучше всего рисует нам всю глубину нравственного трагизма вождя Кара-Георгия. Когда человек ведёт народ, он не имеет права на личную жизнь и личные

чувства. Он целиком принадлежит народу, и всякое его действие есть принадлежность всех за ним идущих. Следовательно, Кара-Георгий убил брата потому, что тот опозорил невинную девицу, обезчестил женский пол, собственно, из-за того сербы и восставали. (“Не трогайте их церквей, ни веры, ни чести”, заповедовал, согласно Вишничу, Мурат+ при смерти туркам, остающимся владеть Сербией, однако они его не послушали.) Любое своеволие мог потерпеть, но когда брат опозорил свою и его, Кара-Георгия, честь, и честь сербиянки, честь целого народа (ибо народ восстал, чтобы защитить честь), тогда не имел пощады.

Потому он матери запретил плакать. Поступок, из-за которого её другой сын казнён, таков, что он и мёртвый не заслуживает жалости. И тут подходим к тому, о чём нам свидетельствовал Ильин: вышедший на борьбу со злом человек всегда должен сознавать, что на этом пути нет добрых решений, и всегда нужно быть готовым к ответственности за свои действия, не приписывая их Богу, судьбе, злему року, но отвечая за себя – свободную и ответственную личность, ставшую на путь борьбы до победы или смерти. Кара-Георгий три дня молчит, почерневший как земля, и ужас охватывает его душу от того, что сотворил, но он никому не говорит о своей боли, ибо для всех он должен быть воплощением справедливости. Он не имеет права на личную боль и личную жизнь, когда ведёт народ. В Орашце он сказал народу: “Кого захвачу в малейшей измене, буду убивать, вешать, предавать на страшные муки без милости!” И народ ему ответил: “И мы за то же!” Потому Кара-Георгию не оставалось ничего другого, как своего брата, предателя народной чести, повесить. Вождь был не сентиментальным моралистом, но человеком, долженствующим “сотрясти тартар” (Негош+). Потому и бивал членом Совета, когда несправедливо вершили суд, говоря, что “ни за что не потерпит, чтобы народ страдал от несправедливого суда”.

Трагический образ

Как показал д-р Жарко Видович в очерке *Трагедия и Литургия*, античная трагедия представляла собой религиозное действие по преимуществу. То есть: ОДА во славу ТРАГОСА, жертвы, являющейся краеугольным камнем основания некоей общности. Это не было драматическое представление в современном смысле слова: здесь никто не играл ради “художественных эффектов”. Ж. Видович по этому поводу говорит: “Исконная трагедия – лишь отголосок её возможен в литературной трагедии – есть искупление трагической вины человека. Само слово трагедия означает и это искупление и прославление трагической жертвы (или трагического героя), искупителя. Это прославление может быть общенародным торжеством, ибо жертва искупает вину всего народа, и народ не без причины прославляет жертву в трагедии как всенародном торжестве. Это значит, что благословение и

благодать нужны не только для победы над злом, для успешного искупления вины, но и для прославления той жертвы, ибо трагедия есть и песнь славы, как видно и из самого слова. Божество должно быть наравне с жертвой, и с теми, кто приносит жертву, и с теми, кто успеху и действию жертвы радуется. Здесь вновь единение – искупления, жертвы, представляющей народ, и самого народа – с божеством. Трагедия, таким образом, есть общенародное празднование, или что то же самое, преобразование страдания в торжество и праздник. Без этого преобразования страдание оставалось бы только страданием, только злом, в то время как трагедия являет преобразование, которым достигается победа над злом (через жертву) и ПРОСЛАВЛЕНИЕ этой победы...” Видович доказал, что античный эллин был уже приготовлен к благовествованию Церкви – трагедией. Ибо Литургия как явление всем Страдания, Смерти и Воскресения Богочеловека Иисуса Христа представляет собой прославление Пасхи, Жертвы Господней, благодаря которой общество благодатных чад Божиих имеет основание в Нем, Сыне Отца по естеству. Литургия есть прославление Светлого Воскресения: прѣзидникъ въ прѣзидникъ и торжество ѣсть торжество: въ онъ же вѣгословимъ Хрѣта во вѣки, как поёт святой преподобный Иоанн Дамаскин в Пасхальном каноне...

Общность, таким образом, основана на ЖЕРТВЕ. Общность может возникнуть лишь благодаря ЖЕРТВЕ, при том сознательной жертве того, кто понёс свой крест как крест своих братьев. Это глубоко чувствуют все православные народы, и сербы здесь не составляют исключения. Посмотрите на русских: их первые мученики, сыновья равноапостольного князя Владимира страстотерпцы Борис и Глеб пострадали от своего злого сводного брата только за то, что отказались ему противостать, иначе бы это вызвало междоусобицу. Они желали скорее умереть, чем пролить братскую кровь. (Святой Царь-мученик Николай так же обретается между страстотерпцами именно потому, что принял смерть вкупе с семьёю, поскольку отказался от престола из-за угрозы гражданской войны.) И первый сербский святой, мученик король Иоанн Владимир был убит родственником своей супруги Косары Владиславом, не желая злу противопоставить зло. Жертва

естественно является краеугольным камнем сербского общества, прежде всего, благодаря двум величайшим святым сербского народа – святителю Савве (который, как записали его агиографы Доментиан и Феодосий, говорил, что не пожалел бы даже своей души, чтобы прийти в Сербию и учить тех, кому потребно научение, и чьи мощи были в 1594 году сожжены на Врачаре) и великомученику князю Лазарю, определившемуся за Царствие Небесное, без кого царство земное развеялось по балканским просторам. Причащение всех воинов в “белой Самодреже+церкви” накануне боя на поле Косове значило непосредственное соединение со Христом, Чья жертвенная Смерть и Воскресение стали залогом вечной Победы.

Так мы приблизились к пониманию значения Кара-Георгия в истории сербского народа. Он остаётся в сознании своих потомков личностью над-исторической, превосходящей фактографию. Несмотря на то, что был не без слабостей (многие из них описал Вук Караджич), он по значимости своей личности стал “отцом Сербии” (Негош). Благодаря чему? Именно тому, что голову свою продал за её мученический венец, о чём Пётр II Петрович сказал в *Посвящении праху отца Сербии*.

Человек Божий

Трагический образ сербского восстания, имевший в себе все недостатки и достоинства серба-человека, Кара-Георгий всегда оставался человеком Божьим. В глубине сердца он носил веру во Христа и Его святых, что много раз доказывал, прежде всего, своими делами. Ещё воюя добровольцем во время австро-турецкой войны, когда воеводы с народом вынуждены были бежать от турок в Австрию, вместе с другими видными сербами поднял на плечи раку с мощами святого благоверного Стефана Первовенчанного, краля Сербского и взошёл с нею к монастырю Фенеку дабы не досталась туркам на сожжение. Это несение Сербского Завета на плечах и в душе и есть сущность личности Кара-Георгия. И потому пострадали те, кто поднял руку на великого Вождя. Никола Новакович+, зажавший топором Кара-Георгия и его слугу Наума, пошёл в родное село Будиловину, но упал в реку, и вода отнесла его под мельничное колесо, где он и

скончался с переломанными костями. Похоронен без креста и знака на кладбище в Опариче. Вуица Вуличевич+ ослеп на один глаз и умер от незаживающих ран. Милош Обренович был изгнан из Сербии, а его сын убит. Драгутин Милетич, потомок Николы Новаковича, в конце XX века живший в Опариче, рассказывал для газеты: “Убила нас кумья кровь. С тех пор, как мой прадед убил Кара-Георгия, на наш дом пало проклятье. За что бы я в жизни ни брался, ничего не добился. Старались и мои предки. Не даётся нам. Я долго не верил в подобные вещи. Твердил, что те мои были нерадивы, но собственный пример меня разуверил. Пробовал перехитрить судьбу. Отослал сына из села в Рековац, однако и то не помогло. Только начал работать, сильно поранился. Трудно живёт. Себе не может помочь, куда как мне...”

И потому Кара-Георгий ещё шлёт послания своему народу. Так, в ночь с 13 на 14 октября 1993 года небо над Покаяницей+ сияло кровавым светом, а над местом убийства Вождя звуки и свет выглядели воистину устрашающе. Эти знаменья очевидно предрекали страдания сербов Краины и Славонии, Боснии и Косова, страдание целого народа, ведомого лжевождём в бездну.

Сербский народ – это народ трагедийный, то есть народ, чья общность основана на жертве и её прославлении. Двухсотлетняя годовщина Первого Сербского восстания, которую отмечаем под полуоккупацией чужестранцев и их гауляйтеров, должна нам об этом напомнить. Жертвенная глава вождя Кара-Гергия (владыка Амфилохий+) – всё ещё та глава, которая нас может объединить и дать нам надежду, что не всё потеряно. Ибо, по слову немецкого поэта Гёльдерлина, “где опасность, возрастает и спасение”.

Перевела Мария Мелькова

Д-р Димитрий ДЖЁРДЖЕВИЧ

СЕРБСКОЕ ВОССТАНИЕ – ВЕСТНИК ОСВОБОЖДЕНИЯ БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ

На переломе XVIII – XIX веков обострился внутренний кризис Оттоманской империи, выразившийся в столкновении центральной и местной феодальной власти и ужесточившемся давлении на угнетённую райю+. Отказ турецких чиновников в Белграде, Видине, Рущуке, Янине подчиниться власти султана нарушил общий государственный порядок, довёл до отчаяния порабощённое балканское крестьянство, способствовал развитию местного самоуправления и возникновению феномена народных вождей на основе военного и политического опыта, полученного в ходе австро-русско-турецких войн и торговых отношений с соседней Европой. Из этого взаимодействия старых и новых явлений возникли и новые аграрные отношения на Балканах, в конце концов приведшие к их освобождению.

Мятежи безоружной, голорукой райи против вековой власти мощной империи представлялись дотоле неизвестным, опасным и, казалось, авантюрным начинанием, разгоревшимся из первых искр в пожар, ширившийся от пограничных областей веерообразно вглубь Балкан. Народное восстание прежде разразилось в Сербии, затем в Греции, далее в Румынских княжествах и, наконец, в Болгарии. В Сербии восстание 1804 года первоначально ограничивалось Белградским пашалыком+ с тем, чтобы уже в 1805 г. после победы над местной тиранией и столкновения с оттоманским войском распространиться за его пределы. То же было и с греческим, румынским и позже болгарским освободительным движением. В этом сербское восстание сыграло передовую роль, подавая пример и вызывая широкий отклик. Хотя в то время и не существовало средств массовой коммуникации, вести о сербском восстании с быстротою молнии разносились по балканским просторам. Их передавали священники и

монахи, гайдуки и их укрыватели, местные и странствующие торговцы и их представители, контрабандисты, беженцы с окраинной Военной Границы+ и более широкой балканской диаспоры, так же, как и сообщения европейской печати, извещения дипломатов и русских агентов. Во всём этом особую роль сыграла развитая в войнах и беженстве осведомлённость крестьян о событиях на соседних территориях.

Расширению сербского восстания на окрестные балканские земли способствовала и стратегия его руководства, которое уже в 1805 г. на Народной скупщине в Смедереве приняло решение распространить восстание вонне границ Белградского пашалыка. Наступление Кара-Георгия на Санджак+ имело целью соединить Сербию с Черногорией и герцеговинскими племенами+ и перенести мятежный пламень в Боснию. Продвижение в сторону Восточной Сербии служило намерению соединиться с наступающей русской армией на Дунае. Планы наступления были также направлены на Южную Сербию+ и болгарские области возле Видина. Бунт в Среме 1807 года, ученические беспорядки в Банате, крестьянские мятежи в Славонии и Мославине, восстания герцеговинских и брдских (горских) племён, бунт в Боснийской Краине и массовое бегство из Военной Краины в Сербию проявили эту связь сербского восстания в Отечестве с более широким сербским и балканским окружением.

Соседние балканские народы оказывали ожидаемую поддержку. В сербских отрядах Восточной Боснии воевало значительное число болгарских добровольцев. Гайдук Велько предпринимал действия в Болгарии, и сербско-болгарские четы+ достигали Софии. После русско-турецкого перемирия в Слободзее в Сербию в 1808 году перешло 4000 болгарских добровольцев. В Валахии Тудор Владимиреску и его подпольная освободительная организация участвовали в русско-сербских военных операциях.

Отклик на восстание был особенно значительным в Греции. Греческие моряки на Спорадах, искушённые в предшествующих мятежах против турок на Пелопоннесе в 1760-х гг., отозвавшись на русские призывы, повели в 1806 г. пиратскую войну в Эгейском море. Один из их вождей

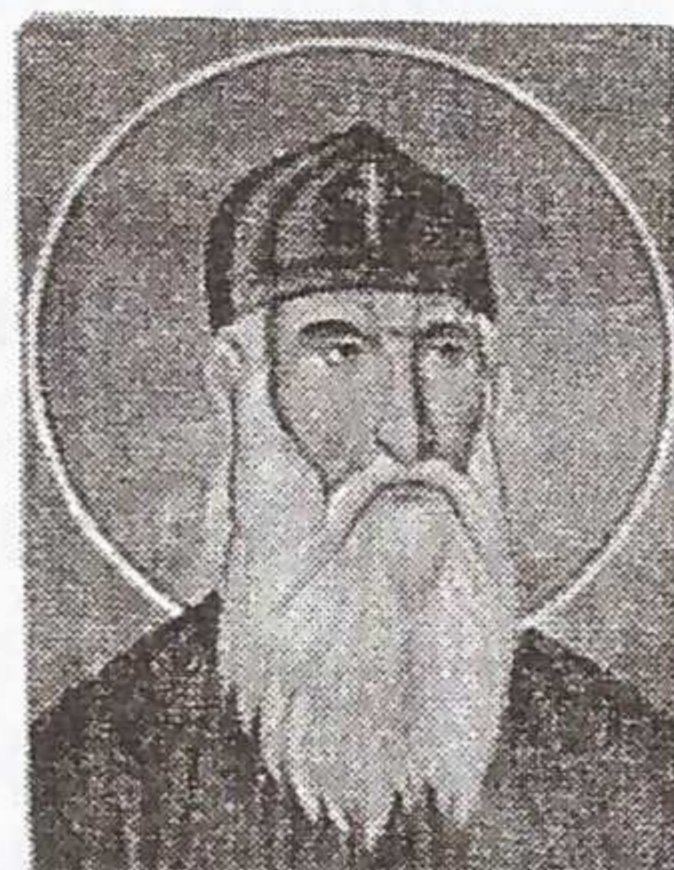
Никоцарас образовал добровольческий отряд, намереваясь пробиться до Сербии и присоединиться к восстанию, однако турки устроили ему по дороге засаду и разгромили. Беспорядки и нападения греческих гайдуков-клефта на турецкие гарнизоны угрожали безопасности передвижения и торговли в Македонии и вынуждали турецкие власти разоружать греческое население в Серах и Салониках. Описывая восстание под предводительством священника Анфима Влаховаса на Олимпе в 1818 году, албанский поэт Хаджи Секрет ссылаясь на карагеоргиевские и русские послания-призывы. Среди греческих добровольцев, присоединившихся к сербскому восстанию, выделялись эпирец Конда, участвовавший в освобождении Белграда в 1806 году, Георгий Олимпиос, фракийский валах Янко Попович и Георгий Заглас. Князь Константин Ипсиланти организовал в Валахии Греческий легион из 1500 добровольцев греков, румын, албанцев и болгар, чей отряд под командованием Николая Пангаиоса участвовал в 1807 г. в битве у села Штубика, где русские и сербские силы нанесли поражение туркам. Царьградская Патриархия, Валахский, Видинский и Белградский митрополиты были посредниками в переговорах сербских повстанцев с турками. Наряду с Ипсиланти, помышлявшем о занятии сербского престола и образовании единого греческо-балканского государства, граф Каподистрия, позднее первый президент Греции, строил планы о конфедерации Валахии, Молдавии и Сербии.

Сербское восстание два столетия назад подвигло на борьбу и вдохновило балканские народы духом свободы и единства. Греческий поэт и историк Грандафил Дукас в *Истории Славяно-Сербской*, изданной в Пеште в 1807 году, сжато выразил идею балканского единства:

*В этом войске Сербского народа
Многие собрались, хотя друг друга не знали.
Собрались, однако, со всех сторон
Болгары, сколь и Валахи и Эллины.*

Перевела Мария Мелькова

110 лет со дня рождения и 25 лет блаженной кончины Аввы ИУСТИНА (Поповича)

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ОТЦА ИУСТИНА¹

Божественный апостол заповедует: “Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их. “Иисус Христос вчера, и сегодня и во веки Тот же” (Евр. 13, 7—8).

И воистину, Господь Иисус Христос, Вечное Слово Божие — Логос Божий, и Вечная Премудрость Божия, — и вчера, и сегодня, и во веки Тот же, от вечности и до вечности Тот же, неизменный Единородный Сын Божий и Бог Спаситель наш. Как вечная Любовь Божия и вечный Человеколюбец, Он вначале сотворил род человеческий, призвал из небытия в бытие, а в последние времена Он, Тот же и неизменный, преизобилуя любовью и человеколюбием, воплотился от Святыя Богородицы “нас ради человек и нашего ради спасения”. Он, как глаголет премудрый Соломон, “сотворил малого и великого, и одинаково промышляет о всех” (Прем. 6, 7), и поэтому Он послал пророков и праведников в Ветхом Завете поучать и водить народ Божий; Он избрал и святых апостолов Своих и послал их в мир проповедовать слово Евангелия ради спасения всякого человека и всякой твари; Он и поныне непрестанно даёт и поставляет учителей и наставников, и отцов, и пастырей в Церкви Своей святой и через них руководит нами и учит Божественному Слову

¹ Отредактирован анонимный перевод текста епископа Афанасия (Евтича)+ из книги *Преподобный Иустин Попович. НА БОГОЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ПУТИ.* СПб., 1999.

Своему, и они нам Духом Святым из рода в род свидетельствуют о Боге Живом и Истинном, о вечной Истине и Правде Божией, о вечном спасении и вечной жизни в Нем — Едином Боге и Спасе нашем — и здесь, на земле, и в вечном Царствии Небесном.

Об этом пророчествовал и говорил премудрый Соломон, глаголя: Премудрость Божия, Творец и Украститель всего, “Она — одна, но может всё и, пребывая в самой себе, все обновляет, и, переходя из рода в род в святые души, приуготовляет друзей Божиих и пророков; ибо Бог никого не любит, кроме живущего с премудростью” (Прем. 7, 27—28), Христос Господь, Божия Сила и Божия Премудрость, Божия Любовь и Человеколюбие, дарует нам в мире через Церковь Свою — пророков и апостолов, учителей и наставников, отцов и пастырей, которые нам Духом Святым свидетельствуют и проповедуют Слово Божие, свидетельствуют и утверждают веру Божию Православную, предварительно сами её переживая и осуществляя в своей жизни и делах, в своем богоугодном подвижничестве, в делах человеколюбия. Поэтому завещание и заповедь святого апостола Павла о постоянном поминании наставников своих и непрестанном воззрении на их жизнь и подражании их вере — для нас, православных христиан, — есть заповедь Самого Христа, ибо Христос и через Павла говорил, как нам говорил и говорит через наставников и отцов наших, верных служителей, учеников и друзей Его.

В древние времена истории Христианской церкви Христос, будучи Главой Своей святой Церкви, после святых апостолов давал роду человеческому великих и славных отцов и учителей церкви, во всяком роде, проповедующих Евангелие роду человеческому и руководящих его ко спасению. Неколебимо пребывая в любви Своей, Он, Тот же, по неложному обещанию Своему (Мф. 28, 20), делает это и поныне через наследников святых апостолов и святых отцов: через святых епископов и пастырей, священников и наставников, духовников, подвижников и исповедников Православия, от древних святых отцов до святых равноапостольных учителей и просвятителей славянских Кирилла и Мефодия, святителя Фотия, святителя Саввы и святителя Григория Паламы, до святителя Марка Ефесского и святителя Тихона Задонского, до святителей

Василия Острожского и Нектария Эгинского, до новых святых священномучеников, исповедников и подвижников Православной веры и жизни.

Таким святым учителем и наставником, апостольским отцом и пастырем святоотеческого духа, христоролюбивым подвижником и духоносным исповедником Христовым был в наши дни в Святой Православной Церкви верный слуга и угодник Божий — отец Иустин. Ибо, если кто по апостольской заповеди в наши дни проповедовал Слово Божие, жил и почил достойно проповеданного Евангелием спасения, то это поистине был блаженноусопший отец Иустин. Потому и остался он нам образцом и примером подражания: и в слове Евангелия, и в деле евангельской жизни, и в подвиге веры Православной во Христа Богочеловека — вчера, сегодня и во веки Того же и Неизменного, и в любом христианском подвиге святой веры и святых добродетелей. Ибо, по премудрому Соломону, “свято хранящие святое освятятся” (Прем. 6, 10). Так и этот верный слуга и друг Божий, верно и свято содержавший и соблюдавший самые великие святыни на земле — веру и жизнь Евангелия Христова — и сам освятился, стал святым, и как таковой оставался от Бога нам данным образцом и примером, для нашего следования ему и подражания.

И потому, исполняя приведенную заповедь святого Первоверховного апостола Павла, мы приступаем здесь к краткому изложению его евангельской жизни и подвига, известных кому-то отчасти, но многим малоизвестных или вообще неизвестных. Ибо ни мы, знавшие его и, хотя недостойные, но по безграничному милосердию Божию и великому снисхождению этого блаженного отца, бывшие его учениками и духовными чадами, ни мы сами, вплоть до его блаженного преставления ко Господу, достаточно не знали, кем и каким Божиим человеком он был.

Но как приступить к описанию жизни человека, богоподобного человеческого существа, тем более такого угодника Божия, не исполнив предварительно того, что сам отец Иустин всю свою жизнь выполнял и другим советовал: “К любому человеческому существу, к любому Божьему творению приступать прежде всего с молитвой, чтобы молитва Господу опосредствовала

наше приступание к каждому существу, к святой тайне каждой иной души, к каждой богоподобной личности, ибо только посредством призываемого в молитве Господа Иисуса Христа можно правильно и безгрешно встретить, узнать и полюбить творение Божие, каждое богоподобное и христороподобное существо человеческое”. По этой основной причине, и наш подход здесь к жизни и трудам блаженнопочившего отца Иустина будет, — постараемся, чтобы был, — молитвенным подходом. Ибо таким был и его подход к нам во время его земной жизни, и мы уверены, — мы в это веруем, это знаем и чувствуем, — что так он и сейчас призывает на нас с неба, из Небесного Царствия Христова, где молитва — вечная жизнь и вечное дыхание в Духе Святом и Духом Святым.

+++

Отец Иустин родился в день Святого Благовещения Пресвятой Богородицы 25 марта (по старому стилю) 1894 года в старинном сербском городе Вране от благочестивых православных родителей сербского рода Спиридона и Анастасии. Его дед по отцовской линии, известный отец Алексей, был священником, седьмым по счету (а по другим источникам, даже тринадцатым) в древней семье Поповичей, о священническом происхождении которой свидетельствует сама фамилия. Один из давних священников этой семьи переселился, как говорят, из южных краев в окрестности Вране, привезя с собой в корзинках на лошади детей и имущество. Из священников до отца Алексея известны нам имена о. Наки, о. Георгия, о. Величка, о. Марка и о. Антония, хранившиеся в помянниках отца Иустина, ибо благодарный внук и потомок поминал их каждодневно за Божественной Литургией. Известно об этих священниках еще и то, что во время Болгарского экзархата, будучи чистыми сербами, они больше тянулись к православным братьям грекам, потому их турки называли “грекоманами”, ибо именоваться сербом было запрещено, особенно во время сербско-турецких войн вплоть до окончательного освобождения Вране и его окрестностей 19 января 1878 года.

О. Алексей в то время был священником в селе Горне Жапско (южнее Вране за Моравой), где был монастырь Святого Архидиакона Стефана (подчиненный монастырю

Преподобного Прохора Пчиньского) и при нём — монастырская школа, т. н. псалтирская богословия, где сын о. Алексия Спиридон учил Закон Божий, но лишь два года, поскольку после этого отец вернул его домой. Так на нём священство в доме Поповичей прервалось, чтобы сын Спиридона и внук о. Алексия Благое (мирское имя о. Иустина) его вновь продолжил и, таким образом, поистине возобновил. Спиридон не утратил знаний, приобретенных в монастырской школе, и впоследствии прислуживал и помогал священникам во время священнодействий в храме и на дому, так что и он, и его семья остались в священной обстановке церковного благочестия, и в такой среде родился и рос маленький Благое.

Отец Иустин с родителями и семьёй сестры

По освобождению Вране о. Алексей сумел там построить два дома для своих сыновей Спиридона и Драгутина. С этого времени в город переселилась и вся его семья. Спиридон, державший хозяйство, был честным и набожным юношей и вскоре вступил в супружество с такой же честной и набожной девушкой Анастасией из одного окрестного села. Однако в начале их супружеской жизни дети у них никак не могли подняться на ноги и постоянно умирали. Из восьмерых детей в живых осталось лишь трое: прежде всего, дочь Стойна (названа так по договоренности со священником Костой Йовановичем, чтобы окрепла и стояла, т. е. осталась жить), затем на два года ее моложе Стоядин (назван так по той же причине) и, наконец, двумя годами моложе Стоядина Благое, названный так в честь праздника Благовещения Пресвятой Богородицы, в день которого он рожден.

Нет сомнения, что в рождении Благое в день Благовещения и в том, что он остался третьим живым ребенком (после него в семье умер еще один новорожденный) указывается то основное знамение, под которым пройдет весь его жизненный путь на земле: со дня своего рождения благовещенный Благое жил и подвизался, нося на себе знамение высочайшего Благовещения, когда-либо роду человеческому данного — Благовещения Боговоплощения Сына Божиего от Пресвятой Богородицы “нас ради, человек, и нашего ради спасения”, — и Благовещения о тайне Святой и Животворящей Троицы, во имя Которой и в храме во имя Которой был крещён маленький Благое. Подвигнутый всетворящей волей Божией “из небытия ко всебытию” он, как позже напишет в своей *Догматике*, со дня Благовещения 1894 г. до дня Благовещения 1979 г., когда оставил мир и переселился в жизнь вечную, был неизменным вестником и благовестником, непревзойденным богословом тайны воплощения Сына Божиего — Богочеловека Христа от Святой Богородицы — и тайны Святой Троицы, Единого Живого и Истинного Бога нашего.

В кругу своей благочестивой, православной и священнической семьи вырастал юный Благое и вместе со своими старшими братом и сестрой воспитывался во всем том, что только честно и благочестиво и сладчайшему Богу угодно. О глубокой вере и благочестии отца Благое Спиридона свидетельствуют слова многих людей, лично его знавших, ибо это поистине был Божий человек по доброте сердца и благодати души, а также по богоданному быстрому уму и мудрости.

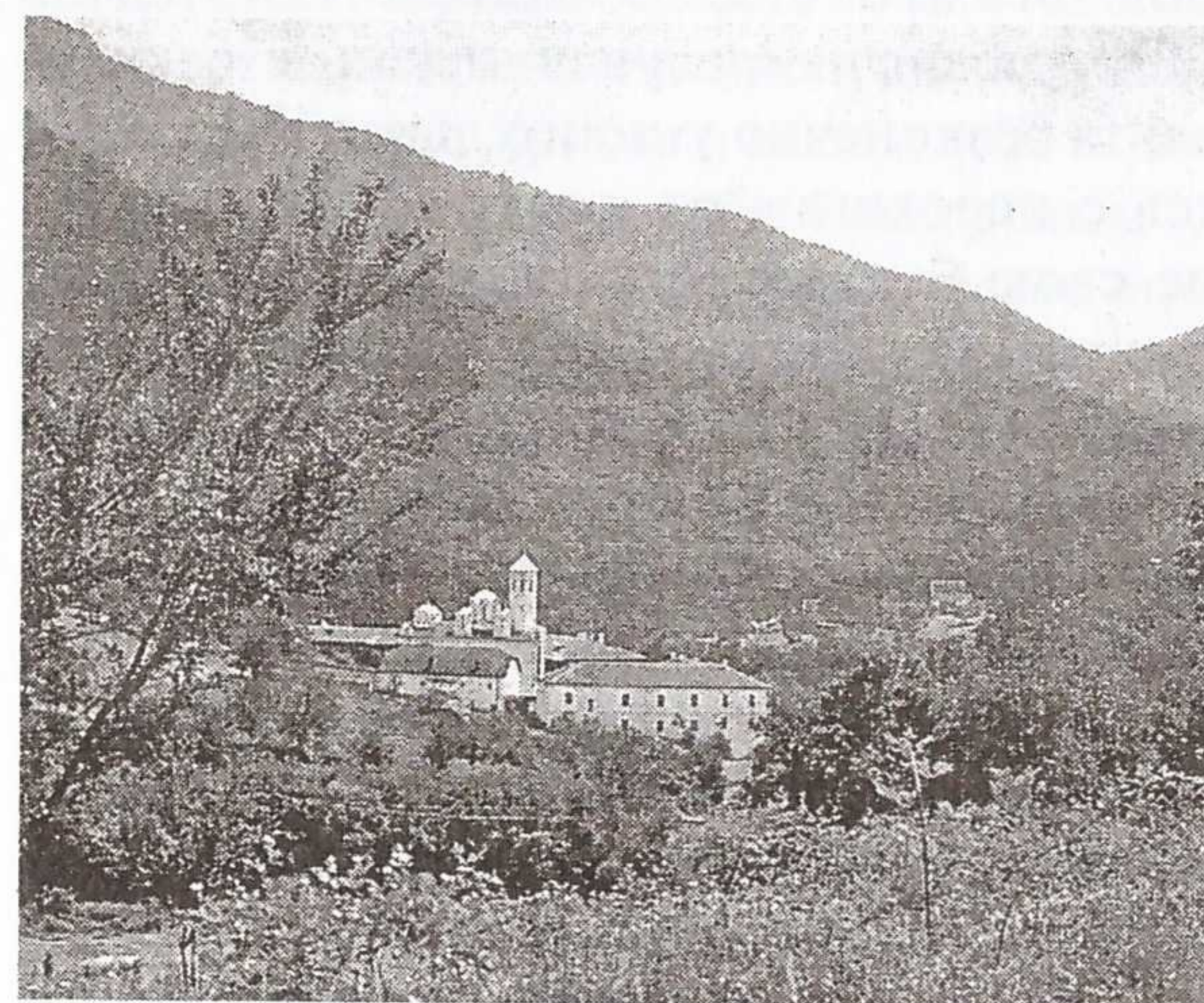
Особенно много чему доброму он научился от своей любимой бабушки Станы (Анастасии), вдовы почившего о. Алексия, жившей до 105 лет, а также и от своей набожной матери Анастасии, и, таким образом, в этом отношении его детство было подобно детству святого Василия Великого, который сам о себе свидетельствует (в Письмах 204 и 223), что веру православную и благочестие он прежде всего принял и научился им от своей матери Эмилии и своей бабки Макрины, ученицы святителя Григория Чудотворца, архиепископа града Неокесарии, места рождения святителя Василия Великого. Мать и бабушка молодого Благое не имели учителем святого Григория, но зато в их

местности находился монастырь чудотворца Христова — Преподобного Прохора Пчиньского+. Они, как и другие набожные жители города Вране, часто ходили в монастырь и водили с собой детей и внуков. О набожности благочестивых горожан, а также их приверженности святому Прохору и его монастырю свидетельствует нам и само имя, которым они и сегодня называют преподобного Прохора, именуя его *Святым Отцем* и показывая этими словами своё отношение к нему и его к ним. Ибо древний неманичский+ монастырь с его святым покровителем и чудотворцем — святым Прохором Мироточивым — был общим отцовским духовным домом и духовной колыбелью, в которой родились или, лучше сказать, возродились многие благочестивые души, среди которых был и юный Благое Попович.

Через всю свою жизнь и странствия искренний и смиренный почитатель святого отца Прохора Пчиньского Благое-Иустин не упускал возможности вновь прийти к покровителю родного края на поклонение и благословение, а особенно в то время, когда, будучи уже профессором университета и в то же время монахом, принадлежал братии монастыря Святого Прохора. К этому времени относится и следующее событие, о котором сам отец Иустин впоследствии смиренно рассказывал. Как-то летом молодой профессор университета иеромонах Иустин направился из Вране в монастырь Святого Прохора Пчиньского. Поскольку неблизкий путь в обитель пролегает через горы, он нанял упряжку волов. На пути они настигли некую старицу, шедшую в монастырь пешком. Он предложил ей поехать ко Святому Отцу вместе с ними, на что получил такой ответ: “Спасибо тебе, сынок, но я нищая”. О. Иустин сказал, что ей не нужно платить, ведь волов нанял он. Старица же ответила: “Не в том дело, сынок. Я нищая, потому ничего не имею другого принести Святому Отцу, кроме сего труда”. Тогда я, смиренно говорил про себя авва, ударил себя ладонью по лбу — а он у меня был широким и высоким — и сказал себе: “Эх, Иустин, Иустин, стал ты профессором богословия, а набожности этой старицы ещё не стяжал...” Сразу после того он расплатился с крестьянином за упряжку и отпустил его назад, а сам пешком пошёл вместе со старицей в монастырь. Ко Святому

Отцу он всю жизнь питал великую любовь и благоговение. В тяжёлые минуты жизни он особенно молился этому святому, как, например, в июне 1923 года, когда в *Молитвенном дневнике* появились такие строчки: “В последнее время душа моя молитвенно рвётся к святому Прохору Пчиньскому — теплеет моё сердце, когда его призываю”.

Приходя в монастырь со своими родителями, он часто бывал

Монастырь преподобного Прохора Пчиньского

свидетелем чудесных исцелений, происходивших у мощей этого угодника Божьего. Много лет спустя он сам нам рассказывал, что в 1929 году был очевидцем благодатного исцеления своей матери, у которой сильно разболелась нога, а врачи признали

болезнь неизлечимой. Однако когда перед ракой святого чудотворца Прохора Пчиньского был отслужен молебен и нога помазана целебным миром, истекающим от его святых мощей, сей святой отец исцелил ее, и она стала здоровой.

У своей глубоко верующей матери молодой Благое учился и основным истинам православного евангельского благочестия — молитве и посту. Он часто рассказывал, как его мать вместе с другими набожными жительницами Вране каждый год в Великий Пост содержала строгое *тримирие*, т.е. строгий пост без какой-либо пищи и воды в течение первых трех дней поста. О. Иустин через всю свою постническую жизнь не только верно сохранил соблюдение “тримирия”, но и намного увеличил постнический подвиг, как мы это увидим в дальнейшем изложении его жизни.

Отец Иустин сам оставил свидетельство о своей матери. Это свидетельство записано спустя несколько месяцев после ее блаженного преставления. На полях своего толкования Евангелия от Иоанна (в пасхальные дни 1945 года) отец Иустин под заглавием *Физическое ощущение безсмертия* отметил следующее: “Я пережил сам это ощущение возле мертвой матери. Она, любезная мне, уснула о Господе в день св. Гавриила+ Лесновского (15/28 января 1945 г.), в воскресенье, в 22.30. Погребена на следующий день в 16 часов. По ее лицу была разлита бесконечно умильная благодать и доброта. Расставаясь с иссохшим от постов телом, душа оставила на её лице свою бессмертную благодать и красоту. Поистине лишь бессмертная благодать и бессмертная красота могут быть так умильны. И то, и другое преисполнено бессмертной добротой. И все это постоянно усиливало моё молитвенное состояние. Просто некое физическое ощущение безсмертия от этого разливалось по моему существу. И я сам, действительно, возле мёртвой матери пережил самое очевидное доказательство её безсмертия — физическое (опытное) доказательство. Это парадоксально, но евангельски истинно: „Зерно пшеничное, если не умрет — останется одно, а умрет — принесет много плода». На смертном лице — такое очевидное безсмертие! Безсмертие души, безсмертие всего существа моей милой матери... И я плакал от скорби и умиления, и до сих пор те чувства обладают всем моим существом. Её чудесное лицо было таким естественным физическим переходом в её безсмертие. А что же я? С тех пор я всегда думаю о ней с молитвой: каждое чувство, каждая мысль о ней незаметно претворяются в умиленную молитву... Мои мысли источают слезы и преисполняются молитвами. Какое блаженство быть человеком с ощущением, с опытным ощущением безсмертия. Это последний дар, который моя матушка, моя бессмертная дарительница, даровала мне на земле... Через возбужденную душу проносится сладкое дамаскиново веяние вечной истины: “Образ есмь неизреченная Твоя славы...” Искры воскресных сил преизбыточно источаются из благого и милого лица моей уснувшей матушки, чтобы в день Конечного Суда радостно слиться в свет воскресения, и тогда

в вечном сиянии заблестает она — послушница Божия Анастасия, что значит Воскресение...”

Подобная запись сына о матери ясно свидетельствует нам о добродетелях и благочестии такой матери, вырастившей такого сына; но в то же время само описанное переживание безсмертия намного больше говорит о вере и благочестии сына такой матери, Благое-Иустина, человека, через всю свою жизнь свидетельствовавшего вместе со св. Исааком Сирином о том, что безсмертие — это не что иное, как ощущение Бога: “Ощущать Господа Иисуса Христа в самом себе — это то же, что ощущать безсмертие, ощущать себя бессмертным”, — исповеднически написал он в своей книге *Философские глубины*. Со смиренным сознанием своей греховности и полного недостойнства можем и мы сегодня засвидетельствовать, что такое или подобное такому ощущение его безсмертия и вечности, но, по нашему духовному недостойнству, во много меньшей мере, он — блаженный бессмертный угодник Христов Иустин — даровал и нам, грешным и недостойным, в час своего — в день Благовещения Богоматери — блаженного преставления о Господе и во время посмертного пребывания его духоносного тела в монастырском храме в течение всех трех дней до погребения.

Много еще можно было бы сказать о детстве и воспитании молодого Благое, но уже время перейти к дальнейшему описанию его жизни. Во всяком случае, нужно здесь сразу отметить в качестве весьма значительного духовного явления в наше смутное и заражённое маловерием время само появление личности отца Иустина, причем его детскую набожность и благочестие, по чудесным и неисповедимым путям Промысла Божиего, мы можем засвидетельствовать, начиная с его тринадцатилетнего возраста и далее через всю жизнь. Об этом повествует и он сам, когда говорит, что тринадцати лет он начал сознательно читать и изучать Евангелие Христово, и с искренностью святого апостола Павла утверждает и признает: “Если бы я тогда не встретил Лик Господа Иисуса Христа, не знаю, чтобы из меня было”.

Одно всё-таки остается несомненным с самого начала и до конца земной жизни отца Иустина Враньско-Челийского: от отроча до восьмидесятипятилетнего старца он был истинным и настоящим, целостным и неповторимым богоподобным

человеком, и потому — человеком веры и любви Божией во Христе Иисусе Господе нашем. И кажется нам сейчас, когда мы пытаемся описать земную его жизнь с самого детства до последнего дня, что весь его жизненный путь лучше всего заключают в себе и выражают слова любимого ему святого апостола, не менее любимого, чем его незаменимый апостол Павел, — святого апостола и Евангелиста Иоанна Богослова: “Ибо это есть любовь к Богу, — благовествует святой Воанергес (*Сын грома*, как иногда подписывался и сам отец Иустин), — чтобы мы соблюдали заповеди Его; и заповеди его не тяжки. Ибо всякий, рожденный от Бога, побеждает мир; и сия победа, победившая мир, есть вера наша. Кто побеждает мир, как не тот, кто верует, что Иисус есть Сын Божий? Сей есть Иисус Христос, пришедший водою и кровию, и Духом, не водою только, но водою и кровию, и Дух свидетельствует о Нем, потому что Дух есть истина” (1 Ин. 5, 3—6). В этих святых словах, в заключённом и вмещаемом в них смысле, содержится вся тайна жизненного пути отца Иустина Поповича, вся тайна его истинно человеческой и потому хриstopодобной, богоподобной личности. Любовью Божией и хранением заповедей Его он сохранил веру Христову до конца и потому победил мир и засвидетельствован Духом Истины.

Все дети Спиридона и Анастасии закончили основную школу во Вране на “отлично”. Стойна затем осталась дома, Стоядин поступил в городскую гимназию и по ее окончании уехал изучать право в Белград, Благое после четырех классов основной школы пошёл в девятиклассную семинарию Святителя Саввы в Белграде, где учился с 1905 по 1914 год. И для юного Благое, и для родителей, его поступление в семинарию решилось “как-то само собой”, как об этом говорила его родная сестра, что означает, что его воля и воля родителей здесь взаимно сошлись. Поступить в Белградскую Святосаввскую семинарию в то время было нелегко, так как из нескольких тысяч кандидатов принимали лишь около ста, а потому приемные экзамены были сложными. Благое эти экзамены сдал на “отлично” и был также отличником на всех курсах.

Жили в семинарии Святого Саввы по-братски, одной семьей. Профессора, среди которых для молодого и даровитого Благое и

для других учеников самым значительным наставником и воспитателем был доктор богословия и философии иеромонах Николай (Велимирович), обучали и наставляли молодых богословов. И ученики, в свою очередь, имели свои литературно-духовные братства, где они друг другу помогали в приобретении знаний, духовно возрастали, укреплялись в православной вере и благочестии. Сам отец Иустин позднее рассказывал, что эти ученические братства, особенно личности отдельных, более опытных в духовном отношении семинаристов, много способствовали его духовному пробуждению и развитию, и потому он до конца жизни оставался благодарным тем старшим его по возрасту семинаристам и постоянно поминал их на молитвах, особенно на святых литургиях.

В этих литературных братствах молодой Благое блистал красноречием и стилем, своей рассудительностью и уже тогда отличным знанием мировой литературы и её проблем. Вообще он был любим своими товарищами, из которых многие звали его побратимом, о чем свидетельствует ряд сохранившихся фотографий и записок его друзей. Но молодой Благое был не только веселым и добрым другом. Уже в то время не земные, не временные, а вечные печали и стремления занимали эту душу, жаждущую Бога.

Весьма характерным в этом отношении является стихотворение одного из школьных приятелей, посвященное Благое, в котором приятель призывает его “оставить печали” и “радоваться жизни”. Благое был жизнерадостным и трезвым юношей (“В богозданной и логосной сущности своей жизнь — это рай; мир — это благовестие Божие”, — напишет он в ранней работе о Достоевском), но порывы и стремления его устремленной ко Христу души превосходили пространства и границы мира сего, жизни на земле и её временных и чаще всего горьких радостей.

Как раз на эти молодые семинарские годы падает и то время, четырнадцатый год от роду, когда он начал регулярно читать Святое Евангелие. (По-видимому, с того времени он и завёл для себя и для других, желающих того, правило: каждый день читать по три главы Нового Завета. Это правило он держал до конца жизни). Это было время сознательного юношеского пробуждения перед тайной жизни и смыслом существования, когда молодой

Благое, подобно евангельскому юноше, поставил себе самый серьёзный вопрос: как получить жизнь вечную? К этому основному евангельскому вопросу (Мф. 19, 16; Мк. 10, 17) он неоднократно возвращался в течение всей своей жизни, особенно на встречах и в разговорах с молодыми людьми, со студентами. Он говорил им тогда: “Никто Господу Иисусу Христу не ставил такого важного и рокового для человека вопроса, как этот евангельский юноша”. Потому он всегда искренне любил молодость и молодые души и отдавал им много свободного времени и любви, как раньше, будучи профессором, так и впоследствии, будучи духовником.

Таким образом, Благоев сознательный интерес к святому и живому Слову Божию в Священном Писании выходил за рамки семинарских предметов и экзаменационных требований; для него это было исканием насущного хлеба для жизни и подвигов, поисками ответа и духовной пищи для своей, души, алчущей и жаждущей Бога, алчущей и жаждущей полноты и смысла жизни как здесь, на земле, так и в вечности. О том, что и сколько для него лично значило и представляло живое и действующее Слово Божие, которое “острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные” (Евр. 4, 12), свидетельствуют нам и все последующие его подвиги, и вся его подвижническая и богословская жизнь. О том, что святое и вдохновенное Духом Божиим Слово Евангелия, Слово истины и вечного спасения, действительно было таким значительным и в молодости, и впоследствии для боголюбивого и христоролюбивого Благое-Иустина, говорит нам и то, что он — по природе исключительно одаренный незаурядным даром разума и размышления; редким и таким многосторонним и многочувственным, а потому временами и горьким соломоновым даром мудрости — все мысли и помыслы сердца и ума своего беспощадно выносил на суд истины и премудрости Духа Святого, Духа жизни, обитающего в Православной Церкви Христовой, на суд живого предания и опыта церковного, лишь частично записанного в Священном Писании. Об этом нам вновь свидетельствуют все его записи, начиная от сохранившихся семинарских тетрадок и листков и кончая последними крупными опубликованными или неопубликованными трудами.

Просто-напросто, отец Иустин вырастал, жил и дышал Евангелием и Священным Писанием. В этом, возможно, и заключена одна из тайн его особой любви к святителю Иоанну Златоусту и апостолу Павлу.

К этому времени, к семинарским годам, относится и его живая заинтересованность в проблемах мировой литературы и философии, особенно в тех глубинных вопросах, какие затрагивал в своих трудах великий славянский православный писатель Достоевский. Нужно сразу сказать, что в этом отношении отец Иустин был подобен великим отцам Православной Церкви, особенно святому мученику Иустину Философу, святителям Василию Великому и Григорию Богослову. Эти святые, в свое время лучше других изучившие греческую литературу и философию, на самом деле познали всю ничтожность и суетность человеческой мудрости без Христа, почувствовали мучительное и безысходное положение, немощность человеческого существа, его неспособность дойти до последней истины, до смысла этой жизни и существования всего сущего, а потому еще ревностнее предали и посвятили себя Христу и начали свидетельствовать и проповедовать, богомудро изъяснять и богословски истолковывать всему миру и всем людям единственную и ничем незаменимую истину Евангелия Христова — науки и мудрости, единственно спасительной для человека. Взирая на этих святых отцов и шествуя в наше время их путем, и отец Иустин в молодости внимательно изучал мирскую мудрость и “философию по преданию человеческому” (Ср.: Кол. 2, 8), как классическую греческую, так и новую, современную, европейскую и славянскую философию, потому и с этой стороны был всесторонне образованным человеком, ибо был по естеству одаренным, что редко бывает в наши дни.

Своим глубоко философским и всесторонне развитым естеством, чутким и отзывчивым на все вечные проблемы, он ощутил и познал все тайны и лабиринты человеческого духа и существа в этом мире и в этой жизни, но всё-таки на всех путях и пламенных распутьях человеческого духа и мысли он, как об этом сам говорил, подобно святым отцам, оставался как святой и богомудрый философ, т.е. как верный и ненасытимый любитель истинной и непреходящей премудрости. Ибо, обладая

беспощадной к самому себе искренностью, своей душой, любящей истину, ищущей Бога, и жаждущей Христа, по дару благодати Божией, он себя сразу в начале жизни поставил на верный и единственно спасительный путь — путь самой истины, ведущей и вводящей в Жизнь Вечную, а это лишь — Господь Христос Богочеловек — Путь, Истина и Жизнь, единственный Человеколюбец и единственный Спаситель человека на земле и на небе, во временной и вечной жизни. Отсюда в молодом Благое распалилась такая пламенная любовь к Господу Христу, что она в его сердце неугасимо горела вплоть до последнего вздоха его земной жизни. Дивные исповеди и свидетельства этой бескрайней любви ко Господу Христу мы находим во всех его трудах и записях, но несравненно более мы видели и пережили эту его любовь ко Христу в нём самом, во время еще жизненного пути и подвигов.

Интерес молодого Благое, а впоследствии молодого монаха Иустина, к Достоевскому и другим выдающимся мыслителям, пытающимся решать полные трагизма человеческие проблемы, появился у него, прежде всего, из собственных внутренних побуждений. Достоевский, в известном смысле действительно был его своеобразным “учителем и мучителем”, как он сам об этом говорил, и это именно потому, что оба они оказались перед теми же самыми вечными проблемами и что оба они лишь во Христе нашли, открыли и пережили решение своих мучительных вопросов, единственный спасительный выход из всех безвыходных положений и трагизма человеческой жизни. Человеческую драму Достоевского отец Иустин переживал, как свою собственную, т.е. как неизбежную и необходимую драму каждого сколько-нибудь глубокого и искреннего человеческого существа, а поскольку Достоевский пошел за Господом Христом как своего рода современный православный пророк и апостол, молодой Благое в этом же смысле последовал за Достоевским, более как спутник сего на пути в вечный Эммаус, ибо на этом пути человека обязательно встречает и сопутствует ему Благий и Воскресший Господь Иисус Христос, как некогда Луке и Клеопе, и открывается ему в горении сердца верой и любовью и в преломлении хлеба жизни и бессмертного смысла. Об этом нам свидетельствуют и первая, и вторая книги о. Иустина о

Достоевском, ибо они действительно представляют собой, как некто верно заметил, не столько введение в Достоевского, сколько “введение в православное понимание мира и жизни”, “пламенную проповедь Православия и призыв к церкви и вере”, призыв к православному подвигу истинного и вечного спасения во Христе Богочеловеке. (См. рецензию на первую работу отца Иустина *О религии и философии Достоевского*, написанную русским богословом Львом Зандером).

Однако было бы ошибкой переоценивать влияние Достоевского на молодого Благое-Иустина, также как и влияние любого другого мирового писателя, философа или богослова (как, напр., о. Павла Флоренского). И это просто потому, что нам верно и несомненно известно намного более сильное, решающее и постоянное влияние на его личность, со дней богословской молодости и вплоть до конца жизни; влияние, которое и не должно называть влиянием, но духовным родительством и рождением, духовным возрождением и преобразованием по образу и подобию Христову, — подобное тому, о котором говорил апостол Павел своим духовным чадам: “Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!” (Гал. 4, 19). Это влияние и родительство святых отцов Православной Церкви, особенно святителей Иоанна Златоуста и Василия Великого, святого Афанасия, преподобных Исаака Сирина и Симеона Нового Богослова. Они для Благое-Иустина, а вместе с ними, разумеется, и все другие святые Божии были постоянными и каждодневными вождями и учителями, нисколько не меньшими апостолов и евангелистов, описание жизни и подвигов во Христе которых он каждый день читал в Священном Писании. Эти святые были живым олицетворением Христовым; они жизнь Христову и образ Его делами носили и являли в своей душе, во всем своем жизненном опыте и подвигах. Этим они открывали и являли каждому искреннему человеческому существу, что одна и единственная тайна человеческой личности — Богочеловек Иисус Христос. Поэтому за ними всем своим сердцем, тоскующим по Боге, всей своей душой, всем своим существом, устремленным ко Христу, последовал молодой Благое, ибо в них он обрёл и открыл вседрагоценный и вечно живой Образ Христа. “В каждом

святом, — напишет он немного позднее (в предисловии к Житию святителя Саввы — личности, также представляющей определяющее значение для него и его жизненного образа и пути), — Господь Иисус Христос — всё и вся и в его душе, и в его совести, и в его сердце, и в его жизни, и в его трудах. Это и есть психология и онтология святости вообще и каждого святого в отдельности. Отсюда, — добавляет он далее для себя, — и сегодняшний христианин может быть настоящим христианином лишь тогда, когда будет водим святыми изо дня в день”.

Молодой и христоролюбивый Благое, так же, как и впоследствии монах Иустин, предавал поистине всего себя на каждодневное руководство святым угодникам Христовым, особенно и исключительно святителю Иоанну Златоусту, которого с детства необычайно любил и которому, будучи отроком, постоянно молился с искренностью и умилением. Приведем лишь некоторые его молитвы ко святому Златоусту, проникнутые чувством любви: “Чувство какой-то милостивой близости святого Златоуста ко мне всегрешному. Вырывается душа моя к нему молитвой: о молитви меня твоею молитвенностью, удостой меня подвизаться твоими подвигами. Тишина неба снисходит в мою душу, и радость меня объемлет, ибо я имею святого Златоуста” (запись в дневнике за 1923 г.). Или это: “Любезный отче Златоусте, всякий помысел о Тебе — праздник для меня, и радость для меня, и рай, и восхищение, и помощь, и исцеление, и воскресение... Святой Златоуст — вечная заря моей души и всей Православной Церкви. Он — самая любезная посредническая личность; он — самый речистый, богоданный язык земли к небу, которым земля скажет небу свои воздыхания, свои болезни, свои надежды, свои молитвы”.

Существуют, несомненно какие-то подспудные тайны в жизни отца Иустина в его отношении ко Господу Иисусу Христу, опосредствованном Пресвятой Богородицей и святителем Иоанном Златоустом. (И святитель Савва Сербский, будучи еще юным, вслед за Пресвятой Богородицей больше всего любил святого Златоуста и ему первому воздвиг храм. Точно также и отец Иустин воздвиг храм святителю Иоанну Златоусту или, точнее, Господу Иисусу Христу, который в этом святителе обитал и через него действовал и говорил). Явление святого

Златоуста отцу Иустину во сне, происшедшее уже спустя много лет, открывает нам часть той интимной духовной тайны; об этом нам осталась запись (в его личном Малом Требнике) как личное свидетельство отца Иустина: “Накануне святого пророка Иеремии, 1/14 мая 1955 года, в полночь в Лесковце видел во сне: святой Златоуст, в дивном золотом архиерейском облачении, с роскошным золотым Евангелием в руках, идет ко мне; я ему поспешил навстречу, пал к его ногам и целовал его ноги и края одежды; он возлагает мне архиерейский омофор на голову, кладет поверх его святое Евангелие и читает. Когда он окончил чтение, я его с радостью спросил, что он читал. Он мне ответил: „Из моего Евхологиона». Умиление, радость несказанная в душе. С таким настроением проснулся. И долго мною владело радостное восхищение и несказанное умиление”. Подобное этому, но совершенно от него независимое, имеется свидетельство одного из духовных чад отца Иустина, которое осенью 1966 года имело во сне следующее видение: святитель Иоанн Златоуст в келье отца Иустина; отец Иустин кладет поклоны, а святой Златоуст благословляет его и говорит: “Вот мой угодник”.

Так этот жаждущий Бога христоролюбец, прежде всех других наставников и учителей, был ведом и руководим, просвещен и наставлен, и, наконец, ко Христу Богу приведён и Ему предан святыми отцами Церкви Православной, святыми угодниками Божиими, к которым он потому и имел такую любовь и почитание, что им посвятил всю свою жизнь, изучая и проповедуя их веру и опыт, и благовестие о Христе Богочеловеке, описывая и переводя их жития и подвиги, и вообще их богоданную Православную науку и богословие. Потому он с них, прежде всех других, и брал пример и под их духовным влиянием и руководством возрастал и развивался. Потому и стал он близок к ним, подобен им, ибо еще в молодости вступил в благодатный молитвенный союз с ними и с тех пор всю свою жизнь прожил вместе “со всеми святыми”, как он это вместе с апостолом Павлом (Еф. 3, 18) постоянно говорил и всем заповедовал и свидетельствовал. Наиболее показательными с этой точки зрения являются его необычайно содержательные, с множеством биографических элементов тексты Предисловия и Послесловия к изданиям *Житий Святых*

в 1954 и 1962 гг. Задолго до этого, еще в 1922 году, он требовал ввести Жития святых в качестве регулярного предмета в семинариях. Он был, прежде всего, человеком церкви Христовой; она для него означала святое и соборное житие со всеми святыми, Первенец среди которых — Христос, “Первороденный между многими братьями”.

Этот свой союз со святыми угодниками Божиими, а через них — с Господом Иисусом Христом, намного яснее и определеннее осуществил молодой Благое позднее, при известных событиях, случившихся, когда он оканчивал свое обучение в семинарии. Эти события, возможно, и были решающими для его жизненного пути, хотя, точнее говоря, они лишь содействовали осуществлению того, к чему он сам стремился и что таил в глубине своей души. Ибо хотя и через события людям говорит Бог, всё-таки в жизни и истории каждого человека является определяющей та внутренняя тайна каждой отдельной личности, о которой знает лишь Всеведущий Дух Божий и отчасти дух человеческий.

Благое был живым и темпераментным мальчиком. Подвижным и шустрим он был не только в детстве, но и остался до конца своей жизни. В детстве, как рассказывают его школьные друзья, он бегал быстро, словно заяц, обгоняя своих приятелей. Будучи профессором семинарии, он шел по коридорам, словно не касаясь земли, и в класс влетал быстро, как будто на крыльях. Монахом он тысячами клал земные поклоны без передышки и усталости. И, будучи уже в пожилых годах, он вплоть до последних дней перед смертью оставался живым и бодрым, быстрым в движениях и при земных поклонах, даже в то время, когда постился целыми днями и слабел от многодневного непринятия пищи.

Живость его духа, какая-то постоянная внутренняя молодость, отражалась в его теле и поведении на протяжении всей жизни. Такой оживленный и темпераментный Благое в отрочестве, как и все дети на свете, иногда проказничал, но всегда с простодушием и незлобием. Умел он и сердчать, изредка случалось и поссориться, но ссоры были коротки. Он всегда быстро первым перебарывал самого себя и первым просил прощения у приятеля, если даже и не был виноват.

Он был внешне красив и изящен, всегда опрятен и чист — благородство души отражалось и во внешности. В последние дни перед окончанием семинарии родители Благое начали было помышлять о его женитьбе, причем нашлась и подходящая невеста. Однако сердце молодого Благое Господь разогревал другой любовью, любовью к подвижнической жизни и девственности, и он таил желание вступить на монашеский путь, подобно сонмам святых девственников и подвижников. Трагическая смерть брата Стоядина, случившаяся в это время, окончательно определила его выбор, утвердила его в тайном желании, дотоле скрытом в сердце Христова юноши: восемнадцатилетний Благое тогда откровенно сказал всем, что жизнь свою он посвятит Христу как монах, чтобы теснее соединиться с ним и так быть как можно ближе к брату своему, В этом твердом решении он уже никогда впоследствии не поколебался.

Когда родители узнали о твёрдой решимости единственного оставшегося сына принять монашество, особенно когда Благое сразу по окончании семинарии в июне 1914 года решил принять постриг, то сделали, со своей стороны, всё возможное, чтобы удержать его от этого. Они ходили к епископу Нишскому, написали письмо митрополиту Белградскому Димитрию, прося и умоляя обоих воспрепятствовать Благое в принятии пострига. Митрополит обещал это родителям, а поскольку в то время, в августе 1914 года, выходила замуж сестра Стойна, до пострига дело тогда так и не дошло. Вскоре началась война Австро-Венгрии против Сербии; т.е. Первая мировая война, и молодое поколение было мобилизовано в армию. Как окончивший семинарию, Благое вместе со своими одноклассниками был определен в медицинскую роту при военном госпитале в городе Нише.

Как только началась его служба в армии, из нишского военного лагеря он написал пространное и трогательное письмо родителям, в котором сообщил им, что твёрдо решил жить только для Христа и просил благословения на постриг. Богобоязненный Благое очень любил своих родителей и не хотел бы вскоре после смерти брата их вновь огорчить. Родители в ответ на это срочно послали к нему сестру и зятя, чтобы любыми средствами отговорить его от монашества, что им Благое

временно и пообещал. Данное им обещание было ни чем иным, как только лишь временным откладыванием пострига, хотя в сердце своем Благое уже был Христовым монахом. Резкая перемена — какая-то замкнутость в себе и тихая молитвенность —

Благое (в центре) с сослуживцами

была заметна и в его внешности, так что родственники и знакомые удивлялись, что с ним происходит. Известные признаки свидетельствуют о том, что в то время он пережил какой-то внутренний переворот и возрождение, оставившее в его душе неизгладимый след, ибо с тех пор и до конца своей жизни он возложил на себя великие подвиги, особенно поста и молитвы, как мы это увидим впоследствии.

Ужасная военная трагедия, охватившая весь сербский народ, не миновала и Благое. Обслуживая раненых и больных в госпитале, он разделял скорби и страдания своего народа, а в конце 1914 года и сам заболел страшной болезнью — сыпным тифом, который тогда свирепствовал в изнурённой сербской армии и многострадальном народе. Милостью Божией он перенес все критические моменты этой смертоносной болезни и был отпущен на несколько дней домой, чтобы немного оправиться. Уже 8 января 1915 года он вновь санитар в Нише, где остается вплоть до отхода сербской армии к Косову и перехода через Албанию.

В то время, когда война велась с переменным успехом, сербское правительство и особенно митрополит Белградский Димитрий, будущий первый сербский Патриарх восстановленного патриаршества, имели намерение сохранить молодых богословов от гибели и послать их из Ниша в Россию для обучения в духовных академиях, чтобы по окончании войны они принесли большую пользу своему народу. Некие военные чины, по-видимому, собирались и эту группу молодых

семинаристов направить на фронт, однако мудрый председатель сербского правительства Никола Пашич не утвердил такого предложения, так как понимал, что после войны они будут необходимы Сербии. Это намерение, впрочем, в то время осуществить не удалось, потому что вскоре началось всеобщее отступление сербской армии к славному и горестному Косову и дальше, через скалистую и непроходимую Албанию до Скадра и острова Керкира (Корфу). И Благое Попович с группой своих школьных друзей и санитаров, прошёл тернистый путь от Печи до Скадра — путь, унёсший жизни около ста тысяч сербских солдат.

После таких мучений и страданий на всесербской голгофе Благое и его спутники прибыли в 1915 году в город Скадар как раз накануне праздника святителя Николая. После отдыха и частичной оправки христоролюбивый Благое обратился к митрополиту Белградскому Димитрию, который вместе с сербским правительством и армией также покинул Сербию, с просьбой разрешить, по крайней мере, принять монашество теперь. “Ибо, — говорил он, — Вы меня сейчас можете свободно благословить на постриг — ведь моих родителей здесь нет. Кто знает, увидимся ли мы ещё живыми. Им будет лишь отрадно слышать о том, что я жив, а о том, монах ли я или нет, они и не спросят”. По его неотступности, митрополит дал свое благословение, а архимандрит Вениамин, будущий владыка Браничевский, постриг в монахи Благое и его друга Милана Джёрджевича (впоследствии епископа Далматинского Иринея) накануне праздника святого Василия Великого 31 декабря 1915 (13 января 1916) года, в православном храме в Скадре. При постриге Благое было наречено имя святого мученика Иустина Философа.

Этим именем Благое выразил двойное желание своей любомудрой и христоролюбивой души: быть философом Духа Святого, подобно святым Христовым любомудрам, каким был и святой Иустин Философ; и в то же время быть мучеником и свидетелем Христовым в этом мире и жизни (ибо греческое слово ‘мученик’ означает, прежде всего, быть верным свидетелем, свидетелем до самой смерти, свидетелем, готовым и жизнью своей утвердить свое свидетельство). То, что монах Иустин действительно стал философом Иустином, то есть любителем истинной мудрости Божией — Христа Господа, мы знаем, и в этом мог увериться

каждый близко с ним знакомый. Ибо, будучи по натуре любомудром — философом, — он всю жизнь оставался им, всегда живо чувствуя существенные философские проблемы и проникаясь ими, о чем свидетельствуют его *Философские глубины* и *Православная философия Истины*. Только его философия, положившая своим основанием смиренномудрие (как и у святого Златоуста, который говорит: “Основание нашей, христианской философии есть смиренномудрие”, ибо “без него истина слепа”), превзошла философию “по преданию человеческому, по стихиям мира” (Кол. 2, 8) и стала “философией по Христу” — философией не по человеку, а по Богочеловеку, изливаясь из ума и души в молитву и славословие, в созерцание и Боговидение. Поэтому он всегда говорил: “Тяжело каждой моей мысли, которая не выливается, не преобразуется в молитву”.

А в том, что монах Иустин стал и мучеником по желанию и намерению, правда, не мучеником по крови, но мучеником по совести, как святые отцы называют монашескую и подвижническую жизнь, — всецело жертвенно принеся себя самого Христу ради совершенного соединения с Ним, — в этом мы также уверились, и об этом нам свидетельствует весь его самоотверженный подвиг и жизнь пред Христом, полная смирения. Хотя отец Иустин всю жизнь тайно желал и готовился пострадать за Сладчайшего Господа Иисуса Христа, он трезво понимал то мудрое и смиренное правило мученичества, которое святитель Григорий Богослов выражает словами: “Правило мученичества состоит в следующем: да не спешим сами, по своей воле, на страдания, щадя сим и самих мучителей и слабейших в вере, однако, когда нас поведут на страдания, да не бежим от них и да не отрекаемся. Ибо если то первое показывает дерзость, это второе являет малодушие”. В своей христианской жизни отец Иустин никогда не был ни дерзким, ни малодушным. Он не подвизался самовольно на гонения и страдания, но когда они его постигали, всегда радовался. И мы знаем, что он немало пострадал в течение своей честной и исправной христианской жизни.

Итак, нелегко было принести своего Благое, своего Иустина в жертву смирения Христу Богу, но он сделал это с радостью, как праотец Авраам принес в жертву своего первенца, как великий Павел своего Савла.

Вскоре после совершённого пострига митрополит Димитрий добивается от сербского правительства, а последнее — от союзников, — согласия направить группу молодых и наиболее одарённых сербских богословов из Скадра на академическое обучение в Россию, ибо неотложными были заботы о будущем Сербии и ее народа. Традиция направления сербских богословов в российские духовные академии существовала уже двести лет. И действительно, в январе 1916 года из Скадра в Петроград отправились монах Иустин, Иринея Джёрджевич, Душан (Иоанн) Стоянович и Павел Евтич. На старом, обветшалом итальянском судне они переправились в Бари, затем на поезде через Париж прибыли в Лондон, где их ожидал иеромонах Николай (Велимирович), предложивший им остаться тут, предчувствуя уже известные события в России. Они всё-таки поступили по благословению митрополита и через Норвегию, Швецию и Финляндию достигли Петрограда. В Петрограде они поступили в духовную академию (где в то время учился Дамаскин, будущий митрополит Загребский), но вскоре трое спутников монаха Иустина покинули Россию и прибыли в Англию, тогда как он оставался здесь вплоть до июня 1916 года.

За это относительно короткое время он сумел хорошо узнать и ещё больше полюбил православную Россию, не менее чем свою родину Сербию или соседнюю с ней православную Грецию. Его всеправославная, соборная и вселенская любовь ко всем православным, особенно к русским и греческим братьям, была и осталась на всю жизнь одним из его главных качеств. Всю свою подвижническую жизнь он одинаково молился за всех православных, особенно же за братьев-греков и русских, нисколько не умаляя этим любви к своему сербскому народу. Бог дал ему познать лицом к лицу и православную Россию и православную Грецию, как мы это увидим в дальнейшем, и он всегда с любовью смирялся перед Православием святой Византии и Святой Руси и точно так же любил свою православную святую Сербию.

В России отец Иустин имел возможность изучать не только русское православное богословие, поистине стоявшее до революции на завидной высоте, не только читать в оригинале Достоевского и других русских писателей, но, прежде всего и

больше всего, — узнать православную душу русского народа, познать ее рай и ад, как позднее он сам говорил. Кроме работы о Достоевском, начатой, вероятно, уже в это время, впоследствии о. Иустин напишет и ряд статей об отдельных выдающихся русских людях, среди которых и статья “О рае русской души” (1939), посвященная святому праведному Иоанну Кронштадскому.

Он стремился познать, прежде всего, святыни русской души, её святых угодников. Несомненно, с этого времени он проникается глубокой любовью к преподобным Сергию Радонежскому, Серафиму Саровскому, святому Иоанну Кронштадскому и новым исповедникам: Патриарху Тихону, митрополиту Антонию и другим. Для него уже тогда было ясно, что узнать народ, его веру и душу — это значит узнать его святых, ибо истинное Православие — в святости, в стяжании Духа Святого, — в чём и заключается цель человеческой жизни на земле, как об этом собственным опытом свидетельствовал преподобный Серафим Саровский, благодатно явившийся однажды отцу Иустину в одном из последующих периодов его жизни. Это явление было ночью в сентябре 1936 года. Преподобный Серафим в священнических одеждах подошёл к отцу Иустину во сне, и авва с радостью пошёл ему навстречу, простирая к нему руки и желая прикоснуться к нему. На этом святой Серафим тихо удалился. “На душе мне от этого было и радостно, и грустно, — записал потом о. Иустин, — радостно, что я его видел, и грустно, что он так быстро исчез”. Отмечая это, мы считаем, что данное явление преподобного Серафима отцу Иустину было позывом к новым подвигам и добродетелям. Позднее отец Иустин написал дивное житие преподобного Серафима, куда включил и знаменитый разговор этого святого *О цели христианской жизни*, переведенный ранее владыкой Николаем (Велимировичем).

Однако из-за известных бурных событий того времени отец Иустин не смог оставаться в России и в июне 1916 года выехал в Англию, где его принял иеромонах Николай и поместил в один из оксфордских колледжей. Жили сербские студенты, которых тогда в Англии было много, в специально предоставленном им доме St. Stephen's House. Здесь он как внеколледжский студент

прошел восемь семестров теологии (с ноября 1918 по май 1919 гг.), сдавая регулярно все экзамены и, к тому же, много читая и исследуя, о чём свидетельствуют некоторые сохранившиеся тетради, а также приобретенные им или переписанные книги. Из упомянутых тетрадей и заметок видно, что в Оксфорде он читал, прежде всего, святых отцов, как восточных, так и западных, как монашеско-аскетических, так и великих отцов-богословов. Затем он читал наилучшие богословские работы своего времени, работы по философии и истории, литературные и поэтические произведения. Уже тогда он владел шестью иностранными языками, классическими и современными. С другой стороны, что бы ни читал отец Иустин, всё он измерял Священным Писанием. Но, конечно, больше всего — молился. По окончании обучения, он всё-таки не получил диплом, поскольку его докторская диссертация на тему *Философия и религия Ф. М. Достоевского* не была принята к защите.

Отец Иустин ездил и в другие места Англии, слушал знаменитых профессоров, был читателем самых известных библиотек, а особенно знакомился с самим западноевропейским человеком в непосредственных контактах, познавая его душу и жизненную философию. Проникая в глубины европейской культуры, он сердцем и умом восточного православного подвижника не мог её принять без радикальной и беспощадной критики её антропоцентризма и человеко-поклонничества. Кто хоть сколько-нибудь близко знал блаженнопочившего отца Иустина, не только через его книги, но еще более лично, тот мог ощутить и понять, почему он так настойчиво и неоднократно подчёркивал существование глубокого различия, даже непримиримого противоречия между православным пониманием Евангелия, православным подвижническо-благодатным опытом и переживанием Христа-Богочеловека — и западной, гуманистической, или, как он сам говорил, хоминистической (от лат. homo ‘человек’) культурой, то есть западным антропоцентризмом в различных его проявлениях: в науке, философии, теологии, церкви, культуре, цивилизации.

Не столько он противился западной учености и науке как таковой, сколько её болезненному, проникнутому грехом рационализму, разлагающему самого человека,

солипсизирующему его и замыкающему его в самом себе, привязывая лишь к этому миру и к этой жизни. Не менее сего он противился и “мистике” далёкого Востока, ибо и она убийственна для человека, поскольку дегенерирует и растлевает его. Для отца Иустина человек — всегда *Бого-человеческое существо*, откровенно богоподобное и христоцентричное существо, ибо лишь в Богочеловеке, Господе Иисусе Христе, человек — настоящий человек, осуществленный и являющийся таковым. Вот почему этот человеколюбивый и христоролюбивый подвижник и в то время и всю свою жизнь боролся за такого истинного человека во всём его неограниченном и бессмертном, божественном и богочеловеческом росте и силе во Христе-Богочеловеке. Отсюда он боролся против всякого гуманизма, даже в самых лучших его проявлениях, боролся во имя богочеловечества, во имя богочеловечности человека. “Мы во имя настоящего человека остаемся с Богочеловеком, — напишет и засвидетельствует он, — ибо православная борьба за Богочеловека есть в сущности борьба за человека”, за человека божественного и богочеловечного, не отчуждённого от себя, но возведённого во Христе до наивысшей степени, какая только возможна, славы и достоинства, блаженства и совершенства.

Очевидно, что здесь отец Иустин был учеником, прежде всего, апостола Павла и апостола Иоанна Богослова, а также учеником православных святых отцов, чьё учение и благодатный опыт о трагической безвыходности эгоцентрического, заражённого грехом и невозрождённого человека он сам на себе горько пережил и переживал постоянно, как опять-таки на себе и в себе пережил и постоянно переживал благодатный опыт исцеления и спасения человека от рабства греха и смерти через благодатное возрождение, преображение и обожение во Христе Богочеловеке. Тайну человеческого спасения во Христе Боге он переживал не только как исправление и просто улучшение ветхого человека, — как об этом, главным образом, учит и проповедует западное христианство, и римско-католическое, и протестантское, — но как совершенно новую жизнь нового человека в Богочеловеке. В этом отношении он в Достоевском нашёл лишь подтверждение своего личного переживания человека, как его переживает восточное Православие и как его искажает западное

христианство. Поэтому в последней главе упомянутой диссертации о Достоевском о. Иустин выступил с резкой критикой западного гуманизма и антропоцентризма, особенно римско-католического. Английские профессора требовали от него изменения таких взглядов, но Иустин не был бы Иустином, если бы на это согласился. Поэтому он и покинул Оксфорд без диплома. Здесь можно упомянуть, что ещё за какое-то время до этого непринятия его диссертации, отец Иустин отказался жить и содержаться за счёт колледжа и сам зарабатывал себе на жизнь на одной из фабрик Бирмингема

Одно событие, произошедшее во время пребывания отца Иустина в Англии, лучше всего и проще всего показывает нам то, в чём заключается существенное различие между западным гуманистическим христианством и православным богочеловеческим христианством. Один молодой англиканский монах, познакомившись с юным и необычным для всех них монахом Иустином, полюбил его и сблизился с ним. Взирая непосредственно на его подвижническую жизнь и особенно на его непрестанные молитвы и обильные слезы — подвиги, сопровождавшие жизнь отца Иустина до конца его пребывания на земле, — он однажды искренне признался этому православному подвижнику среди Запада: “Я только сейчас понял, что у вас покаяние и вера суть нечто иное, чем мы это понимаем на Западе и как мы учили. Сейчас я вижу, что мы на Западе не знаем, что такое покаяние”. Англиканский монах был прав. В монахе Иустине он видел то, что на Западе видят редко или уже не видят с давних пор: живую веру и покаяние как основание евангельской жизни. Ибо в этом, как говорят святые отцы, заключено Святое Евангелие, этим очищается и возрождается человек, и в нём зачинается новая жизнь в Духе Святом.

Отец Иустин принял Христово Евангелие со всей серьёзностью и последовательностью, как свой личный подвиг, как подвиг, исходящий, прежде всего, от себя самого, ибо в противном случае он остается теорией и наукой на бумаге. Его жизненным, подвижническим правилом было то, что святитель Григорий Богослов выразил следующими истинными словами: “Нужно прежде себя очистить, а затем других учить чистоте; нужно прежде себя умудрить, а затем других учить мудрости;

нужно прежде самому стать светом, а затем других просвещать; нужно прежде самому приблизиться к Богу, а затем других приводить к Нему; нужно прежде самому стать святым, а затем других освящать”. Эти слова о. Иустин имел написанными на первой странице своего Евангелия, которое ежедневно читал.

В начале лета 1919 года отец Иустин и оксфордская группа богословов возвращается на свою родину, теперь уже освобожденную от врагов. Впервые после долгих лет войны и страданий он увиделся со своими родителями, но уже не как Благое, а как монах Иустин. Еще молодой, но слишком серьезный для своих лет, проникнутый печальной задумчивостью и покаянным плачем, он казался им теперь каким-то чудным и таинственным. Как родители они знали его доброе и нежное сердце, но тайну этого сердца не могли понять. В это время он был постоянным любителем молитвы и тихих слез, так что, как свидетельствуют его сестра и племянница, часто уходил в свою комнату и часами проводил там время в непонятной для них тишине. Мать и сестра беспокоились, не случилось ли чего-нибудь с ним, а он не подавал вида и о своей внутренней жизни ничего им не говорил. Всё-таки его подвиги не могли остаться незамеченными, и его племянница по этому поводу говорила: “Он не был бы Иустином, если бы сам себе не досаждал”, — имея, очевидно, в виду его подвиги, непонятные тогда для неё и для всех окружающих.

А подвиги молодого монаха Иустина все были суровыми и самоотверженными, особенно подвиги поста и молитвы. Всю душу и всё тело, все свои духовные и телесные силы он через подвиги очищения и самораспятия приносил Сладчайшему Господу Христу, как он тогда Господа чаще всего называл, показывая этим свой глубокую алчбу и жажду спасения, жажду Бога Живого и Истинного, Единого Человеколюбца. “Что мне очи над чёрной пропастью этой грешной жизни, — говорил он и записал в одном из своих поздних писем, — если в них нет слёз? А душа, что мне душа, если она не Христова? Ибо без Него она — безсмертный ад. А что не ад, если там нет Господа Христа?”. Или вновь говорил: “Очи мои, вы — не мои, а Господни, и потому — служите Господу! Уши мои, тело моё, совесть моя, душа моя, мысли мои, чувства мои, вы — не мои, а Господни, и потому —

служите Господу! Или — умрите смертью, после которой нет воскресения”. Некоторые из своих молитвенных и слёзных подвигов, только Богу в полноте ведомых, отец Иустин частично отмечал в *Молитвенном дневнике*. Кроме того, и его письма и труды не в меньшей мере проникнуты подвижническим настроением и носят печать глубоко личного опыта. Безпощадными до самоотвержения подвигами он рождал себя как великого подвижника нашего времени и в наши неподвижнические дни показал себя по всему подобным святым отцам — подвижником и истинным Христовым богословом.

Тем не менее, когда о. Иустин и его товарищи из Оксфорда явились к владыке Димитрию, тогда уже Святейшему Патриарху Сербскому, он их благословил сразу же, осенью того же года ехать в православную Грецию, “чтобы там оправославиться”, как говорил Святейший, показывая этим, что у него нет доверия западному христианству и образованию. Отец Иустин с друзьями как стипендиат Священного Синода Сербской Церкви отправился в Афины в конце сентября 1919 года и был там до 31 мая 1921.

За время учёбы на богословском факультете Афинского университета он сдал все необходимые экзамены, дающие право защиты докторской диссертации по православному богословию. Позднее он объяснял, что докторская степень православному богослову необходима не ради людской суеты или так называемой “чистой науки” (она не есть гарантия истинного богословия), но ради мира, в котором мы живем, и сложившейся психологии людей, часто считающих, что формальный авторитет, приобретаемый докторской степенью, и самим суждениям о предмете изучения сообщает большую достоверность.

Докторскую диссертацию он готовил теперь с самого начала и на ещё более православную тему: *Учение святого Макария Египетского о тайне человеческой личности и тайне её познания*. То есть — какова, по святому Макарию, человеческая личность в состоянии падшем и греховном, а какова — в состоянии возрожденном и благодатствованном; какое там рабство и какая здесь свобода; какое там нечистое и ошибочное знание и самопознание и какое здесь святое, светлое и спасительное человекопознание и богопознание. Когда всё было сделано и

сданы необходимые для защиты диссертации экзамены по догматике и сравнительному богословию, Синод Сербской Церкви неожиданно отказал ему в дальнейшей выплате стипендии, а она была необходима для печатания работы, и иеродиакон Иустин должен был немедленно возвратиться на родину, вновь не доведя работу до конца. Дело защиты докторской диссертации он закончит позже — с января по июнь 1926 года — по той же теме, также в Афинах у профессора Диовуниотиса. Однако и здесь его ждали искушения: работу ему пришлось наскоро написать вновь, ибо человеческая злоба и зависть украли у него в Сремских Карловцах готовую работу со стола, чтобы этим помешать его дальнейшему богословскому возрастанию и совершенству, а потомство лишить его таких богомудрых и душеполезных книг.

Независимо от работы над диссертацией по православному богословию двухлетнее пребывание отца Иустина в православной Греции принесло огромную важность и пользу и для него самого и для дела Церкви Божией в Сербии и Греции. В Афинах он непосредственно узнал греческий православный народ, его вековое благочестие и живую церковную жизнь и этим обогатил себя и свой народ. С обычным ему смирением он рассказывал нам впоследствии, что проживая у одной набожной греческой старушки, он больше от неё научился благочестию, нежели от многих в университете. «Она, — как говорил он, — знала наизусть почти все жития святых, и я, как монах, горел стыдом и дивился её благочестию». Именно тогда отец Иустин и приобрёл в Афинах некоторые издания *Житий святых* и привез их с собой в Сербию, чтобы впоследствии использовать их при работе над переводами житий на сербский язык.

В Афинах он узнал и пережил дивные византийские богослужения в византийских храмах, полных верующего народа. В одном из таких древних византийских храмов в центре Афин, в котором служили тогда православные русские братья (в основном, беженцы из России, пришедшие в Афины через Царьград и принятые братьями-греками), он как иеродиакон чаще всего служил и там больше всего молился, ибо в мае 1920 года о. Иустин был рукоположен в сан иеродиакона, вероятно, в один из своих кратких приездов из

Греции в Сербию. Он очень любил иеродиаконское служение и служил постоянно.

Со дня своего рукоположения во иеродиакона отец Иустин начал сам жить древней, святоотеческой литургической жизнью, которая вся и во всём сосредоточена в святой Божественной Литургии. Ибо, по словам святых отцов, вся христианская православная мораль и характер духовной жизни заключается в «молитвенной собранности с благочестием», причем эта собранность не только лишь личная самособранность, но и собранность (соборность) всех верных на Божественной Литургии, в церкви как теле Христовом. Таким образом, Литургия воистину является сердцем и лёгкими, которыми живёт и дышит вся церковь и каждый верный. Со Святой Литургией как богочеловеческим сердцем церкви отец Иустин и в то время и всю свою жизнь молитвенно и благодатно весь сливался и соединялся и этим жил и дышал и в храме, и в келье, и во всей жизни. Поэтому с тех пор и до конца жизни на земле он с неустанным усердием и радостью служил Божественную Литургию, в которой — и крест, и воскресение; её духом он проникался и её сладость источал. В 1922 году он писал в одной из статей: «Святая Литургия всегда была центром и сердцевинной каждой истинно православной души. Загляните в душу православных святых и подвижников, и вы увидите, что они сотканы из литургических переживаний. Переживание литургических тайн как сущности своей личности — это единственный путь, созидающий из обычных людей богочеловеков, из грешников — святых».

Об этом своем служении в афинской церкви со своими многострадальными русскими братьями, а также о своих каждодневных и денно-нощных молитвах и слезах в келье своей во всё время пребывания в Афинах трогательно и потрясающе нам свидетельствует сам отец Иустин в своём *Молитвенном дневнике*. Здесь он отмечал своё ежедневное монашеское правило, которое практиковал изо дня в день и из ночи в ночь; записывал число и сущность своих молитв и свои известные молитвенные размышления и настроения, наступавшие в течение необычного подвига этих дней и лет. Этот дневник раскрывает нам все величие и усердие богоустремленных подвигов молодого иеродиакона

Иустина, который и ради себя, и ради других поднял такие молитвенные и слёзные подвиги, что нам сегодня уже несколько не кажется удивительным, что впоследствии в нём воссияло такое изобилие духовных даров и добродетелей. Он тогда, по верному свидетельству, денно и нощно молился со слезами за всех и за вся: за братьев своих в немалых скорбях и искушениях, за всех страждущих и мучимых, за блудниц и самоубийц, за тех, о ком некому помолиться, за цветы и растения, за птиц и животных, за всю тварь поднебесную. И всё это он делал, бесконечно смиряя себя перед Сладчайшим Господом Иисусом, источая тихие и изобильные потоки тёплых слез. Хотя он все это мудро скрывал, всё-таки окружавшие его люди, особенно в русской церкви в Афинах, примечали это и дивились его слезам и молитвам, и обращались к нему с просьбой помолиться о них Богу в их скорбях, которые тогда были немалыми. Этот христоролюбивый и братолюбивый подвижник ещё усерднее молился тогда за всех них и за каждого в отдельности, а некоторым помогая и иным образом, насколько и как только мог. Лишь какая-то часть всего этого записана в указанном дневнике.

Об этом *Молитвенном дневнике* блаженный старец нам никогда ничего не говорил, а, по-видимому, и сам больше о нём не вспоминал, поскольку эта тетрадь по его смерти найдена затерявшейся среди книг. То, что он тогда ежедневно записывал свое молитвенное правило, оставив нам волей-неволей свидетельство о своих подвигах, не должно нас удивлять. В этом он не был одинок среди святых православных подвижников. Нечто подобное делал и преподобный Симеон Новый Богослов, который, как ни один иной святой подвижник до него, откровенно говорил о своих благодатных подвигах и переживаниях, но всегда с бесконечным смирением и самоосуждением. В новое же время подобное делали некоторые из святых отцов Оптиной пустыни в России, а также святые подвижники Иоанн Кронштадский и Силуан Святогорец. Молитволюбивый отец Иустин делал это лишь в начале своих подвигов и исключительно только для себя, как некий вид ежедневной исповеди, искушения помыслов своих и самоискушения своей совести. Впоследствии он оставил

ведение дневника, разве что ещё иногда отмечал известные свои мысли и чувства на мелких листочках бумаги и тогда вкладывал их в свои книги и тетради как памятки или как материал для нового труда, который намеревался писать.

При всём этом ещё надо иметь в виду и ту необычайную способность мыслить и редкое философское чувство, которыми обладал отец Иустин, чем часто напоминал нам глубокую мудрость Иова и Соломона, а также и “томление духа”. И потому нет ничего странного в том, что и он, подобно мудрому и многострадальному Иову, захотел нечто от этих умных и духовных мук своего рождения, в которых рождался новый человек и зачинался в нём новый духовный разум, записать в книгу, как некогда глагодал многострадальный Иов: “О, если бы записаны были слова мои! Если бы начертаны были они в книге, резцом железным с оловом, — на вечное время на камне вырезаны были!”.

В *Молитвенном дневнике* отмечено много печалей и скорбей отца Иустина, но все это была печаль и скорбь ради Бога, а она неизбежна на пути странствия всякой боголюбивой души через этот растленный грехом мир, преисполненный горечью зла и страданий, тенёт и искушений ада. Этой скорби и печали не миновали и великие отцы церкви, преодолевая её с великим трудом. Отец Иустин — младая невинность и чуткое ко всем людским болезням и страданиям естество, созданное и редко одарённое любовью Божией, — подвижнически мужественно прошёл через известный закон духовной жизни, по которому в этом мире именно такие души больше всего проверяются и искушаются, чтобы в долгих и мучительных подвигах сгорело в них всё то, что чуждо любви Христовой. При всем этом, из православного векового опыта известно и то, что подвиг человеческого спасения — это подвиг каждодневного, добровольного умирания и распятия ветхого человека, чтобы постепенно, благодатно рождался и вырастал новый человек во Христе, “который обновляется в познании по образу Создавшего его” (Кол. 3, 9—10). Этот скорбный и продолжительный духовный подвиг бывает через самоотверженное соблюдение всех евангельских заповедей, а успешнее всего проходит через молитвенные и покаянные слёзы, в которых сгорает и растапливается ветхое сердце и ветхий разум в человеке и

зачинается и образуется новое сердце и новый ум, как об этом непревзойденно говорит преподобный Макарий Египетский, труды которого во время своего пребывания в Афинах отец Иустин особо изучал и духовное учение и опыт которого применял к самому себе.

Нам кажется, что к молодому отцу Иустину и к его евангельским, монашеским подвигам, можно и должно было бы отнести его же собственные слова, которые он несколько лет спустя написал о юном Растко — будущем святителе Савве Сербском — по его уходе на Святую Гору: “Восстал Растко против зла в себе и в мире, против смерти в себе и в мире. Поэтому вся его монашеская жизнь была непрестанной борьбой со злом и смертью, преодолением греха и смерти молитвой, постом, бдением, слезами, милостыней, смирением, кротостью, боголюбием, братолюбием и прочими евангельскими добродетелями”. “Нет искушения или греха, — напишет авва в другом месте, — который не сгорит в молитвенном пожаре нашей души; нет страсти, которая не окончит тем же; нет демона, который не сгорит в пламени нашей непрестанной и слезной молитвы”. “Почти никогда я не углублялся в себя, — отмечает он в дневнике, — чтобы не оплакать себя, чтобы не разлиться слезами и рыданиями... Через ужасы заражённой грехом жизни в мире только молитвой и слезами человек может пробиваться к Сладчайшему Образу Христову... Исполни, Господи, сердце мое Собой, но прежде очисти его от всего мирского и от всех пожеланий вообще”.

Из всего сказанного одно является несомненным: молитвенный и покаянный подвиг отца Иустина во время жизни в Афинах был исключительно усиленным и всесторонним, что являлось верным знаменем благодатного посещения Господня, какое было на всех угодниках Божиих, ибо “благодать и милость со святыми его и промысление об избранных Его” (Прем. 4, 75). По неведомым для нас путям всеблагото Промысла Божьего это, несомненно, и должно было сбыться с ним, чтобы сей редкий подвижник Христов прошел через все сражения и оказался непобедимым, да умножатся ему через это подвижнические венцы и награды. Господь, по словам пророка, “испытующий сердца и утробы” (Иер. 11,

20) бдел над верным слугой Своим в его подвигах и борьбе против греха вплоть до самой крови, как повелевает святой апостол (Евр. 12, 4). Заметим здесь, что несколько раз в течение этих лет у молодого, несущего тяжелый подвиг поста и слез иеродиакона, а затем иеромонаха Иустина горлом шла кровь, вследствие разрыва известных капилляров, из-за чего он в июне 1921 года три недели провел в больнице.

Господь благодатию Своею показал его светлым победителем и искусным хранителем тайн духовной борьбы, чтобы он потом своим богатым опытом послужил другим к духовной пользе и спасению. В одном из своих сочинений он сам вкратце отметил и описал главные моменты и ступени этой духовной борьбы, а также ее благодатные и благотворные плоды следующими, потрясающе истинными словами: “Чтобы перестал отдавать тлением, сколько лет человеку нужно в закваску своего существа вносить благоухание неба, сколько лет перерабатывать себя евангельскими добродетелями? Из мрачной пещеры тела своего взираю на Тебя, Господи, и всматриваюсь и никак не увижу. А знаю, предчувствую и знаю, что Ты единственный архитектор, Господи, могущий построить вечный дом моей души. А строители суть: молитва, слезы, пост, любовь, смирение, кротость, терпение, надежда, сострадание... Тогда всё человеческое приходит в движение, в возбуждение, в приятный трепет, в созидающий страх. Как на солнце и внутри его — всё в бушующем хаосе и шторме: постоянные извержения, огненные фонтаны, раскаленные вихри, километровые протуберанцы. И такое клокочущее солнце изливает в наш земной мир тихий, мирный и животворный свет, не знающий ни бури ни грозы. Подобны этому и Христовы люди, особенно святые угодники: они в пламенном молитвенном восхищении любви и веры переплавляют самих себя и из бурных переживаний своих, связующих землю с небом, источают тихие и спокойные лучи, благой свет и нежное тепло которых смиряет строптивые сердца человеческие и укрощает их одичавшие души... Человек! Небо — это покров земной. Посмотри, сколько тебе дано расти в высоту! И столько же — спуститься в глубину! Это чтобы высота верха не входила в несоответствие с глубиной корня” (*Вниз по бурному водопаду времени*).

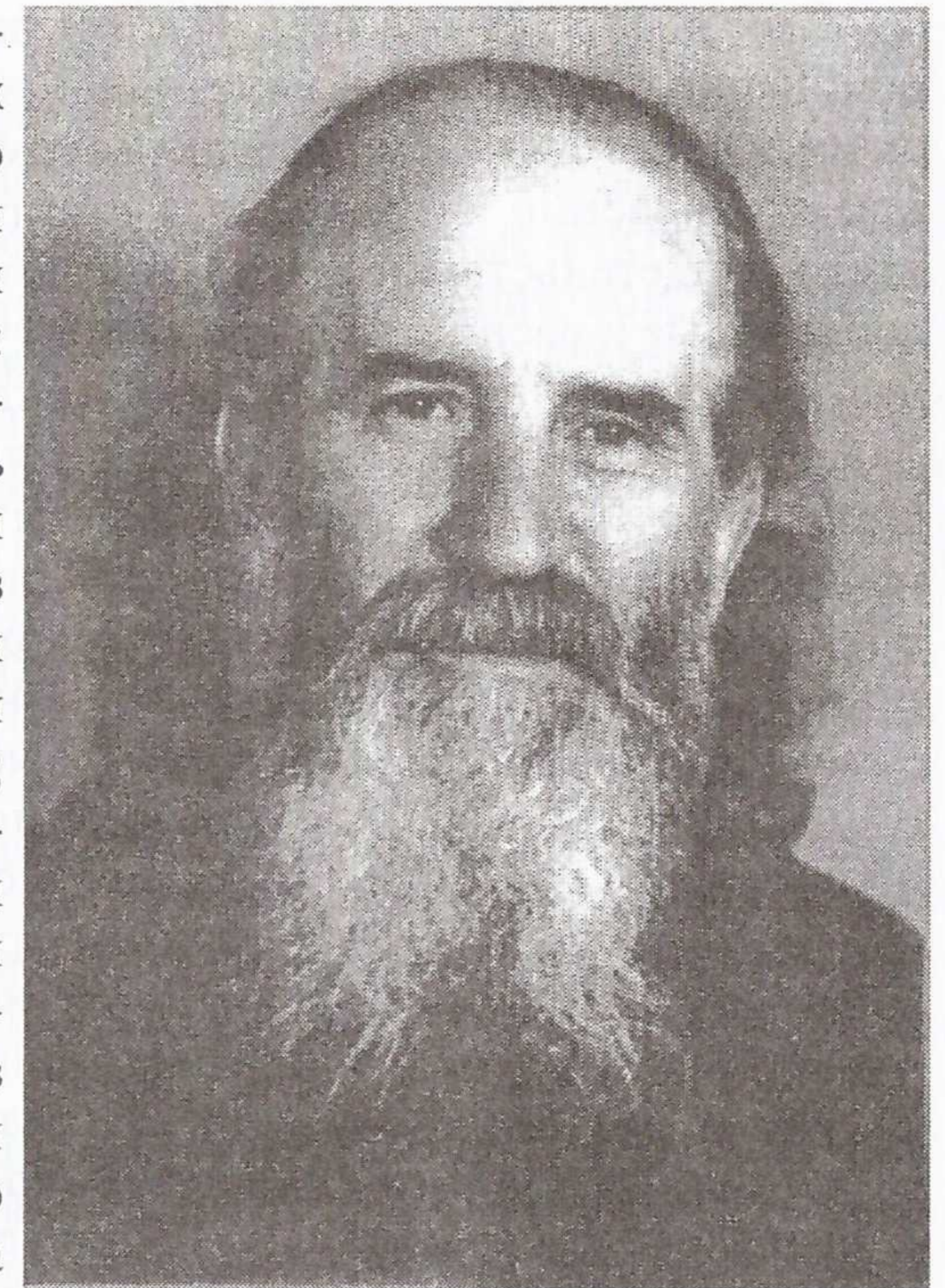
Весь этот афинский подвиг отца Иустина, продолжавшийся, по существу, до конца его жизни на земле, был изливанием и проявлением его живой веры и безмерной любви, которую он имел к Сладчайшему Господу Христу. Его он любил выше всего и ради Него жил и умирал в подвигах своих, особенно в молитве и слезах. Поэтому у него, как и у всех православных святых, молитва была не только исканием прощения и спасения, но и, что намного выше сего — выражением и изливанием любви и боголюбия, о чем свидетельствуют и эти, поистине достойные святого угодника слова: “Господи, разве я лишь для того человек, чтобы грешил, и Ты лишь для того Бог, чтобы меня прощал!” Отец Иустин был действительно исключительно редким христоролюбом, воистину боголюбом Единого Человеколюбца, и потому все его подвиги можно объяснить лишь любовью ко Христу. На самом деле, только Божие человеколюбие и человеческое христоролюбие могут до конца объяснить эту скрытую тайну, существующую между Христом и Его святыми на Небе и на земле.

Много лет спустя его университетский друг и близкий приятель, профессор богословия и известный православный богослов, сам родом из Афин, рассказывал нам, что молодой отец Иустин произвёл на него наибольшее впечатление тем, что, прежде всего, он был человеком живой веры и человеком молитвы, настоящим евангельским человеком. И действительно, живая вера и молитвенность аввы Иустина, его внутреннее самораспятие ради Христа, его смиренномудрие среди горькой тайны мира и погрязшей во грехе жизни, — проявлялись и на его одухотворенном лице как в то время, так и впоследствии. Поэтому его приятель и проникся к нему любовью.

Своими подвигами и добродетелями отец Иустин привлекал к себе множество людей, хотя некоторые и чуждались его. Этим другим казалось, что он непомерно увеличивает свои духовные подвиги и требования, ибо они, в духовной косности своей, не имели ни воли ни ревности следовать за ним в подвигах. Так и на нём повторялась та общеизвестная истина, которая подтверждалась в истории со всеми Божиими людьми: многие скорби праведнику в мире сем, ибо его святая жизнь по Богу тягостна и отвратительна для людей мира сего. Но психологию

людей, не принимающих и гонящих праведников, давно провидел и описал премудрый Соломон следующими словами: “Устроим ковы праведнику, ибо он в тягость нам и противится делам нашим, укоряет нас в грехах против закона и поносит нас за грехи нашего воспитания; объявляет себя имеющим познание о Боге и называет себя сыном Господа; он пред нами — обличение помыслов наших. Тяжело нам и смотреть на него; ибо жизнь его непохожа на жизнь других и отличны пути его” (Прем. 2, 12—15). Судьба почти всех святых и ревностных людей Божиих в этом мире такова, как это показано на примере святого Златоуста, что они людей вокруг себя или пробуждают, или раздражают, во всяком случае, — не оставляют равнодушными. В этом смысле, они еще во время земной жизни — суд миру сему (ср.: 1 Кор. 6, 2; Ин. 3, 19).

Отец Иустин вернулся из Афин на родину перед праздником Святой Троицы в 1921 году. Сначала он заехал к родителям во Вране, а затем явился к Патриарху в Белград и Сремски Карловцы. Патриарх Димитрий принял его тепло, ибо всегда его отечески любил, и благословил работать в Святосаввской семинарии, перемещенной тогда из Белграда в Карловцы. Летом того же года, перед вступлением в должность преподавателя отец Иустин с друзьями посетил некоторые сербские монастыри, что он делал и до конца своей жизни, ибо монастыри всегда были как бы частью его сердца.

С октября 1921 года отец Иустин начал учительствовать в семинарии, преподавая Священное Писание Нового Завета, а затем и догматику и патрологию. О том, как он преподавал и как вдохновенно истолковывал Евангелие Спасителя, лучше всего свидетельствуют его толкования, усердно в то время собираемые и распространяемые его учениками, а сейчас уже частично и опубликованные. Перед каждой лекцией по Новому Завету он тепло и со слезами молился, произнося следующие слова: «Господи Сладчайший, святым евангелистом и апостолом Твоим, исполни благовестия меня, всегрешного, и научи меня, что и как нужно говорить». Этой или иной подобной ей краткой молитвой он молился, когда ему необходимо было проповедовать в храме или же прочитать где-нибудь лекцию по Священному Писанию или по другим богословским предметам. Известно, что в течение этих первых лет по возвращении на родину, он прочитал ряд лекций по Священному Писанию в женском христианском союзе в Белграде и в женской христианской общине на богословском факультете. Что же касается проповедей, он проповедовал повсюду, где только служил, а служил он очень часто в разных местах своей страны. Прихожане охотно слушали его проповеди. Его знаменитую проповедь на Великую Пятницу Бранислав Нушич⁺ внёс в антологию мирового проповедничества.

А о том, как он преподавал догматику и патрологию, опять-таки лучше всего свидетельствуют его размножаемые и публикуемые *Догматики*, в которых ясно видно его знание святых отцов и их богомудрой науки и богословия. То, что для него значили святые отцы и их догматическое богословие, выражено его следующими словами, которые нельзя здесь не привести: «Православие — это православие святостью. Святость — это жизнь в Духе Святом и Духом Святым. Нет православия вне святости, вне стяжания Духа Святого. В мире человеческой вещественности святость — это мерило православия. Православно только то, что от духоносных святых угодников Божиих, от святых отцов церкви. Православное богословие — это единственное евангельское богословие, ибо оно от Духа Святого, ибо оно от духоносных апостолов и святых отцов — «Святым Духом богословие»... Да, истинное, евангельское богословие бывает

только Духом Святым, приобретается только Им и создаётся только Им. Поэтому для нас православные духоносные отцы церкви — единственные, истинные богословы, единственные хранители тайны богословия, единственные учителя вечной истины о Трисолнечном Боге. Они — наши вожди, они — православия наставники, они — трубы Духа Святого, они — тайники Святой Троицы, они — очи Христовы. По всему этому они — и мерило и критерий всего православного, всего евангельского. То, что не от них, что не в их духе, то неправославно. Только то, что можно проверить их духом, согласовать с их учением, только то — православное, евангельское, вечное. Следовательно, изучение святых отцов — это первое дело православного богослова. Здесь мысль крещается в живой воде и вся истекает в жизнь вечную. Душа омолаживается, чувства становятся бессмертными, мысль окрыляется и, подобно орлу, парит по чистым высотам. И возрастает в Божественной безконечности, побуждаемая своим богоустремлённым богоподобием».

По своей величайшей любви к святым и святоотеческому православному богословию, отец Иустин вскоре по прибытии в Карловацкую семинарию вместе с иеромонахом Иринеем Джёрджевичем потребовал обычным порядком, чтобы в семинарии были введены Жития святых в качестве обязательного предмета программы обучения. Ибо он с самого начала боролся против схоластически безжизненного и протестантски рационалистического метода обучения молодых душ, поэтому и требовал, чтобы православным и святоотеческим подходом преподавалась и изучалась православная наука и церковность. И вообще, можно сказать, что для отца Иустина истинная христианская наука и просвещение всегда были связаны со святостью, а это значит — с подвигом и подвижничеством. Святость — это подвиг, поэтому и просвещение — подвиг. Отсюда в области церковного просвещения у него часто возникали трудности, ибо он натыкался на явное непонимание окружающих, сопровождающееся и частыми перемещениями из одной школы в другую, и своего рода гонениями и пренебрежением. Но он не колебался, а и жизнью своей и учением, и преподаванием, и воспитанием свидетельствовал о Богочеловеке

Господе Иисусе Христе и Его Богочеловеческом деле спасения, учения, просвещения и преобразования людей. Поэтому для многих и многих своих учеников отец Иустин был и по сей день остаётся образцом и идеалом учителя и профессора семинарии, а также университета, где он впоследствии преподавал.

В семинарии отец Иустин был и воспитателем. Многие поколения богословов, теологов и клириков он евангельски православно воспитал и направил на церковное служение и в богословскую науку. Он был не учителем и профессором “кафедры”, но, прежде всего, живым и истинным свидетелем Христовым, и поэтому вся его профессорская и воспитательская жизнь и работа была “добрым свидетельством” о Христе Спасителе, к Которому он умел так удивительно воспламенить любовь сначала семинаристов, а затем студентов университета. Безчисленны свидетельства об этом его дорогих учеников, из которых мы здесь приводим лишь одно. “Человеческий образ нашего воспитателя отца Иустина и путь, которым он нас вводил в тайны Евангелия, были тем, что нас захватило и привязало к нему. Самое драгоценное, чему он нас научил, — это любить Христа. Любовь ко Христу, юношески чистая и вдохновенная, была тем, что нас связывало с нашим воспитателем, который быстро стал нашим духовным отцом. Все мы его называли отцом Иустином”.

Свою воспитательную работу с учениками отец Иустин понимал как приготовление их к вечной жизни, ибо как он однажды в одной из проповедей сказал, так и сам поступал. “Кто не учит вечной жизни, — возгласил он, — тот ложный воспитатель”. Методом его воспитательной работы было только Святое Евангелие и целью — евангельская цель: стать совершенным, как совершенен Отец наш Небесный (Мф. 5, 43). Это достигается с помощью православной церковности и духовности, а он был живым олицетворением и того и другого. В учениках он особенно воспитывал православное молитвенное настроение, в частности, неопустительное посещение храма, добровольное прохождение православных подвигов и добродетелей.

Не все ученики одинаково воспринимали его воспитательский труд и его попечение о них и об их душах, но

все были уверены, что он питает к ним любовь и одинаково за всех них молится. Один из его отчётов о воспитании лучше всего нам говорит, что оно для него значило и каким было его отношение к ученикам. Отец Иустин пишет: “Обучение воспитанников жизни по Евангелию — это цель воспитания в православной семинарии. Только это и ничто другое. Кто навяжет другую цель, тот христородец. Чудесный Господь Иисус и пришёл в этот мир ужаса и смерти, чтобы быть всем во всём. Кто приходит без Него, минуя Его, против Него — воры суть и разбойники. Сознание о Нём как о Единственном и незаменимом Боге и Господе присутствует в каждой истинно православной душе. Если нечто в воспитании не ведет к Нему, то, несомненно, отводит к антихристу. Православное воспитание стремится к тому, чтобы Евангелие Спасителя охватило каждую человеческую душу, все её безкрайности и безконечности, и таким образом преобразило бы человека в существо вечное и богочеловеческое. Значит, православное воспитание — это всесторонний личный подвиг. Оно не может быть навязано ни насильно ни механически. От начала до конца оно есть добровольное, личное дело человека как обладателя и носителя своей собственной души. Поэтому необходимо непрестанное духовное усилие, личный подвиг. Воспитание в духе Евангелия — это ни что иное, как евангельское сослужение воспитателя и воспитанника во всём, что Христово. В этом есть и радость, и скорбь: радость — ибо человек причащается единой истинной радости — Евангелию; скорбь — ибо тяжело одолеть душу и добровольно ее подчинить Божественным евангельским законам... Начало евангельского самовоспитания человека — это беспощадное самоосуждение. И это самоосуждение евангельское, что опять-таки означает непрестанное и беспощадное подчинение Евангелию каждой своей мысли, каждого желания, каждого чувства, каждого поступка. Всё это, богомудро выражено в следующих святоотеческих словах: «Самоосуждение есть начало спасения»... Судьбу всего евангельского в мире Господь Иисус Христос выразил Своей чудесной пророческой притчей о сеятеле и семени. Эта притча... осуществилась и в воспитательной работе в нашей семинарии. Хорошая земля принесла евангельскому семени шестидесятикратный, сторичный плод, а было и терние, которое

много евангельских семян заглушало, и камень, который к семени относился равнодушно. Но это последнее является особым основанием, усиливающим наши молитвы и молитвенные желания: да умножит чудесный Небесный Сеятель добрую землю в душах наших воспитанников”.

Особенно много молился отец Иустин за своих учеников как за своих духовных чад, хлопотал об их телесных и духовных заботах. Он помогал им сколько мог, и духовно, и материально, а по окончании обучения провожал их с благословением, молитвами и слезами на работу в винограднике Господнем. Так 15 июня 1925 года о. Иустин записал в *Дневнике*: “В келье молился за выпускников — да ведёт и наставляет их Господь через всю жизнь; плач и слёзы многие, и скорбь, что расстаюсь с ними”. Кто почувствовал силу отеческих чувств и молитв отца Иустина, тому легко было в случающейся иногда его строгости увидеть отеческую заботу о собственном благе. И вообще, он во время служения в семинарии очень часто и много молился, подобно тому, как и ранее в Афинах. В это время он был рукоположен в иеромонаха и начал служить ещё чаще и усердно молиться за других, особенно на Святых Литургиях. А рукоположение его произошло следующим образом.

В 1922 году праздник Усекновения главы святого Иоанна Предтечи попадал на понедельник. Накануне, в воскресенье, Патриарх Димитрий рукоположил иеродиакона Иринея, друга отца Иустина, в иеромонаха. В субботу перед этим воскресеньем Патриарх объявил и ему, что он может в день Усекновения посвятить его в иеромонаха. Желая по глубокому смирению и далее оставаться иеродиаконем — к тому же он искренне любил этот сан и это служение, — он попросил Патриарха не делать этого, а оставить всё так, как есть. В ту ночь он усердно и слёзно молился Сладчайшему Господу и Пресвятой Богородице, а также святителю Иоанну Златоусту просветить его и научить, что ему нужно делать. На следующий же день, в воскресенье пополудни, в Карловацкой семинарии читал, как всегда, интересную лекцию епископ Николай, так что семинаристы, а вместе с ними и отец Иустин, опоздали в церковь к вечерне. Когда отец Иустин прибежал в храм, он увидел, что сам седой Патриарх взял епитрахиль, надев её на себя сам, и начал служить вечерню.

“Это меня тогда, — как он сам об этом говорил, — так поразило, что я в себе почувствовал перелом и сказал: приму рукоположение и послушание”. Так его Святейший Димитрий на следующий день в праздник Усекновения главы Иоанна Крестителя и рукоположил. Во время рукоположения в священнический сан он плакал перед святым престолом, как малое дитя, ибо велико таинство священства.

Он чувствовал, что прошло время любезной ему диаконской службы, и теперь на его плечи налагается намного более тяжелое служение и ответственность — благодатное пастырское служение, которое не оставит ему времени молиться и заботиться только лишь о своей душе, а обяжет пасти и спасать души других. И воистину, став иеромонахом, он стал не только священнослужителем, но и пастырем многих душ. Многим он скоро станет духовным отцом, как ученикам семинарий, где он преподавал, так и многим другим верным душам Сербской Церкви. Особенно много он заботился о молодых людях, у которых возникали серьезные духовные вопросы. Его, священномонаха, часто приглашали в монастыри и приходские церкви служить там и проповедовать. Не менее часто его звали принять участие в духовных вечерах учебных заведений, а также в различных совещаниях духовенства.

Особенно любил он набожных братьев-богомольцев, всесторонне им помогал и их поддерживал, а также предупреждал их от возможных опасностей. Появление в Сербии Богомольческого движения после Первой мировой войны вызвало различные толки и объяснения этого народного религиозного начинания. Одним из первых, кто правильно и святоотечески трезво оценил его значение и предупредил о возможных опасностях его уклонений в заблуждения, если ему не поможет сама церковь, был отец Иустин. Сразу, в самом начале, он всем сердцем поддержал желание истинных богомольцев, чтобы их духовным вождём был епископ Охридский Николай (Велимирович). Эту Православную Христианскую Народную Общину он рассматривал как святосаввскую реакцию простых душ, алчущих и жаждущих Бога, против чуждой европейской культуры, которая вместо православного поклонения Христу навязывает народу человекопоклонство и идолопоклонство.

“К нашей народной душе не прикладывается рационалистическо-схоластическое просвещение римско-католической и протестантской Европы, — говорил он и писал, — поэтому в народе и появилось Богомольческое движение как восстание против плотского и механического европейского просвещения”. “Велик голод нашей души, — писал он далее, — он проникает намного глубже, нежели это могут предполагать наши интеллигенты... И никто этот голод, кроме Господа Иисуса Христа и Его святых угодников, не может утолить”. Братья-богомольцы и в то время и впоследствии так любили отца Иустина, что считали его, после епископа Николая, своим вождем, духовным отцом и учителем.

Ко владыке Николаю отец Иустин относился так, как сын и ученик относится к своему отцу и учителю, как когда-то взаимную любовь друг ко другу питали святые Антоний и Афанасий Великие. Трогательное событие произошло с ними в те первые годы, проведенные в Карловцах. Когда вышли из печати *Молитвы на озере* епископа Николая, отец Иустин откликнулся на них с исключительным воодушевлением и благодарением Богу за дарование сербскому народу такого молитвенника и исповедника. Свой отклик на книгу он закончил молитвой: “Господи Человеколюбче, омоли меня молитвенностью Преосвященнейшего Николая”. Тогда преосвященный Охридский пустынный и апостольский миссионер своего времени составил и иеромонаху Иустину посвятил дивный *Акафист Иисусу, Победителю смерти*. Акафист он написал своей рукой и под ним скромно подписался именем “монах Николай”. Это событие отец Иустин отметил в *Молитвенном дневнике* следующими словами: “Когда писал отклик на *Молитвы на озере*, плакал, сам свидетельствуя о себе, как я заключён в чувства и связан узами; испытывал радость, что нам Многомилостивый Господь даровал преосвященного и предрагого Николая... А когда получил его *Акафист*, рыдал от чувства своей всегрешности и немолитвенности”. Поистине дивна и трогательна до слёз эта взаимная любовь и великое смирение одного перед другим, учителя и ученика, которые оправдали Премудрость Божию и Человеколюбие Божие о нас (ср.: Мф. 11; 19, 25—26).

И с ещё одним великим и святым Божиим человеком был отец Иустин в то время в особо тесных духовных отношениях. Это был великий православный русский иерарх и богослов митрополит Антоний (Храповицкий), который тогда находился в Сремских Карловцах. Отец Иустин часто его посещал, у него исповедовался и ему сослужал, черпая у него духовную мудрость и подвижнический опыт. О нём он неоднократно писал, особенно после блаженного упокоения митрополита Антония. Своё отношение к нему он кратко выразил следующими словами, которые сохранились в его записях: “Митрополит Антоний стал у нас уже преданием, и это, главным образом, священное предание. Он писал немного, но жил жизнью из житий святых, и потому самое драгоценное, что осталось от него, написано”.

Кроме митрополита Антония отец Иустин находился в духовной дружбе с Преосвященнейшим архиепископом Кишинёвским Анастасием, которого особенно ценил за его поистине ангельскую молитвенность. В таких же тесных духовных отношениях он был и с отцом протоиереем Алексеем Нелюбовым, фамилия которого, как говорил отец Иустин, была совсем противна тому, чем он в действительности был: весь любовь и молитвенная теплота. У него он также исповедовался. Другими словами, отец Иустин очень любил православных русских братьев, как любил он также православных братьев-греков и болгар. Позднее он посещал и Болгарию: будучи уже профессором богословского факультета, он возил своих студентов по святыням и монастырям Болгарии. Духовная любовь и дружба связывали его и с ещё одной значительной личностью нашего времени: будучи профессором в Битоле, он был сослуживцем и собратом угодника Божия о. Иоанна (Максимовича), будущего епископа Шанхайского, который свою богоугодную жизнь, полную молитвенности и самоотвержения, окончил в Сан-Франциско (США), будучи ещё на земле прославлен от Бога изобилием даров Святого Духа.

И кого только ни любил любвеобильный отец Иустин? Скорби и печали других он воспринимал как свои собственные, плакал с плачущими и молитвенно вопиял за них Богу, делая это в тайне, скрываясь от людских глаз. Поэтому он словно о себе свидетельствует и исповедуется, когда говорит: “В этом горестном и печальном мире дар слез — это самый трогательный и самый

удивительный дар. Плакать над скорбной тайной мира дано лишь избранным. И через своих избранных возрыдала вся тварь, возрыдала через полные молитвы, скорбные очи святых печальников рода человеческого”. Поистине он и был одним из таких редких святых печальников и молитвенных посредников пред Богом за весь многострадальный род человеческий, за каждое богоподобное и хриstopодобное существо человеческое и за всякую тварь.

Иногда эта соболезнующая всем и всякому молитвенная печаль отца Иустина поражала: вследствие его, с одной стороны, личного смирения и сокрушения, а с другой стороны, из-за каждодневного перенапряжения и загруженности делами и заботами в семинарии и на всяком месте, — почему он имел сильное желание оставить мир и уйти в какой-либо монастырь или даже на Святую Гору Афонскую. Стеснённый хлопотами и заботами, преподаванием в семинарии и в других местах, а к тому же изданием журнала, который он в те годы выпускал вместе со своими друзьями: речь идет о *Христианской жизни*, одном из сербских лучших довоенных журналов. По этому поводу характерна его исповедь в *Молитвенном дневнике*: “Из-за ужасной перегруженности *Христианской жизнью* мои молитвы сведены к половине. Чувство самоосуждения меня разъедает: не для моей души эта работа. Тоскую по одиночеству и молитве”.

Он, как когда-то святитель Савва, мучительно сожалел о времени, отнятом у молитвы и молитвенной тишины. Отсюда вполне естественно то, что в нём появлялось желание оставить всё это и затвориться где-либо в монастыре или уйти в пустынь для ревностного упражнения в молитве и прохождения подвигов. Из *Молитвенного дневника* видно, что в эти дни он часто себя укорял и плакал, как будто “пренебрёг” своим монашеским подвигом и “совсем его оставил”. Так, в дневнике за 1922 год накануне праздника святого Златоуста — святителя, которого он пламенно любил и которому непрестанно молился всю жизнь, — он в молитвенном плаче и с самоосуждением восклицает: “Разве я монах? Все подвиги мною забыты... Надо всё это оставить и уйти в пустыню, на Афон и отдаться молитве и посту... Когда же я, наконец, весь пойду за Сладчайшим Господом через подвижническую жизнь в монастыре?” В конце того же

года, подводя итоги, он смиренно о себе считает, что весь его подвиг поста и молитвы — умер, и поэтому со слезами молится святому Василию Великому: “Святый отче, Василие Великий, воскреси моего мертвеца в новом году”. В ту же ночь, на исходе 1922 года и в преддверии нового года он совершает около 2000 поклонов и молитв и смиренно заканчивает собрание духовных плодов прошедшего года евангельским словом: “Как обычно — терплю”, — которое не меньше, чем его молитвы и слезы, раскрывает его добродетель. Сколь необходима и благотворна святая добродетель хриstopодобного терпения на богочеловеческом пути духовной жизни и спасения православного человека — знают лишь те, кто опытно пережил эти истинные слова Спасителя во Святом Евангелии: “Терпением вашим стяжите души ваши” (Лк. 21, 19), а также благовестие апостола о том, что Бог наш называется и есть не только “Бог любви”, но и “Бог терпения и утешения” (Рим. 15, 5). И в подвиге евангельского терпения ради Бога и ради Христовой церкви, обязанности пастыря которой он свято исполнял и поэтому остался на общественном служении, отец Иустин победоносно выстоял и воспринял награду от Бога. И поистине терпением спас свою душу.

Оставаясь в мире на апостольском служении, он старался свою работу и каждодневные хлопоты исполнить и освятить умносердечной Иисусовой молитвой. Он очевидно желал отдаться этой молитве еще более, и это пламенное желание влекло его в монастырь и тишину пустыни. То, что эта молитва еще в то время срослась с его сердцем, видно из его *Молитвенного дневника*, где во многих местах, например, в течение 1923 г о д а он отмечал, что ежедневно творил по 500, 1000 и 2000 Иисусовых молитв. Это видно из того, что он ревностно читал труды святых подвижников, подвизавшихся в пустыне, а также сочинения Игнатия Брянчанинова о важности святой молитвы, гласящей: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного!* — которой с незапамятных времен духовно питались безчисленные боголюбивые души.

Преподавание отца Иустина в Карловацкой семинарии продолжалось до 1927 года. Именно в марте этого года он защитил докторскую диссертацию на глубоко православную

аскетическо-богословскую тему *Гносеология святого преподобного Исаака Сирина*. В диссертации вкратце описаны все тайны и глубины православного подвижничества на пути духовного возрождения и спасения — от растленного грехом ветхого человека до возрожденного и обожествленного нового человека во Христе.

В это время он со своими друзьями, главным образом, с соучениками из Оксфорда, издавал и редактировал *Христианскую жизнь* — журнал, описывающий церковную жизнь и изучающий христианскую культуру. Подвижник и ревнитель во всяком богоугодном подвиге, отец Иустин оставался таким и в работе по просвещению церковного сознания нашего народа и по выработке у него критериев православной церковности. С детства любитель правды, а тем более сейчас, будучи монахом-подвижником и святоотечески просвещённым богословом, он по любви к истине и правде, подобно любезным ему святым угодникам, особенно святителю Иоанну Златоусту или преподобным Студийским монахам, откровенно высказывал свои мнения, а иногда и критические суждения о событиях церковной жизни и поступках отдельных церковных личностей или органов. Поставляя и оценивая горячие вопросы церковной жизни, иеромонах Иустин, редактор журнала, не только «критиковал», как некоторые тогда и впоследствии злонамеренно говорили. Была, разумеется, и критика, но в основном это была положительная православная оценка или же переоценка событий и времени, в которое он жил и работал; это были братские и сыновние предупреждения и мольбы, была поддержка и похвала, где это требовалось, были и вдохновенные пророческие прозрения. Все его публикации того времени, а особенно статьи, и по сей день нисколько не утратили своей свежести и актуальности, ибо все они проникнуты святоотеческим, благодатно-свободным духом и любовью к Церкви Христовой и спасению людей. Всё истинно человеческое, истинно церковное и православное, хотя бы оно и казалось тяжким и горьким, находило свой отклик и поддержку в журнале отца Иустина и его сотрудников. «Легко быть римокатоликом, — писал он в то время, — ещё легче быть протестантом, но тяжело, очень тяжело быть православным. Ибо быть православным значит быть в непрестанном подвиге

от человека к Богочеловеку, быть в непрестанном устроении себя богочеловеческими подвигами».

Между тем, некоторым служителям церкви, включая и высокопоставленных, эта деятельность не нравилась. Необходимо было обладать духовным мужеством и подвижническим самоотвержением и самообличением, чтобы взять на себя бремя указывать людям на истину и напоминать о ней, обличать любую неистину и неправду, что никогда людьми легко не воспринималось. Раздались возгласы недовольства в адрес *Христианской жизни* и её сотрудников, т.е., в основном, в адрес отца Иустина. Отец Иустин сам сознавал и чувствовал, что вокруг него происходит, но от своей любви к истине и правде в служении церкви Христовой не отступал никогда в жизни.

Вот что он сам пишет спустя два года после начала издания журнала: «*Христианская жизнь* изобилует благословениями многих читателей, но есть и такие, которые её бранят. Если бы не было этих последних, *Христианская жизнь* не была бы христианской, ибо всё, что Христово — «камень преткновения», «камень соблазна». *Христианская жизнь* знает, чего хочет, а хочет она того, чего хочет Единая Святая Соборная и Апостольская Церковь, поэтому она и встревожила тех, которые этого, хотя отчасти, не хотят. Православная церковь — это нечто столь святое, столь пречистое, столь вышеестественное и благодатное, что ко всему, что церковно, должно приступать «со страхом Божиим и верою», ибо приступаем к живому Господу Иисусу. *Христианская жизнь* непрестанно взывает к такому священному, православному образу служения в церкви... Она непрестанно исповедует, что Господь Иисус Христос Духом Святым через святых отцов управляет церковью. Мы не себя проповедуем, а Господа Иисуса Христа через святых отцов, поэтому *Христианскую жизнь* не любят те, кто сам себя проповедует, кто восхищает себе место святых отцов, кто вечно потворствует духу времени... Мы не перестаём подчёркивать, что в церкви лучше всех мыслят святые отцы, ибо они мыслят Духом Святым... Есть и такие, которые призывают к реформам в церкви, не чувствуя того, что все реформы в духе времени губительны для Православной Церкви. *Христианская жизнь* выступает против этого; она выражает православное мнение,

когда утверждает, что в святых угодниках нам показан православный путь преобразования личности и преобразования общества: преобрази прежде всего себя благодатью Духа Святого, а Господь Сам через тебя преобразит других. Мы обращаемся за помощью к реформам потому, что мы отступили от наших незаменимых святых отцов и подвижников, заразились поверхностным западным реформизмом. Мы забыли заповедь: «Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная» (Рим. 12, 2)».

Из-за такой честной и откровенной позиции отец Иустин имел неприятности ещё тогда, когда заботился о материальном положении и духовном росте своих учеников в семинарии. Однажды даже известные архиереи, которые почувствовали себя задетыми статьями иеромонаха Иустина, хотели его вывести на суд Священного Синода. От суда его освободил Святейший Патриарх Димитрий, ответив архипастырям, что всё написанное отцом Иустином есть сущая истина. Патриарх Димитрий, кстати сказать, любил и ценил иеромонаха Иустина, и по этому поводу, вызвав его к себе, с отеческой добротой сказал: «Знаешь, сынок, ты хороший монах и всё хорошо, только писать тебе надо поменьше, потому что перо у тебя острое, и некоторые люди от этого обижаются».

Однако и Святейший Патриарх не мог помешать тому, чтобы на верном слуге Христовом отце Иустине исполнилась евангельская и святоотеческая истина, что «правда в этом мире ступает ногами страданий». Все Божьи люди, а особенно горячие и ревностные делатели в винограде Господнем с апостольских времен до наших дней всегда проходили через горести, искушения и страдания. Неся и свидетельствуя Истину Божию, они всегда вокруг себя находили противодействие и противление. Ибо добро тяготит и уязвляет людей, которые не готовы ради него понести самоотверженный труд и жертву. Поэтому судьба всех добродетельных и ревностных в деле Божьем людей — это сопротивление окружающих и, в конце концов, гонение. Так случилось и с отцом Иустином. После указания отца Иустина на то, что деятельность тогдашнего ректора семинарии приносит ей большой вред, и заключения направленных по этому поводу

проверочных комиссий, указанный ректор был отправлен на пенсию. И хотя все обвинения, которые ректор в свою защиту выдвигал против отца Иустина, оказались ложными, отец Иустин «по необходимости службы» был «перемещён», а на самом деле изгнан в Призрен летом 1927 года.

За этим «перемещением» стояло ясное намерение тех, кто прогнал отца Иустина, прекратить деятельность журнала *Христианская жизнь*, что действительно и было достигнуто, поскольку в Призрене отсутствовали условия для его издания. В статье, написанной по этому поводу *Apologia de vita mea* (*Защита моего пути*) отец Иустин не печалится и не сожалеет о собственном гонении и страданиях. «Человек человека гонит, моль гонит моль, — писал он, — что в этом страшного? Ничего». Не скорбит он даже и о журнале *Христианская жизнь*. Но он живо ощущает необходимость защищать свой православный путь, ибо этим он защищает Истину.

В связи с этим он пишет: «Я должен защищать путь, по которому иду, не потому, что это мой путь, а потому, что это путь Христов, Он его открыл, Он его проложил, Он его обезопасил. Это первый и единственный путь из смердящей бездны земли к вершинам благоухающего неба. Первый и единственный — иного нет. Все остальные пути сворачиваются в кольцо безысходных ужасов. Его путь — это Его безкрайняя и безконечная Богочеловеческая личность. Как только человек вступает этот путь, он прилепляется Истине вечной и Жизни вечной, ибо Путь, Истина и Жизнь единосущны в Господе Иисусе Христе... Жалка человеческая душа и до смерти и после смерти, если её чудотворящий Господь не выведет на Свой Богочеловеческий путь. Этот путь Христов сохраняется в Православной Церкви Духом Святым через святых отцов... Если я — Иона на корабле Сербской Церкви, то бросьте меня в море, только пусть буря утихнет, только пусть корабль спасётся. А меня, может быть, какой-либо гостеприимный кит примет в утробу свою и, когда нужно, выбросит на берег... Всякое страдание благо ради незаменимого Господа. Чем больше скорбей воюют против веры моей, тем глубже она зарывается в моё сердце. Для христианина страдания — это очищение, весна для души, освежение, омоложение... В борьбе за Православие я

святоотеческим путём прямо следовал православной Истине Христовой и никогда людям не угождал, ибо если бы я ещё и людям угождал, то не был бы и самым последним слугой Христовым. Я непрестанно убеждаюсь, что лишь усвоением святоотеческого сознания и подвижнического понимания Православия можно оживить наше замершее, наше парализованное чувство церковности... И пока в нашем разуме кипит мир и грехи наши в нас живут, христоролюбивая православная душа тоскует по соборной со всеми святыми жизни в Господе Христе, по соборным со всеми святыми трудам и подвигам в нашей многострадальной церкви, — тоскует и молитвенно вопиет: Престѣю, пречистѣю, превлгсловеннѣю, славною влдычицѣю нашѣю вѣдоу и прѣодѣвѣю марію со всѣми сѣими поманѣше, сами себѣ и другѣмъ другѣмъ, и весь живѣтъ нашѣ, хрѣтъ вѣдо предадимъ. Тебѣ, Гдѣ!

И на самом деле, можно только сожалеть, что *Христианская жизнь* так быстро и таким образом прекратила своё существование. Ибо в ней многие, особенно молодые, подвижнически и миссионерски настроенные пастыри находили богатый православный материал, поддержку и воодушевление в своей работе. На мнение редактора этого строго церковного и православного журнала многие обращали своё внимание и не только черпали знания, но и постигали широту Вселенского Православия и христианской любви ко всем своим православным братьям в мире, особенно к страдальцам и исповедникам в России, угнетѣнным новым Диоклетианом+. В журнале имелась рубрика *Со стола редактора*, в которой, наряду с анализом событий церковной и светской жизни, особое внимание уделялось жизни и страданиям Православной Церкви в России, причём особо в 1927 году.

Кроме того, журнал регулярно следил и за всеми церковными и богословскими жизненными процессами в Православии и, в основном, не соглашался с мнением Архиерейского Собора о всех реформаторских нововведениях, исходивших от правивших в то время Константинопольских патриархов и их “всеправославных конгрессов”, или от готовящихся “вселенских соборов” (о чём отец Иустин ещё тогда и вплоть до недавнего времени обличительно писал), или же от антиправославных

русских “живоцерковников”. Не менее того отец Иустин сожалел и об изменении календаря (введении нового стиля) в отдельных Поместных Церквях, о спешке и методах введения этого

изменения. Он назвал это своеобразным “молитвенным расколом” и “нарушением молитвенной соборности”. Точно также и в то время и впоследствии отец Иустин указывал на опасности от римской и униатской пропаганды и неприемлемых для православного человека папизма и протестантизма. Комментируя один из современных ему римо-католических призывов православным прийти и подчиниться римскому папе, отец Иустин пишет: “И наши православные пророки отчасти знают и отчасти пророчествуют. Знают они вашу тайну и чудные пророчества изрекают. Слышали ли вы их? Если нет, то прислушайтесь к ним. Мал человек, слишком мал, будь он и папа, чтобы мы могли оставить Богочеловека и прийти к человеку. Мы слишком углубили и обнажили третье

дьявольское искушение, чтобы им нас могли соблазнить. Поклонение папе — человекопоклонничество — вызывает печальную усмешку в сострадательной православной душе, и она денно и нощно молится Сладчайшему Господу, чтобы всех человекопоклонников Он повёл путем Богочеловеческой Истины в Богочеловеческую Жизнь. Легче верблюду пройти сквозь игольные уши, чем римо-католику войти в таинственное царство Православной Церкви. За всеми их риторическими и схоластическими рассуждениям о человеке в конце концов человек для них — это механизм, который можно пустить в работу и привести в движение, если только его заведѣт главный механик из Рима”.

В конце каждого номера *Христианской жизни* располагались отличные богословские как теоретические, так и практические

статьи по разнообразной тематике, а также переводы святоотеческих трудов, которые, в основном, готовил сам отец Иустин: *Беседы* святых Иоанна Златоуста, Макария Египетского, Ефрема Сирина и Исаака Сирина, несколько позже *Лавсаик* епископа Палладия, вышедший как самостоятельная книга в двух частях. Это духовное чтение живо интересовало и отца Иустина и наш православный народ, поддерживающий и приветствующий всё, что у нас появлялось из этой области.

Хотя ему самому так и не удалось уйти на Святую Гору Афонскую, он всегда советовал и мирянам и священству, а особенно монахам посещать Святую Гору и учиться святогорскому благочестию и ревности в подвижничестве. О. Иустин поддерживал духовные связи с этим духовным и подвижническим центром Православия, что и понятно, ибо он имел тот же дух. Он сам нам говорил, что ему случалось познакомиться с некоторыми святогорцами, проезжавшими через страну, как, например, архимандрит о. Кирик, чьи духовные поучения и подвижнические советы авва весьма ценил и вспоминал всю жизнь. Один такой краткий душеполезный совет он нам часто повторял и рекомендовал. Он состоит в том, что почти во всех обстоятельствах нужно молиться этой краткой святой молитвой: “Господи, прости меня и помоги мне”.

В призренской семинарии отец Иустин оставался лишь год (с августа 1927 до июня 1928 года) и вновь был возвращён в Сремские Карловцы. За этот год он успел снискать всеобщую любовь семинаристов и учителей, ибо своей жизнью и трудами воистину показал, что “богословие — это не диалектика и не умелое цитирование текстов Священного Писания, а живое и деятельное вращение в великую тайну Христа и Церкви”, как пишет о нем один из его призренских учеников. Так было и несколько лет спустя в Битольской семинарии, где он был профессором с 1932 по 1934 год, о чём свидетельствуют и письма его учеников, и их живые рассказы.

Новые искушения для отца Иустина наступили в Карловцах по смерти 9 октября 1929 г. ректора семинарии протоиерея Добросава Ковачевича. Отец Иустин указом Священного Синода был назначен исполняющим обязанности ректора. Потом он сам нам говорил, что тогда действительно хотел стать ректором

семинарии не по любви к славе, но желая лучше организовать жизнь и труд молодых богословов к вящей пользе Сербской церкви. Однако уже в марте 1930 года ректором был поставлен профессор женской гимназии из Белграда, не входивший в число профессоров семинарии и придерживающийся совсем других понятий и мнений, нежели отец Иустин и большинство семинарских преподавателей. Между ними не преминуло дойти до столкновения, столкновения между самоотверженным подвижником и самоугодливым господином. Это отразилось и на известном разделении учеников, и новый ректор начал изгонять учеников, которые любили отца Иустина и остались ему духовно приверженными. Сильные мира сего и власть имущие были на стороне ректора, и отец Иустин вновь был удалён из Карловацкой семинарии. На этот раз он был направлен на нелегкую работу за границу, но, в конце концов, умножил лишь свои подвиги к большей славе Божией и на пользу Православной Церкви.

По решению Архиерейского Синода Сербской церкви, в декабре 1930 года отец Иустин был направлен в Прикарпатскую Русь в Чехословакии в качестве сопровождающего и помощника епископа Битольского Иосифа (Цвийовича). Их задачей было помочь в лучшем разъяснении Православия и в улучшении церковной организации православных в Чехословакии, особенно в Прикарпатских областях, где в предшествующие десять лет христиане начали возвращаться в Православие из насильно навязанной им унии с Римом. Эту помощь от Сербской церкви просили и сами чешские христиане, поэтому там уже находился и работал епископ Нишский Досифей. Сейчас было нужно опять деликатно и более конкретно помочь этим православным братьям, тем более, что церковная обстановка в Чехословакии из-за разрозненности самих православных была сложной. Сербская церковь отозвалась на это с апостольской любовью, направив туда епископа Иосифа и иеромонаха Иустина.

В Праге их встретил и братски принял православный епископ Горазд (Павлик), а затем представители чешских властей, поскольку все должно было совершиться свободным волеизъявлением местной иерархии и на законных основаниях. 17 декабря 1930 года они отправились на апостольское,

миссионерское дело в Прикарпатье и прежде всего посетили города Ужгород, Хуст, Изу (где Православие появилось еще в 1904 г.), Брно, Мукачево, Владимирове, Прешов и Краков, а затем многочисленные села как на равнине, так и в горных районах Карпат. Останавливались они также в только что открытых православных монастырях: в мужском в честь святителя Николая вблизи города Изы и женском монастыре Липши, где было свыше 70 сестер, которые, как отметил о. Иустин, были “богаты нищетою и простотою”.

Эти два апостольских миссионера везде, где только были православные, ревностно путешествовали в дождь и снег, служили Божественную Литургию и проповедовали Евангелие Христово и науку Православия, как некогда святые равноапостольные братья Кирилл и Мефодий. Они самоотверженно, подвижнически несли дело миссионерства, а в особенности отец Иустин (ибо митрополит Иосиф после нескольких месяцев возвратился в Белград по синодальным делам), всевозможно укрепляя эту молодую и недостаточно утвержденную в Православии паству. Народ, по общему впечатлению отца Иустина, был простым и набожным, много потерпевшим от униатов, тогда как среди священства, помимо честных и ревностных, были неорганизованные и модернистски настроенные. Миссионерская деятельность отца Иустина заключалась в служении и проповеди, в поучении и духовном руководстве, в организации церковноприходской и монашеской жизни, регулярных богослужений и остального православного, благодатного и канонического, порядка. Через всё это нужно было укрепить народ Божий, укоренить его в благодатных глубинах Святого Православия, насадить его, как масличные деревья и виноградные лозы, в духовном раю Единой Святой Соборно-кафолической и Апостольской Церкви Христовой. Другими словами, необходимо было устроить и приуготовить самостоятельную Православную поместную Церковь в Чехословакии.

В этом тяжком, но богоугодном деле иеромонах, а затем протосинкелл+ Иустин (ибо ему митрополит Иосиф от Священного Синода дал это отличие и выразил благодарность) по-сыновьи послушествовал и всеусердно помогал владыке

Иосифу, так что даже сей владыка впоследствии с искренним благодарением сообщал Синоду и Патриарху, что его никогда в жизни никто так не слушался и никто так ему не служил, как отец Иустин. За апостольский самоотверженный труд в Чехословакии митрополит Иосиф предложил Архиерейскому Собору Сербской Православной Церкви рукоположить отца Иустина во епископа Мукачевского на возобновленную кафедру. Об этом между отцом Иустином и владыкой Иосифом велась длительная переписка, но, в конечном счете, отец Иустин всё-таки не согласился принять епископский сан и кафедру.

На эту тему сохранилось его письмо к Преосвященному Иосифу, написанное 2 сентября (старого стиля) 1931 года в Мукачево и доставленное в переписанном виде Патриарху Варнаве и епископу Николаю, в котором отец Иустин так объясняет свой отказ от кафедры: “Испрашиваю у Вашего Преосвященства извинения и прощения за то, что так поступаю. Я пишу это под неодолимую диктовку моей совести. Под вопросом путь, которым душу свою веду через этот свет к тому свету... Ваше Преосвященство неоднократно доводило до моего сведения, а особенно в эти дни перед поездкой на Священный Архиерейский Собор, что должно мне остаться епископом в Прикарпатской Руси. Я от этого отказывался и отказываюсь сейчас. И этот мой отказ является не результатом минутного настроения, а плодом долгих размышлений, и что самое главное, — плодом моего постоянного и неизменного чувства, что я не гожусь быть епископом... Я долго и серьёзно наблюдал за собой из Евангелия, осматривал себя в Евангелии, судил себя Евангелием и пришел к неизменному выводу и непоколебимому решению: я ни в коем случае не могу и не смею принять епископский сан, ибо у меня нет для этого основных евангельских качеств. Если быя, будучи таковым, принял этот сан, я бы сознательно и потому непростительно подвёл себя под осуждение притчи Спасителя о человеке, который необдуманно начал строить башню, но не мог её закончить, поскольку перед этим не исчислил, имеет ли он силы и средства для её завершения. Я отлично знаю себя: мне очень тяжело свою собственную душу удерживать в границах Христова добра, а тем более сотни тысяч чужих душ. И отвечать за них перед Богом! Измеряя себя евангельским мерилom, судя

себя страшным судом Евангелия, я повсюду нахожу в себе отчаянные недостатки и пагубные изъяны и поэтому я всем сердцем, всей душой, всем существом принял неизменное решение: ни за что не принимать епископского сана... И ещё к тому: Мукачевская епархия такова, что в ней едва с великим трудом может освоиться человек огромного епископского опыта, а куда уже мне — неопытному, неискусному, неумелому. Здесь всё в хаотическом движении, ещё ничто не вылилось ни в определенные, законные (канонические) нормы, ни в религиозно-церковные навыки и обычаи... Поэтому сюда нужен искусный, проверенный епископ, располагающий большим, благодатным опытом и закаленный деловым умением. Без этого здесь все может потерпеть крах и пропасть”.

Хотя митрополит Иосиф всячески убеждал и располагал отца Иустина к принятию епископства (“Не теряйте из вида и того, — писал он ему, — что светильник не ставится под спудом.., поэтому примиритесь с тем, что Вам надлежит”), смиренный авва не поколебался в своем решении. На все доводы владыки он обычно отвечал доводами из Священного Писания, и митрополит Иосиф, питавший к нему любовь, наполовину в шутку, а наполовину всерьёз сказал однажды ему: “Вся беда в том, что ты так знаешь Священное Писание!” Связи же отца Иустина с верными из Прикарпатья не прервались и после его возвращения из Чехословакии в начале 1932 года, поскольку не только ему многие писали оттуда, называя его своим духовным отцом, и не только он отвечал им из Сербии и помогал, чем мог, но и имел достаточное число своих учеников, а впоследствии — студентов из прикарпатских краев, которые Сербскую церковь считали для себя Матерью-Церковью.

По возвращении с дела миссионерства из Чехословакии отец Иустин не сразу получил работу в семинарии, что, возможно, было результатом его отказа от принятия епископского сана, который ему уже никогда больше не предлагали. Он, однако, в это время ускоренно пишет свою первую книгу *Догматика*, опубликованную в октябре того же года. Только в августе 1932 года он получит должность профессора в Битольской семинарии, где будет не покладая рук работать два года. Как и везде, в Битоле он вложил много труда и любви в богословское

образование и евангельское воспитание молодых богословов, преподавая и здесь Священное Писание и догматику. Как профессора и наставники, так и семинаристы и здесь его весьма любили и ценили, и когда спустя два года он был переведен из Битоля в Белград доцентом Богословского факультета, его провожала вся семинария и огромное число благочестивых горожан...

Слава Богу, что после долгих кривотолков и попыток ряда людей оспаривать диплом и богословские труды отца Иустина, рассудительность восторжествовала, а авторитет Богословского факультета в Белграде не только не умалился, но ещё более возрос, и тем, кто его прославит, будет его доцент, а затем профессор архимандрит Иустин (Попович), православный догматик. Уже в 1935 году он публикует второй том своей *Догматики*, в которой неповторимым со времени святых отцов образом излагает всесвятую Истину Православия как она есть — *Богочеловек и Его дело: Христология и Сотериология*. По его *Догматике* началось преподавание в богословских и теологических школах и факультетах Греции, Болгарии, США и Канады, и можем с уверенностью сказать, что сербское богословие до настоящего времени ничем так не знаменито, как *Православной философией Истины* Иустина Поповича (так он сам назвал свою *Догматику*).

После положительного доклада 1 февраля 1934 г. двух профессоров Богословского факультета отец Иустин был избран доцентом кафедры сравнительного богословия и вступил в должность 21 декабря того же года. Впоследствии его избрали профессором догматики. 16 января 1935 года он прочитал на Богословском факультете свою вступительную лекцию на тему: *О сущности православной аксиологии и критериологии*, представляющую собой единственное православное, богословское исповедание веры в Богочеловека Христа и Его Святую Православную Церковь, какого не слышно было, особенно в университетах, со времён святителей Саввы Сербского и Григория Паламы. “Господь Иисус Христос как Богочеловеческая личность — это наивысшая сущность и непогрешимое мерило; как таковая личность Он в то же время является и наивысшим критерием всех настоящих ценностей... Ибо нет Бога вне Богочеловека, нет и человека вне Богочеловека... Всё своё учение и деяния

Господь Иисус Христос сводит к Своей Богочеловеческой личности и объясняет Ею. Поэтому и Апостольская Православная Церковь Христова всё в Христианстве сводит к животворящей личности Богочеловека: и учение, и истину, и правду, и добро, и жизнь. Лик Богочеловека Христа есть её высшая сущность и самая большая драгоценность. Ибо Христианство — это Христианство Богочеловеком; в этом Его исключительное значение и сущность и сила. Господь Иисус Христос Себя Самого, Свою Богочеловеческую личность оставил как Церковь; отсюда Церковь — это Церковь лишь Богочеловеком и в Богочеловеке. Богочеловек — сущность, и цель, и смысл, и всеценность Церкви; Он — и её душа, и её сердце, и её жизнь, Он — сама Церковь в своей Богочеловеческой полноте, ибо Церковь есть ни что иное, как Богочеловек Христос, живущий во веки веков”. После такого апостольского и святоотеческого исповедания Богочеловека, отец Иустин говорил о Церкви как Теле Христовом и о верных как о живых клетках и членах этого Богочеловеческого Тела. Затем критически остановился на западных гуманистических исповеданиях, римокатолицизме и протестантизме, в которых “основание Христианства перенесено с вечного Богочеловека на преходящего человека”, и тем самым произведена “болезненная и скорбная «корректировка» Богочеловека, Его дела спасения и Его учения”. Только Апостольская Православная Церковь сохранила истинный Лик и Личность Богочеловека Христа. “Поэтому не может быть христианина без веры в Богочеловека Христа и Его

Богочеловеческое Тело — Церковь, которой Он оставил всю чудесную Личность Свою”.

В это же самое время, когда отец Иустин так исповедовал Богочеловека Господа Иисуса Христа с университетской кафедры, он Его не в меньшей мере исповедовал и перед князьями мира сего. Один безбожник Драголюб Домьянович опубликовал в Белграде книгу *Жизнь Иисуса Назарянина*, которую отец Иустин рецензировал в журнале *Христианская мысль* и разоблачил как поистине “разбойничью книгу” о Господе Иисусе, показав ее ненаучный, памфлетный и антихристов характер. По этому поводу упомянутый Домьянович обвинял отца Иустина в суде, и последний отвечал перед судом и апостольски защищал своего любимого Бога и Господа. Своё ответное слово на суде он начал следующими исповедническими и святомученическими словами: “Господа, хотя г-н Домьянович отрицает Господа Христа и Его Святое Евангелие, тем не менее, сегодня вновь перед всеми нами сбывается Христово пророчество: «Будут отдавать вас в судилище... И поведут вас к правителям и царям за Меня, для свидетельства перед ними и язычниками» (Мф. 10, 17—18). Так вот, Евангелие Христово непрестанно сбывается и являет свою истинность... Что касается меня, я на земле не боюсь никакого осуждения, кроме Христова. Если мне нужно пострадать ради Господа Христа, я готов на это с радостью”. Этот суд закончился во славу Христову победой Его верного слуги и исповедника, на посрамление безбожника, которых у нас в то время становилось как-то все больше.

Отец Иустин публично и неустрашимо исповедовал Богочеловека Господа Христа и в других собраниях, как, например, на лекциях в Коларчевом народном университете, где в 1939 г. прочитал блестящую лекцию о Воскресении Богочеловека Христа, или в обществе сербских интеллигентов, с которыми общался и дружил. Будучи незаурядно образованным и культурным человеком, он пользовался авторитетом в среде истинной интеллигенции нашего народа, и тем, что они в нем ощущали в качестве главного и самого важного, была его духовность, ибо в нём духовное вытесняло всё мирское, и благодатное господствовало над интеллектуальным. Он был и одним из основателей Сербского философского общества

(учреждено 22 октября 1938 г. по инициативе философа Бране Петрониевича), участвовал в различных научных, культурных и литературных собраниях (особенно дружил с Браниславом Нушичем+), но везде он Христа, а не себя проповедовал, о Нем, а не о себе или о каком-либо ином человеке свидетельствовал. По поводу поведения известной части нашей интеллигенции он ещё в 1926 году выпустил статью под заглавием *Наша интеллигенция и наша церковь*, где уделяет внимание той интеллигенции, не замечающей Богочеловеческих размеров человека и тем самым его сужающей, сокращающей, унижающей; и наоборот, в статье он приветствует ту интеллигенцию, которая пробуждается к человеку более широкому, более глубокому и высокому, к человеку менее смертному, а более бессмертному во Христе Богочеловеке.

Другими словами, отец Иустин всегда был открыт и исполнен любви к каждому человеческому существу, тем более к искренно ищущей и жаждущей истины интеллигенции, особенно к студенческой молодежи. Студенты активно посещали и охотно слушали его лекции, читали его книги и статьи; и сейчас труды отца Иустина читаются не только как литературные или богословские произведения, но, прежде всего, как хлеб насущный и духовный светоч. Особенно студенты и интеллигенция интересовались и поныне интересуются его книгой о Достоевском, которую он перед самой войной переработал и переиздал под названием *Достоевский о Европе и славянстве*, посвятив новым исповедникам Православия: Святейшим Патриархам Варнаве Сербскому и Тихону Всероссийскому, что свидетельствует о его постоянной близости и открытости общечеловеческим проблемам.

В смутной и злополучной конкордатской борьбе 1935—1937 годов, когда сербское правительство пыталось ратифицировать подписанный им конкордат (соглашение) с Ватиканом, ставивший Сербскую Православную Церковь в фактическую зависимость от Рима, отец Иустин, как и всегда, как и вся верная паства, как и Патриарх-мученик Варнава, был ясным и недвусмысленным защитником Святой Православной Церкви, стражем свободы души и духа нашего православного народа, особенно молодых Христовых последователей и работников в Винограде Господнем. Тогда

он испортил отношения с некоторыми высокопоставленными церковными и государственными лицами, но при этом никогда не страшился, ибо никогда людям не угождал, но угождал Господу Христу и Его Святой Церкви ради спасения человека и рода своего. Насколько он чувствовал и переживал трагизм своего времени и обстоятельства, в которых людям приходится жить, ясно из одного видения, которого он удостоился в те дни перед самой войной, о чём оставил нам письменное свидетельство: он увидел заросшего бородою и волосами монаха-странника в короткой мантии и с посохом в руке. И затем, когда видение монаха прекратилось, перед глазами его появляется голова Спасителя в терновом венце, которая на мгновение исчезает, а затем появляется вновь.

Такое же настроение его переживаний этих дней и лет передается и отрывком из его письма своему школьному другу, написанного 2 апреля (старого стиля) 1938 года: “Что касается меня, я здесь <в Белграде> чувствую себя, как Иона во чреве кита. Ничуть нет воздуха вечности; лёгкие души готовы иссохнуть. Чьи-то руки сметают раскалённые угли на молодую Христову поросль в запущенном и оставленном Винограде Господнем. Святитель Савва, взирая на землю, потрясает своим плачем Небеса. А мы плачем ещё больше и сильнее, ибо мы на земле живём. Никогда не было так необходимо вооружиться всеоружием Божиим, как сейчас. А превыше всего должно вооружиться молитвой, которую нам Сладчайший Господь преизрядно и преизобильно даровал!.. И нужно мне, чтобы мои ближние бдели вокруг души моей своими молитвами и подвигами”.

Отец Иустин прибыл в монастырь в честь Святых Архангелов — Челие (Келлии) недалеко от города Валева

14 мая (старого стиля) 1948 года и здесь остался как священнослужитель и духовник. Об этом периоде его жизни не будем говорить ничего, кроме сих слов: когда жизнь благодатью Христовой перейдет в священное житие, тогда ее уже нельзя объять словами.

В Челиях отец Иустин и окончил течение своей земной жизни, имея блаженную кончину праведника и богоугодника, и это произошло как раз в день Благовещения Пресвятой Богородицы в 1979 году.

Никому ничего не навязывая, лишь свою веру в Господа и Его святых молитвенно исповедуя, молитвой начатое молитвой и заканчиваем:

Преподобне отче Иустине, моли Бога о нас!

ПОГРЕБЕНИЕ ОТЦА ИУСТИНА И СОРОКОУСТ

По исходе блаженной души отца Иустина из его богоданного и богопреданного тела, ученики-священномонахи совершили его уставное облачение в голубые священнические ризы, в которых он служил Святую и Божественную Литургию, и он в этих соединённых со Святой Литургией одеждах отошёл в собор

Небесных священнослужителей, где в нерукотворенном Храме Небесном истее и совершеннее вечно Христа причащается. По завершении облачения его благодатью богоподобное и тёплое тело опущено в новый ковчег, и над телом в его же келье отслужена малая панихида. Торжественным собранием всех сестёр монастыря Челие и огромного числа верующих, поскольку одни еще не уехали из монастыря с праздника Благовещения, а другие уже начали прибывать, — ибо весть о упокоении отца Иустина быстро разнеслась и в тот же вечер достигла Святой Горы и Афин, — тело аввы было перенесено в монастырскую церковь Святых Архангелов и здесь положено в притворе.

Чтение святых Евангелий было начато с Евангелия от Иоанна ещё во время исхода души блаженного старца и не прекращалось во все время облачения, а затем продолжалось в храме в течение трех дней и трех ночей до отпевания. Чтение Четвероевангелия прекращалось лишь во время святых богослужений и панихид и временами сменялось чтением Псалтири сёстрами-монахинями или благочестивыми верующими, которые в монастырской церкви, сменяя друг друга, проводили все дни и ночи вплоть до отпевания и погребения блаженного тела. Верные со всех уголков страны и из-за границы начали прибывать в тот самый вечер, чтобы всем вместе, молодым и старым, особенно семинарской и студенческой молодежи, совместно с сёстрами-монахинями бдеть возле гроба блаженного аввы и участвовать в слушании и чтении святого Слова Божия, неумолкающим благовестником и толкователем которого был этот новый сербский Златоуст.

А блаженный старец телом своим почивал перед нами, с блаженным миром Божиим на лице своём, которое сияло нам, благословляя и утешая нас духом своим, сопричастным Духу Святому. Благодатное благословение его проявлялось в тихих и обильных молитвенных слезах, изливаемых из сердец и очей наших с волнами печали и радости, необъяснимо сменяющимися и переливающимися в душах наших. Поистине мы в те три дня и три ночи, а также после этого вплоть до сороковин переживали на действительном опыте истину святых Православных отцов и подвижников о том, что существует благодатный *радостотворный плач* (по-гречески *хармолипи*),

который в то же время и истинный плач и истинная радость. Возле гроба отца Иустина мы именно это и переживали во все те дни: слёзы нельзя было остановить, но это были печально-радостные и крестно-воскресные слезы, переживаемые только в часы истинного, растворенного благодатью покаяния. Все здесь было тихо и кротко, не было воплей или рыданий, — только тихий дождь печали и умиления, проникнутый благодатным утешением и райскими воздыханиями, чувствами, столь свойственными святому авве и поэтому, возможно, дарованными нам им. Как будто мы праздновали Святую Пасху и перед этим совершили чин Погребения; именно так об этом сказал один святогорец: «Погребение отца Иустина было праздником Пасхи!» Это ощущалось в те три дня и три ночи в самой атмосфере возле гроба отца Иустина: блаженно уснувший угодник Божий, почивая от трудов, подвигов своих в мире Господа своего, как будто тихо дышал во гробе, — что, по словам прозорливого отца Порфирия из Греции, также было знаком богоугодничества и осенения благодатью, — и это его мирное и миротворящее дыхание, лучше сказать, дыхание Духа Святого, передавалось нам.

Мы не чувствовали никакой боли и усталости, мы лишь печально радовались печалью по Боге и живой надеждой воскресения, живым ощущением бессмертия аввы. Не смеем сказать, что в той же мере, но, разумеется, в известной мере, и мы возле его гроба почувствовали то же, что и он когда-то ощутил возле гроба матери своей, — истинное и действительное ощущение бессмертия.

Христос Воскресший и общее Воскресение было действительностью, наступившей здесь и сейчас — не только для почившего аввы, но и для нас, стоящих вокруг его святого и благоухающего тела. Пусть и за этот дар возносится слава Господу Всемилостивому и Его угоднику, который и по смерти засвидетельствовал то, о чём проповедовал и свидетельствовал во всю свою жизнь: Воскресение Христово и наше воскресение в Нём суть альфа и омега христианства, и райская радость бытия переживается Воскресением.

Чудесным было и то, о чём нам и другие засвидетельствовали, как в эти дни и часы наши молитвы за отца Иустина постепенно

и неприметно переходили и изменялись в молитвы к нему и Господу его и нашему за нас, грешных и недостойных.

В тот первый вечер, в субботу, было отслужено всенощное воскресное бдение с 10 часов пополудни до 3 часов пополуночи, а утром — Божественная Литургия святителя Василия Великого. После чтения Евангелия и заупокойной ектеньи над гробом отца Иустина говорил иеромонах Афанасий о целожизненной проповеди Благой Вести этим Христовым благовестником Благое-Иустином, — единственного, истинного благовестия, вопреки частой проповеди зла в этом мире и жизни. По Святой Литургии, за которой все сёстры причастились Святых Христовых Тайн, в монастыре была поставлена трапеза любви для всех присутствующих в память почившего отца-гостеприимца. И в следующие два дня до отпевания вновь всю ночь служились бдения, а днём — Литургия...

В день отпевания в монастырь прибыло огромное количество духовенства со всей страны и из других поместных Церквей. Присутствовали все, духовным образом связанные с отцом Иустином, свидетельствуя о том, что его духовное свечение уже давно стало всеправославным и вселенским... Единство Православия, которое отец Иустин во время земной жизни живо чувствовал и о котором верой, любовью, молитвой и богословием свидетельствовал, благодатно проявилось здесь, на его погребении — в единстве общей веры и любви, в единстве соборных молитв и песнопений.

Погребальные песнопения, заупокойные ектеньи, возгласы и молитвы, а, прежде всего, Слово Евангелия, — были слышны здесь на многих языках. Челийские сёстры пели на сербском, сербское и русское священство — по-церковнославянски, братья из Греции — по-гречески... Собор народа Божьего в этот святой день вокруг храма Святых Архангелов и священного тела старца Иустина вдыхал благоухание и неуничтожимой вечности и слезами встречал прощальные слова собравшегося духовенства.

По окончании отпевания гроб с телом троекратно был обнесён вокруг монастырской церкви, а затем тело, по изначальной заповеди Господней, было предано праху земному — опущено в землю на южной стороне от алтаря монастырской церкви.

После последних надгробных песнопений и молитв, когда смиренные могильщики, в основном окрестные крестьяне и богомольцы, эти дивные и простые наши люди, которые так горячо любили отца Иустина и которых он так братски и отечески любил, — начали закапывать этот бесценный ковчег, над могилой на многих языках разнеслось смиренное и радостное: *Хрѣтосъ воскресе изъ мѣртвыхъ, смѣртїю смѣрть поправъ, и съцимъ во гробѣхъ животъ даровавъ.* И пока челийская земля покрывала эту новооткровенную Ризницу Мудрости, откуда-то донесся неожиданный, но ясный глас поэта:

*Он ступал, ведомый правдой
И любовь Твою хранимый, Христе!
Вечная тебе память,
Христианский новый Евангелисте!..*

В тот же вечер в ряде Святогорских монастырей совершались заупокойные поминовения отца Иустина. Весть о его упокоении быстро донеслась и до Америки. В Свято-Владимировской Академии, почётным доктором которой был архимандрит Иустин, ректор протоиерей Александр Шмеманн с профессорами и студентами совершил парастас в самый день погребения отца Иустина, в тот же час, когда в монастыре Челие совершалось отпевание. В течение этих дней парастасы были отслужены и во многих монастырях и церквях Греции.

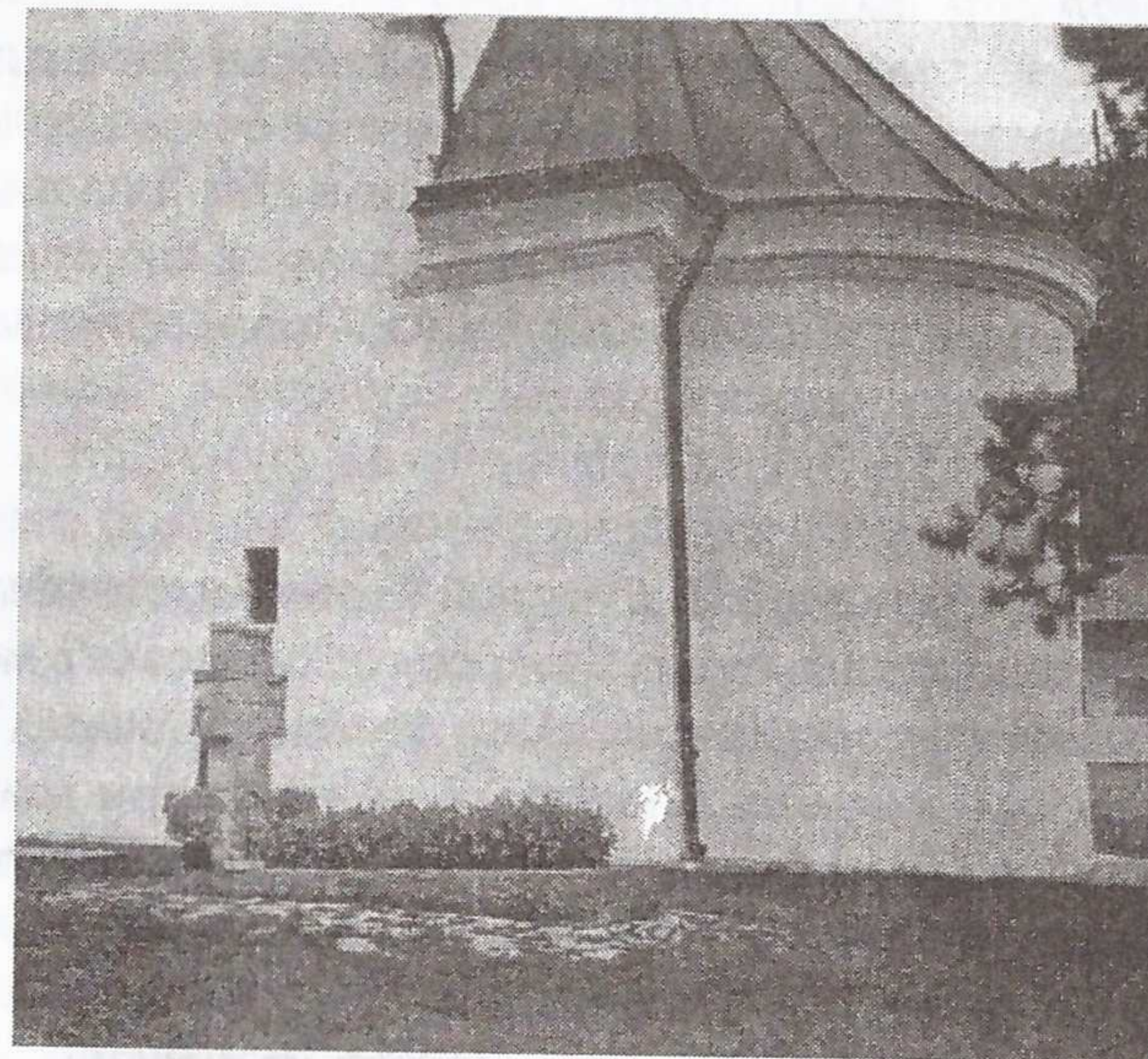
Поскольку тогда были великопостные дни, и по уставу не положено совершать ежедневных заупокойных Литургий, литургийный сорокоуст был отслужен, начиная со дня Святой Пасхи. Могила же отца Иустина стала составной частью монастырской церкви, так как на ней начали совершаться регулярные каждения и молитвы, поминовения и панихиды, воспеваться песнопения и тропари — совсем как в древней Христовой Церкви на гробницах святых мучеников и исповедников. Ибо каждый верующий во Христа, почивший в общении с Церковью, а тем более такой Христов угодник, никогда не уходит и не выходит из Церкви, но вечно остается и пребывает в ней как в вечно живом Небесно-земном Теле Христовом.

Сороковины блаженного аввы совпали с праздником Преполовления Пятидесятницы 3 мая. Вновь была отслужена в Челиях Божественная Литургия архиерейским служением при огромном стечении народа. После окончания богослужения была вновь всем предложена монастырская трапеза любви...

Господь Человеколюбивый да имеет преподобного священноархимандрита Иустина в вечном поминовении Своём со всеми святыми Своими, а нас да помилует и спасет его и их святыми молитвами.

Аминь.

*Иеромонах Афанасий
1980*

Монахиня ОЛИМПИАДА

ЧУДЕСА СВЯТОГО ИУСТИНА ЧЕЛИЙСКОГО

1952 год

В тот год произошло великое чудо в монастырской пекарне в Челиях. В монастыре было 40 сестёр, на кухне хозяйничала мать Нина. После того, как она замесила хлеб для ужина, оставалась всего одна кадка муки. За ужином она пожаловалась на то сёстрам, а Авва Иустин сказал: “Молитесь Богу, Господь заботится о нас!” На следующий день, когда м. Нина пришла в пекарню, нашла там два полных закрома муки. Авва Иустин, мать Сарра и все сёстры видели это чудо и все вместе возблагодарили Господа.

1953 год

Некто С. из села Л. вблизи Валева болела двенадцать лет – была одержима. Часто видела бесов, и они её сильно мучили и били и терзали. Когда её домашние кадили дом, она видела, как бесы бегут от ладана. Она часто исповедалась и причащалась у отца Иустина и так полностью исцелилась. Потом приняла постриг и в монашестве носит имя Татиана.

1959 год

Дочь одного человека из Стрмной Горы близ Лелича болела, три года лежала без движения. Однажды её привезли в монастырь и на одеяле внесли в церковь. Авва Иустин прочитал над нею молитвы. После молитвы она встала, а через три года начала ходить. И тогда, как и в первый раз, приехала в монастырь и после прочитанной над ней молитвы сама дошла до автомобиля и села. Однако двигатель не желал заводиться. Люди стали толкать машину, однако тщетно. Как она выйдет из машины, двигатель заработает, как сядет обратно – он глохнет. Так было несколько раз. Тогда она говорит: “Пойду сама пешком в гору”, а была с малым ребёнком. Взяла дитя на руки и так пошла с ним по дороге на самый верх горы.

1963 год

На Преображение Авва Иустин служил Божественную Литургию, в церкви было полно народу, и все причащались. Тут был и один мусульманин, работавший поблизости на строительстве железной дороги Белград – Бар. Его звали Исмет, и Авва до того его никогда не видал. Исмет пошёл вместе с народом к причастию. Когда подошёл к Святой Чаше, о. Иустин взглянул на него и сказал: “Вы не можете причащаться, вы некрещеный”.

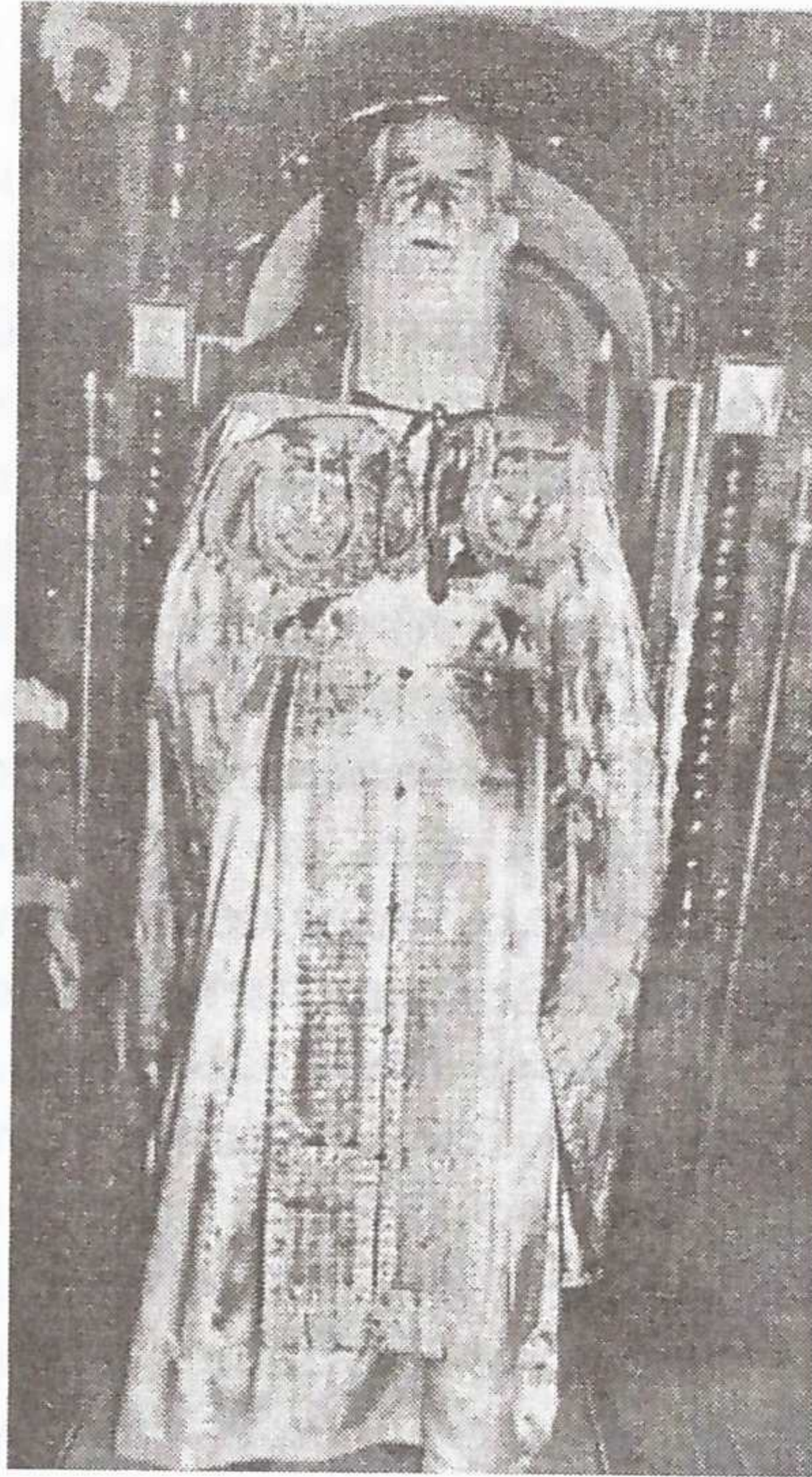
У Радиши Милойковича из села Трлича возле Уба не было детей. Он приезжал в монастырь, чтобы Авва прочитал над ним молитвы. После того у него родилось двое сыновей.

У учителя М. из села С. близ Валева была тяжелая душевная болезнь. Однажды мать привела его в Челия на вечерню. Они заночевали в монастыре, а в 4 часа пополуночи пошли в церковь на службу. С ними была и сестра Анисия. Во дворе он пришёл в неистовство, “вышел из себя”. Мать знала, что когда с ним случается такое, может дойти до беды и опасности, и крикнула сестре, чтоб бежала прочь. В монастыре тогда строили домовый храм, и в здании было человек двадцать рабочих. Они все были люди воцерковлённые, каждое утро в 4 часа сначала шли в церковь, а потом на работы. М. стал швырять камнями в мать, и она побежала в корпус, где строители собирались идти в церковь... М. побил камнями все двери и стену здания. Он непрерывно осыпал камнями корпус, так что никто не мог выйти. Кроме рабочих в здании были о. Макарий, о. Мардарий из монастыря Режевичей и ещё несколько человек. М. всё время кричал: “Чёрный, белый, жёлтый, на помощь! Пали! Беглым огонь!”

Выше монастыря идёт дорога, и те, кто шли по ней, удивлялись, что происходит? Мы в монастыре слышали их взволнованные речи: “Эй, что там в монастыре? Что-то опасное!”

О. Мардарий и о. Макарий два часа не могли совладать с одержимым М. Когда его всё-таки схватили, связали и отвели в церковь, там ему связали и руки и ноги, и пятеро мужчин его стерегли. После Литургии Авва соборовал его, а он до половины молитвы всё не мог прийти в себя. А на середине сказал:

“Развяжите руки, мне больно” и к концу молитвы совсем опамятовался. Пообедал с рабочими и отправился с матерью домой полностью исцелённым. Через несколько дней Авва поехал в Белград, и на станции к нему подошёл совершенно здоровый М. и благодарил его. Позже они с матерью часто бывали в монастыре.

В селе С. в окрестностях Валева жили родные сёстры Миления, Обрения и Круния. Все три были нервно больны. Сначала заболела Миления, через несколько лет другая, потом и третья. Они часто приходили в монастырь, и Авва читал над ними молитву, они исповедовались и причащались. Все три выздоровели, а Круния стала монахиней.

1964 год

Мать привезла свою одержимую бесами дочь С. из Великой Планы. Ей было 26 лет, и из неё говорил бес. Авва много за неё молился. Накануне Михайлова дня храм был полон, Авва читал Евангелие. На середине чтения из неё заговорил бес. Авва остановился и сказал: “Да, это не она говорит, а бес из неё!” На что бес ответил: “Вошёл бы в тебя, да не могу”. С. после говорила, что уста ей были заграждены, её трясло, и бес из неё говорил.

С. была долго в монастыре, и Авва читал над нею молитву каждый день, три раза соборовал её, однако лучше ей не становилось. Авва сказал: “Я прекращаю молиться, здесь дело в неисповеданном большом грехе”. Ещё сказал сёстрам, что, может, она не знает всего о грехах, и чтоб они с нею о том поговорили.

В разговоре с сёстрами С. подробно поведала о своём грехе. Их с братом было двое у родителей. Брат договорился о помолвке с девушкой по имени Душица. Она была одна у матери, работала телефонисткой, как и брат С. Он попросил мать и сестру познакомиться с будущей снохой. Девушка была хорошая и красивая, но одна нога у неё была немного короче другой. Им обоим это не понравилось, и они были против помолвки. Брат тогда отказал девушке по телефону, когда она была на рабочем месте. Позднее её подруги по работе рассказывали, что они обычно всегда шли вместе домой, но в тот день Душица пошла другой улицей в сторону железной дороги. Издалека приближался поезд, и она побежала к нему. Здесь на пути её поймал за руку один пожилой господин (который потом всё то и поведал): “Куда ты, детка?” Она вырвалась и в последний момент бросилась под поезд. Рассказывая всё это сёстрам, С. и не догадывалась, что это её грех.

После С. исповедалась и направила прошение владыке об отпевании Душицы. Его совершили на могиле, Авва отслужил сорокоуст. Когда всё это завершилось, С. здоровой вернулась домой.

1969 год

Однажды из Белграда в монастырь перед вечерней приехала студентка Милица. Авва шёл в церковь и встретил её во дворе. Они тогда увидели друг друга первый раз в жизни. Однако о. Иустин ей сказал: “Помогай Богу, сестра Милица. Приехали? Слава Богу. Отдохните немного”. Та Милица теперь монахиня Макария.

Семилетняя девочка Милена из Любинича не говорила. Мать привезла её в монастырь, где она провела месяц. Всё это время Авва каждый день читал над нею молитву, и дитя заговорило.

С. из Г.Л. (окрестность Валева) был тяжело болен, совсем не в себе. Спал в лесу, кричал, нападал и бросался камнями. Убил своего родного дядю. Однажды во время богослужения он вбежал в церковь и ко всем иконам прикладывался и молился вслух. Авва прочитал над ним молитву, и он исцелился.

Шестилетняя Снежана из Попучака возле Валева не ходила. Мать привезла её в монастырь, и Авва читал над нею молитву. Она начала ходить и после часто посещала монастырь.

1972 год

Ж. из Валева шесть лет тяжело болел. У него было и удостоверение, справка о том, что он невменяем. Его привели к Авве, который прочитал над ним молитву, и он ушёл выздоровевшим. С тех пор этот человек каждый год приходит на 2 – 3 дня поработать в монастыре.

М. П. из Валева родила девочку, и врачи в родильном доме сказали ей, что у ребёнка парализована правая ручка. Она помешалась умом и совсем себя не помнила. Лечили её и в Валеве и в Белграде, и нигде не было помощи. Во время болезни была опасна для окружающих, била народ камнями и чем попало, все от неё бежали. Однажды, не помня себя, бросилась в колодец 15-метровой глубины, потонула, но вода вытолкнула её на поверхность, и с помощью Божьей она сама выбралась из колодца и никак не повредилась. Лечилась шесть лет, под конец была в психиатрической лечебнице в Ковине, где принимала самые сильные средства, но и то не помогло. Её мать прослышала про о. Иустина и принесла кое-какую её одежду и сахар. Авва читал ей молитву, и мать отнесла одежду и сахар в больницу, чтоб она ими пользовалась. И тогда М. полностью поправилась. Часто бывает в монастыре.

1976 год

П.Б. из Ф. возле Нового Сада болел четыре года. Видел различные видения во сне и наяву (привидения, страхования) и не мог спать. Авва читал над ним молитву, и он исцелился.

1977 год

Как-то в воскресенье Авва служил Божественную Литургию. В церкви было много народа и среди них и один турок по имени Расим. Авва никогда его не видел. Когда Расим подошёл взять анафору+, Авва ему сказал: “Вам нельзя брать анафору, вы некрещеный”.

1978 год

Р.Б. из Брезовицы возле Уба была душевно больна. Авва много за неё молился и читал над нею молитву. Она выздоровела и устроилась на работу: сейчас работает врачом в Белграде.

Ж. и М., резчики по камню из Д. в окрестностях Валева, не были право верующими, любили выпить. Часто проводили дни и целые ночи по кабакам. Их сродники приходили к Авве с просьбой помолиться, и его молитвами те исцелились от заразы. Когда бросили пить, пришли к Авве и благодарили. Они искренне покаялись за потерянное время и потраченные по кабакам деньги, говоря: “Жалко, что не знали и не пришли сюда раньше”. Эти люди стали истинными христианами и часто посещают монастырь.

Невозможно упомянуть всех; многие и многие, благодаря аввиным молитвам, бросили пить; всякое зло в мире, ссоры, ненависть, распавшиеся семьи, дети, бросившие родителей, родители, оставившие детей без попечения, — по молитвам Аввы Иустина всё наладилось и стало, как должно.

Преподобный ИУСТИН (Попович)

ОСНОВНАЯ ИСТИНА ПРАВОСЛАВИЯ— БОГОЧЕЛОВЕК¹

Все истины Православия выводятся из одной Истины и сводятся к одной Истине, безграничной и вечной. Эта Истина — Богочеловек Христос. Если вы до конца переживёте своей жизнью какую бы то ни было истину Православия, вы должны будете найти, что её сердце — Богочеловек Христос. В самом деле, все истины Православия суть ни что иное, как различные варианты одной Истины: Богочеловека Христа. Православие есть Православие Богочеловеком. И ничем иным и никем иным. Отсюда другое название Православия— Богочеловечество. В нём ничего не бывает по человеку и от человека, но все приходит от Богочеловека и бывает по Богочеловеку. А это значит: основную, вечную Истину жизни и мира человек переживает и сознает лишь с помощью Богочеловека, в Богочеловеке. И ещё: всецелую истину о человеке, о цели и смысле его бытия человек познает только через Богочеловека. Без Него и вне Его нет истинного человека, ибо человек является истинным человеком только Богочеловеком и в Богочеловеке. Вне Его человек превращается в призрак, в чудовище, в бессмыслицу. И вместо человека вы находите лишь его обломки, отбросы, прах. Поэтому истинное человечество только в Богочеловечестве. И нет иного под небом.

Почему Богочеловек — основная Истина Православия? Потому что Он решил все вопросы, мучающие и угрызающие дух человеческий: вопрос жизни и смерти, вопрос добра и зла, вопрос земли и Неба, вопрос истины и лжи, вопрос любви и ненависти, вопрос справедливости и несправедливости. Одним словом, вопрос человека и Бога.

¹ Отредактирован и дополнен анонимный перевод из книги *Преподобный Иустин Попович. НА БОГОЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ПУТИ.* СПб., 1999.

Почему Богочеловек — основная Истина Православия? Потому что Своей земной жизнью самым очевидным образом показал, что Он — воплощённая, вочеловеченная, олицетворённая вечная Истина, вечная Правда, вечная Любовь, вечная Радость, вечная Сила: Всеистина, Все правда, Вселюбовь, Всерадость, Всесила. Все божественные совершенства Он низвёл с Неба на землю. И не только низвёл, но и нас научил и дал нам благодатные силы претворять их в свою жизнь, в свои мысли, в свои чувства,

в свои дела. Отсюда наше призвание — воплотить их в себе и в окружающем нас мире.

Посмотрите на лучших между наилучшими в роде человеческом. Во всех них Богочеловек — это то, что самое лучшее, главнейшее, вечное. Ибо Он — святость святых, мученичество мучеников, праведность праведников, апостольство апостолов, доброта добрых, милосердие милосердных, любовь любящих. Почему Богочеловек есть всё и вся в Православии? Потому что Он как Единый от Святой Троицы, воплощённый Сын Божий, незаменим и как Бог, и как Утешитель, и как Защитник, и как Учитель, и как Спаситель. Измученный трагичностью земной жизни человек только в Нём, Всемилостивом Господе Иисусе, находит Бога, могущего дать истинный смысл страданию, Утешителя, могущего воистину утешить во всякой скорби и печали, Защитника, могущего воистину защитить от всякого зла, Спасителя, могущего воистину спасти от смерти

и греха, Учителя, могущего истинно научить вечной Истине и Правде.

Богочеловек есть всё и вся в Православии, ибо Он безмерно возвеличил человека: воздвиг его до Бога, учинил его богом по благодати. И это осуществил, не умаляя человека за счёт Бога, но исполняя его всеми божественными совершенствами. Как никто другой, Богочеловек прославил человека: даровал ему Жизнь вечную, Истину вечную, Любовь вечную, Правду вечную, Радость вечную, Добро вечное, Блаженство вечное. И человек Богочеловеком достиг божественного величия.

Если основная истина Православия — Богочеловек, то основная истина любого инославного вероисповедания — человек или же отдельные крупинки его существа: разум, воля, чувства, душа, тело, вещество. Нет нигде полного человека в инославии: он весь раздроблен на атомы, на отдельные части. И всё это во славу величия человека. Однако, насколько бессмысленно “искусство ради искусства”, настолько бессмыслица и “человек ради человека”. Этот путь ведёт в самый жалкий пандемониум, где верховный идол — человек. И нет нигде более жалкого идола, нежели этот. Исходная истина Православия: человек не ради человека, но ради Бога. Или полнее: ради Богочеловека. Потому мы во имя человека остаёмся с Богочеловеком. Единственно в Нём возможно осмыслить человеческое бытие, и только Им можно оправдать существование человека. В этой истине сходятся все тайны Неба и земли, все значимости всех миров, о которых человек может мыслить, все радости всех совершенств, которых человек может достигнуть. Так или иначе, в Православии Богочеловек — всё, и в Нём тогда и человек, а в инославии — только человек как он есть.

В самой своей сущности Православие есть ни что иное, как чудесная Личность Богочеловека Христа, продолженная через все века, продолженная как Церковь. Православие имеет свою печать и свой знак, по которому распознается. Это светлый Лик Богочеловека Иисуса Христа. Всё, не

имеющее этого Лица, — неправославно. Всё, не имеющее Богочеловеческой Правды, Истины, Любви, Вечности, — неправославно. Всё, стремящееся Евангелие Богочеловека осуществить в сем мире методами сего мира, — неправославно и означает рабство третьему искушению князя мира сего. Быть православным значит иметь постоянно Богочеловека в душе, жить Им, мыслить Им, чувствовать Им, творить Им. Другими словами, быть православным значит быть христоносцем и духоносцем. Этого человек достигает, когда в Теле Христовом — Церкви — всецелое существо своё исполнит Богочеловеком Христом без всякого остатка. Поэтому православный человек постоянно распинается молитвами между Небом и землёй, подобно радуге, связывающей вершину неба с бездной земли. И тогда как телом он молитвенно ходит по скорбному муравейнику земному, душой он пребывает горё, где Христос сидит одесную Бога, ибо жизнь его *сокрыта со Христом в Боге* (Кол. 3, 1—3).

Богочеловек осью проходит через все миры: от атомного как низшего материального мира до херувимского. И если отпадает от этой оси какое бы то ни было существо, оно ввергается в ужас, в мучения и страдания. Отпал Люцифер и стал сатаной; отторглись Ангелы и стали бесами; отринулся во многом человек и утратил свой человеческий образ. Отпадёт ли от неё любая тварь, — она неминуемо сорвётся в хаос и скорбь. А когда народ в своей совокупности отрекается от Богочеловека, тогда история его превращается в шествие через ад и его ужасы.

Богочеловек — не только основная Истина Православия, но и сила, и вся мощь Православия, ибо единственно Он спасает человека от смерти, греха и дьявола. Этого никогда не мог, не может и никогда не сможет сделать ни человек, кто бы он ни был, ни всё человечество в целом. Поражение всегда является исходом человеческой борьбы со смертью, грехом и дьяволом, если ею не руководит Богочеловек. Только Богочеловеком Христом человек преодолевает и смерть, и грех, и дьявола. Отсюда смысл

Отец Иустин говорит проповедь на панихиде в память Владыки Николая (Велимировича) в храме с. Лелича в 1971 году

человека: исполниться Богочеловеком в Теле Его — Церкви Православной, преобразиться Им через благодатные подвиги, стать всемогущим силой Духа Святого, стать бессмертным, стать богом, стать богочеловеком. В этом смысл, истинный смысл и всецелого рода человеческого. Это и радость, единственная радость в этом мире безмерной печали и ядовитой горечи.

Православие есть Православие Богочеловеком. И мы, православные, исповедуя Богочеловека, тем исповедуем христоликость человека, божественное происхождение человека, божественное величие человека, а этим и божественную ценность и неприкосновенность человеческой личности. В действительности, борьба за Богочеловека — это борьба за человека. Не гуманисты, а люди православной, богочеловеческой веры и жизни борются за истинного человека, человека боголикого и христоликого.

1937

Преподобный ИУСТИН (Попович)

СОБОР РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ МОЛОДЁЖИ

От колыбели до гроба человек идёт от одной боли до другой, из муки в муку, от страдания к страданию. Это ежедневное переоблачение человека.словно кипящий свинец, разливается боль по телу и душе: человек неизменно под водопадом раскалённой боли. Это чувствуют пробудившиеся, более всего ощущают — полностью пробуждённые. Преодолевая со страшным напряжением боль за болью, человек нуждается в постоянной диете: от рая — до ада и от ада — до рая он должен знать, что можно вкушать, а что нет, чем можно напитать себя в этой больнице, что зовётся мир. От горделивой муки одни кормятся, как хлебом, — злом, другие — страстями, третьи — сладостями, а когда отчаянье разест самосознание, тогда люди питаются проклятиями. Однако, это не пища, но опиум. То, что не питает, что опьяняет, лишает памяти. Молодёжи нравится опиум, часто тот дешёвый, бонвиванский, полусветский. Но когда вековые вопросы громом своим ударяют в душу молодого человека, он пробуждается для подвига, для веры, для Христианства, для солнца. И нет ничего вдохновеннее молодой души, облечённой в солнце Истины, ничего крылатее её — даже шестокрылатые серафимы. И старшие могут прилепиться душой к тем крылам и вознестись над этим чёрным муравейником в лазурь пречистой Истины. И познать Истину, и обрести Истину, и сделаться громовержцем Истины. Вспомните любимого ученика Иисусова. Не апология ли это молодости, высший рай её? Есть нечто несказанно трогательное в отношениях Христа к молодым душам. Путь, ведущий к наивысшему совершенству, Он открыл юноше. Может, потому, что

молодость способна Христову Истину довести до высокой страсти, до энтузиазма, и ещё, вероятно, потому, что она способна на смелые подвиги, на смертельный прыжок с утёса гордыни в бездну смирения.

Наша молодёжь ещё не пробудилась для вечных, последних, судьбоносных вопросов. Её занимает оболочка жизни, краешек жизни, а не её ось, не её серьёзная сущность. Это достоверно, ибо усыплены те, кто сидят на Христовом седалище. Во многом наша молодёжь напоминает русскую молодёжь 60-х и 70-х годов прошлого столетия. Но её разбудили Достоевский, Соловьёв, Толстой и особенно революция. Настала переоценка ценностей. Нет ценности, которой бы не угрыз могильный червь. Когда молодая и полная жизни душа это ощутит, она вся поворачивается к Победителю смерти — Господу Иисусу — и вся делается оком, что неотрывно созерцает чарующую Истину Христову.

На конференции русских студентов в Хопове я был поражён их чудесной любовью к Христу Господу, их многогранной интимностью с Его Истиной. Это было студенческое собрание и, что удивительно, молит-

венное собрание прежде всего. Молитвой они охраняли каждый день, каждую свою встречу. Когда говорили, из них рекла Истина, как вечность, древняя и юная, как вечность. Разбуженные верой и молитвой для всего, что есть Христово, они были великолепны и сильны.

Митрополит Антоний среди них был словно град наверху горы стоящий: все их мысли возвёл он на светлую высоту свою, все их проблемы рассмотрел добро и богомудро и разрешил их убедительно, все их муки взял на себя, всем дал успокоение и бремя Христово учинил лёгким. Говорил как власть имущий, ибо имеет любовь. Служил как чувствующий и знающий, что молитва есть наивернейший путь в Царствие Христово.

Профессор о. Сергей Булгаков весь погружён в Христову Истину, он из сердца своего износит всякую мысль свою. Мысль его есть не мысль, но осколок его сердца. Он говорит, словно исповедник. Похоже, он и не говорит иначе, как исповедуясь. Он пленник своих мыслей, чувствуется, что их у него столь много, что дабы их выразить, ему нужен не один, но сотня языков.

Профессор С.Л. Франк кристально ясен, из сумятицы социальных вопросов выводит простые, очевидные решения. Он сумел артистически просто убедить всех присутствующих в том, что молитва и подвижничество являются единственным путём, ведущим к окончательному разрешению общественных проблем.

Профессор В.В. Зеньковский необычайно гибкой души, всякую расселину мысли быстро пополнит; он владеет словом, искусен в мысли и речи. Добротой и кротостью приправлены его слова. А это аргумент наилучший и сильнейший, разве не так?

Словно душа рыдает сквозь все мысли серьёзного и таинственного П.С. Лопухина; отовсюду собрал он всё, что алчет Христа, и оплакал все боли и муки, всю тугу и тягу молодых душ ко Господу, к православному Спасителю. И вызвал слёзы у многих.

Студенты мне напоминали буйную весну, бьющую сквозь все поры и рвущуюся ко Христу Господу, заливающую все русла и бегущую к незаменимому Иисусу, покрывающую листвою все деревья и приносящую плоды любви ко Господу, поющую на все голоса и слагающую чудную песнь дивному Господу Иисусу.

Покорённые Христовой Истиной, они исполняют завет Достоевского: сквозь сумерки Европы они проносят светлый лик Христов, возвещая о Нём миру, заблудившемуся в дебрях европейской культуры. Это их миссия и их мессианство. Отсюда их союзы постепенно превращаются в православные братства, в подвижнические сообщества. Всё становится подвигом и направляется путём, ведущим напрямую в Царствие Божие. Каждый день для них служит средством, с помощью которого они молитвой и подвигами связывают по звену цепи между собою и Спасителем, между землёю и Небом, между временем и вечностью, покуда однажды не сделаются рабами Христовыми по своей воле.

А у нас? О, если бы меня Господь лишил зрения, ибо повсюду вижу паралич чувств, притом самый страшный у некоторых официальных представителей Церкви нашей. Многие пастыри ослеплены попечениями света сего, а рядом мечутся души, срываясь в многообразные пропасти, разбиваясь навеки. Покуда сами не прозреем, как станем учить других видеть истину? Пока сами не воскреснем из мёртвых, сможем ли других воскрешать? Но на собственной могиле мы устало громоздим плиту за плитой, камень за камнем, чтоб быть ещё мертвее для воскресения, чтобы и при общем Воскресении не восстать.

1925

Перевела Мария Мелькова

90 лет с начала Первой Мировой войны

Святитель НИКОЛАЙ (Велимирович)

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ВИЛЬГЕЛЬМА ТЕЛЛЯ

(из книги *Восстание рабов*)

...вот тогда, господа, достойно удивления, что один юный и измученный раб, некий щуплый гимназист Принцип+ поднял пистолет в Сараеве на главного провокатора сербов и главного врага всех югославянских рабов.

“Это преступление!” - воскликнули гневно все те, кто не имеет понятия о тысячах преступлений, совершённых австрийскими властями в Боснии и Далмации, в Хорватии и Словении, в Банате и Бачке, о тысячах достойных Тиберия+ преступлений, предвосхитивших преступление сараевское. Я лично не знаю, чем преступление бедного Принципа страшнее преступления Вильгельма Телля и его дружины, убивших австрийского наместника в Швейцарии Геслера? Преступление Вильгельма Телля воспел Шиллер, а преступление Принципа осудили более всех мы, югославы. Наше осуждение, я бы поклялся, не было притворным. Мы рабы, однако, вот, сто лет героически боремся против наших господ. Наша борьба есть наша эпопея, которой мы гордимся. Мы не имеем ничего другого, кроме этой достойной и героической борьбы за свободу. Мы не радуемся тому, что эта наша эпопея осквернилась преступлением. На протяжении всей нашей эпической борьбы мы были выше наших противников не только в рассуждении цели, за которую боролись, но и благодаря избранным средствам, которыми пользовались. И сегодняшняя война с Австрией достаточно показала всему свету, что новые римляне намного более скоры на злодейство, нежели мы, их бывшие рабы. Не мы, рабы, разрушали беззащитные поселения, убивали бомбами с воздуха женщин и детей, травили противника ядовитым газом, кололи штыками грудных младенцев, рубили старцев и вешали священников – то не мы чинили, Бог нам свидетель, но они, эти “римские нелюди”, подданные и легионеры новых римских кесарей в Вене и Берлине.

Перевела Мария Мелькова

Святитель НИКОЛАЙ (Велимирович)

ТРАГЕДИЯ СЕРБИИ

Посвящается памяти всех врачей и санитаров,
положивших жизни свои за Сербию.

Бл҃женъ разѣмѣвалъ на нища и ѡубога,
въ дѣнь лють избавитъ єго гдѣ. (Пс. 40, 1)

Современный Навуходоносор

Нет ничего более возвышенного, чем трагедия. Счастливый вальяжный Юпитер на Олимпе по сравнению с прикованным цепями Прометеем выглядит обычным смертным. Аристофан и Мольер, писавшие комедии, никогда не сравнятся с Шекспиром, писавшим трагедии. Смех зачастую ообесцвечивает душу, в то время как слезы всегда очищают ее.

Кажется, что со времен древнего Израиля ни у кого не было такой трагичной судьбы, как у сербского народа. Здесь, в Англии, на каждом шагу слышны разговоры о трагедии Сербии. Однако есть различие между тем, как говорит о сербской трагедии англичанин и что думает о ней серб. Англичанин думает лишь о нынешних тяжких обстоятельствах, в которых оказалась Сербия, а серб держит в уме всю сербскую историю.

Современное положение Сербии и вправду ужаснее любой трагедии, какую только можно себе представить. Навуходоносор разорил Иерусалим, осквернил народные святыни, ограбил и угнал израильтян со святого Сиона на берега вавилонских рек оплакивать свое прошлое и отчаиваться о будущем. От Навуходоносора, слепого почитателя мрачных богов Ваала и Астарты, ничего другого и ожидать было нельзя. Он поступил так, как думал и говорил. Он не был приверженцем Христа, как кайзер из Берлина; он не омывал каждый Великий Четверг ноги двенадцати старцев, как Его Апостольское Величество, император из Вены *Servus servorum*

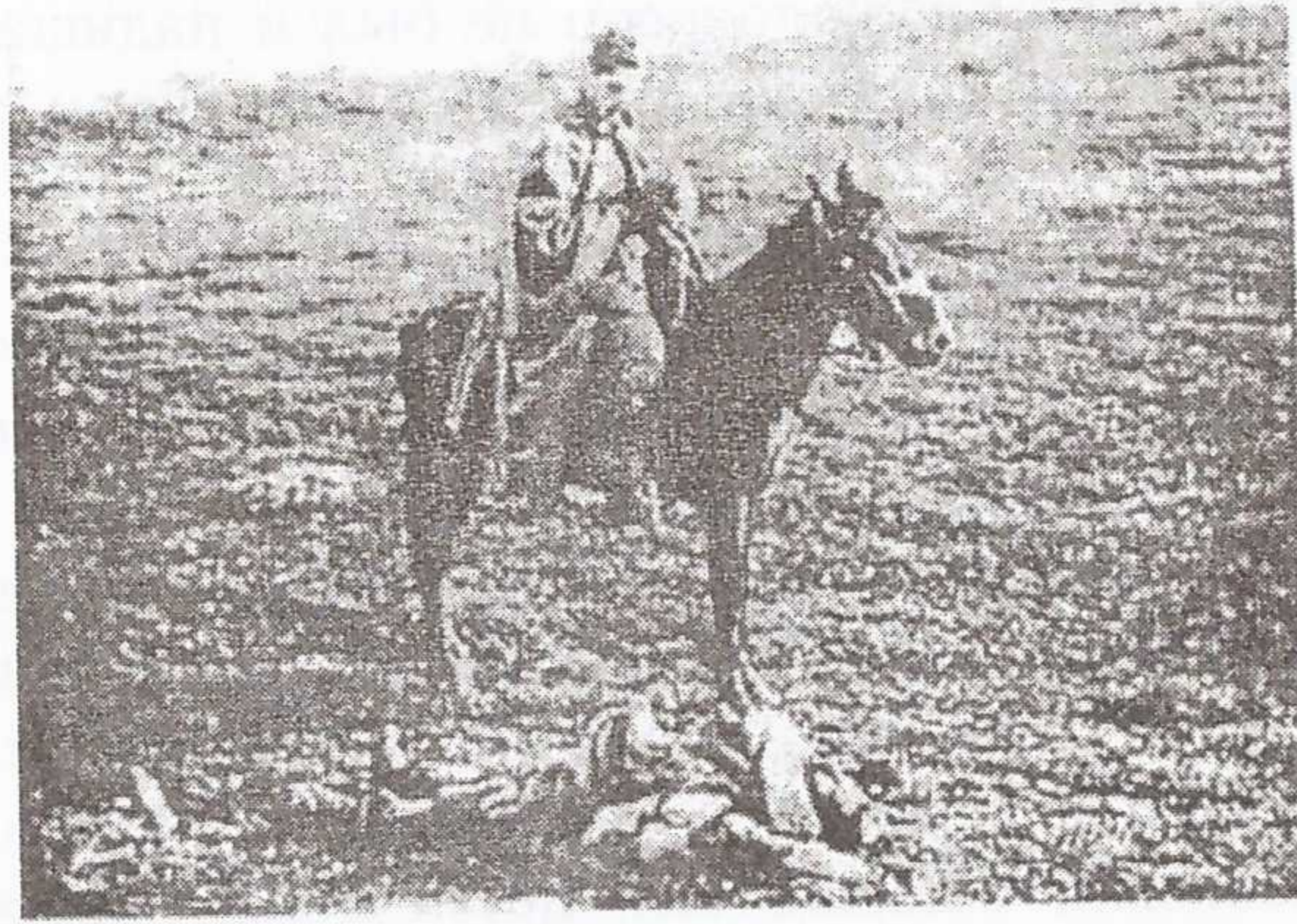
Dei. Несмотря на то, что Навуходоносор не был и падишахом, сыном Пророка и слугой Аллаха, он не был лицемером, а это достоинство.

Легенда гласит, что он был превращен в вола. Ему, разорителю Израиля, этим только оказали честь, ибо что может быть чище, почтеннее и праведнее работающего всю жизнь вола. Однако последователи Навуходоносора из Вены, Берлина, Царьграда и Софии – разорители Сербии – ни в коем случае не заслуживают чести быть превращенными в волов. Их метаморфоза должна стать не наградой, но наказанием, не почестями, а позором, ибо они разорили Сербию, убили множество слабых, беззащитных детей и недужных стариков, бесчестили женщин, ограбили города, пировали на развалинах, на пепелищах Сербии, на слезах и на крови. При этом они вершили свои злодеяния не во имя языческих богов Ваала и Астарты, но во имя Бога Праведного, Великого Богочеловека Христа и во имя Аллаха.

Мне не хотелось бы описывать здесь нынешнее положение в Сербии. Всякому здравомыслящему человеку, любому непредвзятому взгляду, каждому сочувствующему сердцу оно ясно. Сегодня на сербской сцене играет ужаснейший акт сербской трагедии – поистине страшная картина: зима, мрак безлунной ночи, стужа, безлюдье, развалины. Но это лишь один акт трагедии. Вся сербская история – трагедия. Причины нашей трагедии кроются в нашем географическом положении, а также в особенностях национального характера, что верно для любой героической личности.

Сербия всегда кому-то поперек пути

Каково наше географическое положение? Мы стоим на пути, весьма важном пути из Европы в Азию. А вы вспомните, что герой трагедии всегда кому-то “поперек горла”, всегда кому-то мешает. Рождение сербской трагедии обусловлено в первую очередь географией. Воин, прячущийся в углу, никогда не окажется в таком тяжком положении, как витязь, принимающий бой посреди улицы. Турки и болгары напоминают человека, забившегося в угол. Они защищены

Последний привет

своим географическим положением. Наступая из Азии, турки, до Царьграда, до захвата Болгарии и Греции, должны были покорить Сербию. Косовская битва между сербами и турками определила судьбу не только Сербии, но и Греции, и Бол-

гарии, и Румынии, словом, всего Балканского полуострова.

Мы стояли на пути турок, а другие народы – в стороне, в углу. Поэтому турки постарались одержать решающую победу над сербами, прежде чем двинуться на Царьград, на Болгарию, на Румынию. Сначала они одолели короля Вукашина на реке Марице, но потерпели поражение на Плочнике от воеводы Милоша. Наконец они окончательно победили князя Лазаря на Косовом поле в 1389 году. Когда пала Сербия – пали целиком Балканы, но когда Сербия стала свободной – освободились и Балканы. Сербия последней попала в турецкое рабство, но первой освободилась, первой воскресла.

Сербия была, да и сейчас является ключом к Ближнему Востоку. Этим ключом можно открыть и закрыть врата Балкан и даже врата Европы и Азии. Сербия как сфинкс лежала на пути турок и их прорыву на Запад – османскому *Drang nach Westen* – отвечала: “Ваш путь только через меня”. А сегодня Сербия как сфинкс преграждает путь немцам на Восток и говорит тевтонскому *Drang nach Osten*: “Только через меня!”

Сегодня Сербию топчут сапоги европейских завоевателей-христиан, как пять веков назад топтали османские завоеватели из Азии. Больно видеть, как народ Шиллера, великого Апостола свободы и духовной красоты, следует тем же отвратным путем, что и турки до них. Однако человеческий эгоизм остается тем же, независимо от того, кроется ли он под

полумесяцем или под крестом. Не могу сказать, какое страдание для Сербии было тяжелее: то ли дикий прорыв багдадского ислама на Запад, то ли берлинско-венское ложно-христианское стремление на Восток.

И все же, если вы сегодня спросите любого в Боснии об условиях жизни, получите недвусмысленный ответ: “Под турками жить было гораздо легче, чем под властью Австро-Венгрии”. Тот же ответ можно услышать и в остальных областях, населенных южнославянскими народами: в Хорватии, Славонии, Далмации. Почему? Может быть, потому, что наша искренняя славянская душа, выбирая из двух зол, всегда предпочитала иметь дело с волком, чем с лисицей. А еще, возможно, потому, что правление религиозного богобоязненного турка должно было быть праведнее и мягче, чем власть научного вероломства и атеистической непреклонности немцев и их преданных слуг венгров и болгар.

Хотелось бы напомнить, что сэр Оливер Лодж, гордость британской науки и почетный житель вашего города, в своей работе *The War and After* вынес совершенно другое мнение о Турции и Австрии. Он пишет: “Тысячу раз жаль, что в эту позорную войну вовлечена Австрия, ибо видно, что она весьма гуманно обращалась со своими провинциями”. Говоря же о Турции, он называет турок “жестокими и жадными завоевателями”. Как большой почитатель сэра Оливера Лоджа, я не могу ему противоречить, однако как сосед Австрии и Турции, тридцать пять лет проживший с ними бок о бок, я могу от своего имени и от имени своего народа сказать так: “Если Господь пожелал бы запрячь нас в чей-либо хомут, мы выбрали бы скорее турецкий, чем австрийский. Но лучше бы Господь превратил Сербию в озеро, чтобы спасти ее от любого ярма!”

Говоря о внешнем положении Сербии, я имею в виду не только наше географическое положение, распявшее нас, сербов, сельский пастушеский народ, спустившийся некогда с Карпат на равнины Дуная и Савы со своей деревенской простотой, радостью и наивностью. Внешнее положение Сербии зависит точно так же и от того, что остальной мир думает о нас. Да, очень важно (а иногда и определяюще), что люди думают о

нас. Разве и Сам Иисус Христос не спрашивал, что люди думают о Нем?

Турецкое ницшеанство

Турки всегда считали, что сербы – самые ярые бунтовщики, вулкан, постоянно угрожавший Османской империи, ибо янычары, неустрашимые защитники падишаха и его державы, были в прошлом сербскими детьми, насильно уведёнными в Царьград и воспитанными там. Один из султанов говорил: “Вся моя империя от Мекки и Медины до Шумадии благоухает, как розовое масло в раю, только из Шумадии вечно потягивает порохом, как из мастерской шайтана”. Турки удивлялись, почему мы, сербы, не можем быть мирными под их властью, как другие покорённые народы, а мы им отвечали: “Как можно быть спокойным в оковах, когда вокруг несправедливость и насилие?”

Мы часто восставали. Были бунты большие и малые. Во время мелких бунтов турки нами пренебрегали, они нас недооценивали. Но когда началось Первое освободительное восстание около ста лет назад (1804), они стали нас бояться. И пока они нас презирали, они о нас молчали, но когда стали нас бояться, то начали распространять о сербах ложные обвинения, очерняющие нас перед Европой, перед непосвящёнными в суть дела людьми. Выражение “турецкая ложь” стало нарицательным в сербском языке. “Сербы – лишь банда воров и разбойников, – говорили турки изумлённой Европе. – Не вмешивайтесь, Сербия – наш внутренний вопрос”.

Наши восстания были оплачены слишком дорогой ценой. Выдающиеся вожди народа были убиты, повешены, сожжены. Белградская крепость напоминала лес из кольев, на которые были посажены виднейшие сыны сербского народа. Днём по тому жуткому лесу прогуливались турецкие дахии и аги, а ночью там бегали псы, слизывавшие кровь, и тайком пробирались матери мучеников, чтобы увидеть своих дорогих сынов и оплакать их, отогнать собак и попытаться выкрасть тела, чтобы похоронить. О, как благословенна была та кража, как оправдана любой религией!

Турецкий девиз гласил: “Нужно перебить всех сербов, мужчин и женщин, а детей моложе семи лет оставить. Когда подрастут, станут нашей покорной райей”. Египетский фараон был гораздо последовательнее, когда решил уничтожить всех новорожденных Израиля в надежде дождаться и увидеть, как постепенно вымрет весь тот народ. Истребление сербского народа турками в начале девятнадцатого века было не устрашающим словом, но официальной политической программой. Не забывайте, очень вас прошу, что эту кровожадную программу турецкие дахии методично и неуклонно приводили в исполнение как раз в то время, когда великий Пит красноречиво, с воодушевлением выступал в парламенте против рабства чернокожих. Однако турки и Господь Бог предполагали разное. Господь вмешался и спас Сербию, как некогда спас народ израильский.

Австрийская *derriere pensée*

Ну, а теперь, что думает о нас, сербах, Австрия? Почти то же самое, с той лишь разницей, что Австрия считала: турок следует прогнать в Азию и взять власть над христианскими Балканами в свои руки. Австрия провоцировала и помогала нам в малых стихийных бунтах против турецких угнетателей не для того, чтобы дать нам свободу, но чтобы выставить в дурном свете империю султана в глазах Европы. Однако стоило нам освободиться своими силами и своим духом, как Австрия воспротивилась нашей свободе. Как некогда она разоблачала и осуждала турецкую тиранию на христианских Балканах, так теперь она хочет казнить и поставить под вопрос сербскую свободу.

Не составляет труда высмеять и обмануть одну малую аграрную страну, которая вызывающе встала между двумя великими империями: империй султана с одной стороны и австрийского кайзера с другой. Крошечная Сербия походила на бедную лачугу между двумя огромными лондонскими отелями. Досужим людям из Вены было легко смеяться над нашими деревянными церквями или над нашими неотесанными священниками, над нашими школами в портняжных мастерских,

над нашим парламентом в одном скромном монастыре, над нашими неграмотными князьями и государственными министрами в деревенских тулупах, над нашими генералами без золота и принцессами, которые прядут и ткнут.

Мы надеялись поучиться чему-нибудь у наших братьев во Христе, но наталкивались лишь на презрение и насмешки, насмешки и угрозы – угрозы словами: “Проглотим вас!”

Мы убеждали их, что нас нельзя проглотить, советовали вспомнить, как морское чудовище проглотило Иону. Пять веков мы были в зубах азиатского чудовища, но сегодня нам снова светит солнце. Неужели и ваши “христианские апостольские” челюсти надеялись держать нас дольше пяти столетий? Берегите свои зубы, дорогие братья во Христе, ибо мы – крепкий орешек. Можете поломать свои зубы, и нам было бы очень вас жаль. Так шептали мужики из крошечной лачуги, притулившейся меж двух огромных фешенебельных отелей.

Принуждение приводит к трагедии, особенно когда два монстра нападают на незащитного.

Французско-русская политика

Что же думала о нас Россия? Россия – огромна, это великое светило. А свет всегда имеет тень. Россия-свет думала: “Сербское освободительное восстание предвещает прекрасное будущее Балканам. Как христианская и славянская страна я должна помочь сербскому населению”. Однако Россия-тень ответила: “Нет, мы не можем преследовать такую безнадежную цель. Мы не можем ссориться с Турцией. Вы, братья-сербы, обратитесь в Вену, ибо, если мы вам как славяне поможем, то поссоримся с венским кайзером”. А кайзер издевательски ответил на наши просьбы: “Вы – славяне, так обращайтесь за помощью в вашим братьям по крови, к русским!”

Однако, после долгих размышлений, Россия все же решила помочь нам, но совсем немного, одним мизинцем. Более семидесяти лет она придерживалась того своего решения. Мы были благодарны и тронуты той малой помощью, которую она нам оказывала. Мы говорили: “Слава тебе, добрая сестра наша!”

И, вздохнув, спотыкаясь, падая и поднимаясь снова, пошли в одиночестве по своему кровавому пути, но с песней.

Однако после семидесяти лет нашей борьбы и танталовых мук Россия родила дочь по имени Болгария. Счастливая мать очень радовалась, обрадовалась и дочка. Тогда обе: и Россия-свет и Россия-тень постарались как можно больше сделать для новорожденной. Теперь обе России объединились и составили план расширения Болгарии, причем не только за счет Турции, но и за счет Сербии – своего самого преданного друга и соратника при освобождении Болгарии. На Берлинском конгрессе русский представитель сказал сербскому посланнику: “Идите и разбирайтесь с Беконсфильдом, Бисмарком и Андраши”. Но они снова отправили его к князю Горчакову. Так наш посланник, униженный и пристыженный, вернулся в свою малую лачугу. Сербия продолжала возмущенно вопрошать: “Есть ли вообще на свете настоящие друзья?” Земля хранила молчание. Тогда несчастный народ обратил взоры к небу и, скорее сердцем, чем очами, прочел на небесах слова: “Не бойся, малое стадо, Я – твой друг!”

А что же Франция думала о нас? Наполеон поражался нашей храбрости и упорству в борьбе за свободу. Однако и он, как венский зять, водил дружбу с султаном. Поэтому и Наполеон, беспокоясь более о своих интересах, чем об освобождении народов, не заботился об убогой лачуге столько, сколько об огромных отелях, душивших ее с двух сторон.

Во времена князя Михаила мы горячо и искренне желали сблизиться с Францией. Однако от Наполеона III, главного творца свободной объединенной Италии, было бы слишком требовать сделать еще один благородный жест, чтобы создать свободную единую Сербию. В новом периоде франко-русского союза французы смотрели на нас русскими глазами, а русские болгароманы нашли себе во Франции множество единомышленников.

Чистая совесть Англии

Что думала о нас Англия? Английский народ и господин Гладстон думали о нас очень хорошо, однако Сербия не была

в “зоне интересов” Англии. Поэтому многие люди в этой стране вообще не вспоминали о Сербии.

Однажды, несколько лет назад, мы, сербы, совершили великий грех: убили одного человека и его супругу, одного короля и королеву. Англия первой бросила в нас камень и последней прекратила побивать нас камнями. Мы не злились из-за этого на Англию. Мы больше стыдились самих себя. Мы всегда испытывали два чувства в отношении Англии: почтение и страх. Когда Англия забросала нас камнями за наш грех, мы в страхе молчали. Мы не посмели просить прощения. Мы скорбели и молчали. Тогда мы думали, но не решались сказать, о чем думаем. И только сейчас я решаюсь сказать об этом, но не как серб, а как священник Христа.

Тогда мы думали: “Видите, как Англия спешит осудить наш грех. Конечно, она вправе осуждать, однако спешила ли она так же оценить по достоинству и нашу праведность, наши добродетели на протяжении целого столетия тяжелейшей борьбы и страданий! Мы погрешили перед Богом и Англией убийством одного мужчины и одной женщины. Но кто бы посмел напомнить Англии, что турки, против которых мы боролись и которым она помогала более ста лет, убивали каждый день и каждую ночь значительно больше, чем по одному мужчине и одной женщине. Они убивали наших братьев в Македонии и Старой Сербии. Да и в другом огромном отеле рядом с нашей лачугой, в Австрии, с которой Англия в хороших отношениях, есть южнославянские области, претворенные в черную яму черного греха турецких властей под защитой христианского императора.

Без сомнения, утешительно, что есть хоть одна цивилизованная страна, которая может в любое время протестовать против всякого преступления любого народа на свете. Однако нам хочется спросить: “Разве нас Англия создала, чтобы иметь право нас наказывать? Разве она нас воспитывала? Помогала ли она нашему освобождению и облегчала ли наши страдания? Убедилась ли она в добродетели нашего народа? Пока мы боролись на юге и севере страны с силами мрака за луч света, была ли она с нами или на стороне тех мрачных сил? Имеет ли она право бросать

камни в нас?” Если она ответит: “Да”, мне остается только сказать: “Аминь!”

И все-таки сейчас, в этот волнующий момент, я могу лишь констатировать, что сегодня английский народ разделяет трагедию сербского народа. Сегодня Великобритания плечом к плечу с Сербией борется против тех стран, с которыми британская дипломатия совсем недавно была в лучших отношениях, чем с Сербией. Враги Сербии: турки, болгары, австрийцы, немцы, венгры – сегодня враги и Британии. Сейчас британские солдаты своей кровью стирают то, что писали и говорили у вас о Сербии неосведомленные люди.

Наряду с Англией и Россия играет активную роль в сербской трагедии. Она пытается подавить свою любимое детище, Болгарию, которой всего тридцать семь. Когда Россия ее создала, она была горда и счастлива, возвестив всему свету, что родила ангела. Многие и в Англии, и в других странах поверили в эти слова. Благородные братья Бакстон были не одиноки в своих заблуждениях. К сожалению, то был не ангел, а рогатый и упрямый телец. Сейчас разочарованная святая мать хотела бы удушить собственное творение. И это – русская часть нашей сербской трагедии.

Легенда

И в конце мне хотелось бы ответить на вопрос: “Что мир думает о Сербии?” словами одной сербской легенды.

В древние времена на Рождество сошел с небес на землю Архангел Михаил, собрал вокруг себя народ, наделил некоторых разными подарками и сказал: “Идите по этой дороге и раздавайте дары всякому, кого встретите или увидите”.

А как раз на обочине той дороги сидел закованный в цепи раб. Он был недвижим и нем, как каменное изваяние. Его окружали разные звери. Архангел Михаил незаметно пробрался вперед по той дороге, принял облик обычного человека и вышел навстречу людям в конце пути. Стал он спрашивать одного за другим:

– Встретил ли ты кого-нибудь по пути?

– Нет, – ответил первый, – я видел лишь какую-то корягу, обмотанную железными цепями, и множество зверей рядом. Звери бросились ко мне, рыча: “Дай дары нам!” Я и отдал им все дары.

Тогда Архангел спросил другого.

– Нет, – ответил и второй путник, – я видел лишь нечто непонятное из глины, а вокруг множество зверей, которые урчали: “Дай нам!” Я отдал дары им.

Он спросил третьего путника.

– Нет, – ответил третий, – я видел лишь какой-то камень, напоминающий человека, и разных зверей вокруг, воющих: “Отдай дары нам!” Я все раздал им.

Архангел Михаил разгневался и велел людям:

– Идите за мной!

Довел он их до того места, где пребывал раб, и спросил несчастного:

– Кто ты, закованный в железо? – Ответа нет.

– Но ты не ком глины? – И на этот раз нет ответа.

– Но ты не камень? – Ответа нет.

– Ты – дух? – Ответа нет.

– Тогда, ты, может быть, человек?

Лик человека дрогнул, и он произнес:

– Нет, я – раб. Но как мне радостно слышать такой вопрос! Много лет я сижу здесь и никто, никогда, ни на одном языке не назвал меня человеком, хотя бы шутки ради.

Архангел забрал свои дары у зверей и отдал их рабу. Затем он обернулся к людям и с болью произнес:

– Господь научил вас творить людей даже из металла, глины и камня, а вы сделали наоборот – превратили людей в металл, глину и камень. Безрадостно это Рождество и мне, и вам.

Тяжко вздохнув, Архангел взлетел на небо.

Явь, претворенная в сон

А теперь я попробую указать вам на некоторые внутренние причины нашей трагедии. Возможно, кто-то в этом зале скажет, что я держу вас слишком долго. Простите, но если бы я описывал сербскую трагедию, длившуюся пять сотен лет, не хватило бы и

пяти сотен минут. Какому-то сербскому рабу и смерть не была страшна, а вам сегодня вечером может грозить, самое большее, – задремать в удобном кресле под ярким электрическим светом и увидеть во сне трагедию одного народа. Впрочем, разве все это не похоже на сон? Разве все наши мечты не “тень и сон”, как поется в одной нашей поминальной песне.

Несколько дней назад я прочел в вашей газете, что англичане презирают, забывают и уничтожают все, что присуще им как нации. И это правда, как правда и то, что сербы имеют привычку претворять явь в сон, воспевать все, слагать песни о любых событиях, воспевать каждую жизнь и каждую смерть. Я никогда не встречал англичанина, который хвалился бы величиной, богатством и славой своей страны, и поэтому часто задавал себе вопрос: да знают ли они вообще географию? Понимают ли они, что их империя – не некий четырехугольник, но круг, распростершийся по всей планете! Если они сравнят свою страну со Швейцарией или, к примеру, с Сербией, то увидят, что у них очень мало причин быть настолько скромными и недовольными собой. Разумеется, все выглядело бы совершенно иначе, если бы они сравнили свою державу с Марсом, или Луной, или Юпитером. Однако, что есть Англия, что Сербия, что есть все неприятности, которые мы называем империей? Лишь малые эпизоды во времени и пространстве.

Основное отличие между англичанами и сербами состоит в том, что англичане пытаются свои сны претворить в явь, а сербы претворяют явь в сон. Что другое мог бы делать великий, свободный и невозмутимый народ, такой, как англичане, если не свои сны, мечты, идеалы претворять в реальность. И наоборот, как мог бы сербский народ, порабощенный, угнетенный, веками презираемый, сохранить свое существование, если бы не относился к ужасной реальности, как ко сну, не считал бы кошмары жизни пролетающей тенью, серой тучей, загородившей солнце.

Великий поэт *Потерянного рая* утверждал, что “быть слабым нельзя ни в деле, ни в страдании”. Мы, сербы, всегда боялись слабости и в созидании, и в страдании. Вы, вероятно, слышали, что сербы – песенный народ. Это правда.

Порабощенные сербы должны были петь, чтобы тем самым претворить ужасную явь в сон. Это придавало им сил и позволяло выдержать муки рабства, это делало их сильными и в страдании, и в созидании.

Я не принадлежу к сторонникам Дарвина, но полагаю, что большую часть его теории можно подтвердить именно нашей сербской историей. Наш песенный талант был затаен в счастливые и славные времена нашей державы, до косовской трагедии. Когда мы были свободны, мы мало пели. Только во времена турецкого рабства наш песенный талант развился блистательно и щедро. С горестными вздохами пришло и пение. И только через развитый дар песни мы нашли в себе силы пережить нечеловеческие муки, распятие и унижение души и тела на протяжении пяти столетий. Мы мечтали и пели, пели и мечтали, и чем больше мы пели и мечтали, уродливая явь все дальше бежала от нас. Как некий зверек, который спит всю зиму и видит во сне два лета, прошлое и будущее, так и мы, сербы, жили во времена холодной мрачной зимы рабства, но грезили о двух летах – о лете прошлой славы и лете будущей свободы.

И вот именно сейчас, когда вы думаете, что я удалился от темы, я на правильном пути, чтобы объяснить вам, как присущая нам особенность стала причиной нашей трагедии сегодня, в нынешнее время. И после нашего частичного освобождения, сто лет назад, мы все еще продолжали петь и мечтать. Мы не имели настоящего понятия о реальности. Будучи поэтами и мечтателями, мы не могли тотчас стать истинными политиками и практичными организаторами государства, как и птица, прилетевшая из пустыни в лес, не может в одночасье сменить свое серое оперение на зеленое.

Искусство рекламы

Огромная наша эмоциональность, подогретая длительными страданиями, была весьма неподходящей особенностью для реальной политики. Во всякое событие мы вносили столько сердца, сколько и разума, или даже больше сердца, чем разума. Мы не умели руководствоваться в политике теми методами и

правилами, которыми пользуются, по которым играют остальные народы “холодного ума” в погоне, добыче, потерях и новой добыче.

Один мой английский друг как-то спросил меня: “Отчего вы, сербы, не оповещали английскую общественность о себе, как уже долгие годы делают болгары? Почему ничего не писали и не говорили о себе, не описывали жизнь своего народа, тем самым приобретая друзей и сторонников, готовых бороться за ваши права?”

Я на этот вопрос ответил просто: “Да потому, что не могли!” Да, действительно мы не могли. Ведь мы – некий скорбный, смиренный и осмотрительный народ. Мы далеки от того, чтобы кому-то навязываться. Мы слишком горды своим великим прошлым, нашими великими героями и их бессмертными делами, чтобы смотреть на политику как на балансирование, как на какую-то искусную игру.

Болгары тут имеют преимущество или, на наш взгляд, помеху. Они получили свободу не своими силами и не имели королей, вышедших из своего народа. Их баловала, наставляла и выпестовала Россия. И как всякое избалованное дитя, они болтливы. Имея за последние тридцать семь лет на королевском престоле австрийцев, болгары полностью приспособились к австрийскому способу мышления и в политике, и в делах. Россия дала болгарам только тело, а свой дух вдохнула в то тело Австрия.

В политических играх короли всегда играли важную роль. Империалистическая Германия понимала это лучше, чем демократические страны Франция и Англия. Германия была убеждена, что лучше иметь одного короля-немца, чем один дредноут на Ближнем Востоке. Мне кажется, что сегодня и Англия, и Франция убедились в том, что один немецкий король на Балканах (неважно, зовут его Фердинанд или как-то иначе) представляет собой более разрушительную силу, чем батареи гаубиц.

Так вот, именно немецкие короли, наши соседи, и их ближайший друг и защитник, император из Вены, известный своей искусной политической игрой и мгновенным изменением настроения, своими дьявольскими обманами и интригами против Сербии, были в глазах нашего народа представителями

европейской культуры. Глядя на этих немецких “носителей культуры”, наш народ разочаровался и почувствовал отвращение, замкнулся в себе и стал сдержанно относиться ко всем культурным народам Европы. Известно, что замкнутые скептики не расположены к дружбе.

Немецкие короли наших соседей были для Западной Европы немецким *laissez-passer*. Между тем, наши короли не были отпрысками правящих династий Европы. Они были выходцами из народа, почтенными сельскими тружениками, не имеющими родства и капиталов вне Сербии, а следовательно, не имеющими и влияния на развитие политики. Это было нашим слабым звеном в мировой политической игре. И все-таки, мы полагали, что здоровее и лучше иметь короля из своего народа. Несомненно, это были прекрасные грезы, приведшие нас на путь великих испытаний.

Может, вы читали, что недавно кайзер попытался найти нового немецкого принца на сербский престол. Он всерьез готовится продолжить игру малыми народами и своими подданными. Между тем, немецкая игра – больше не тайна, и кайзеру было бы лучше побеспокоиться о том, где он завтра разместит немецких беженцев с Ближнего Востока.

Хорошие и плохие результаты фатализма

Кроме всего прочего наши несчастья происходят отчасти и из-за нашего фатализма. Мы – большие фаталисты, чем любой другой христианский народ. Наш фатализм можно объяснить только нашими страданиями. Страдания неминуемо делают человека фаталистом. Счастливый человек редко бывает фаталистом. Мы слишком много страдали на протяжении всей своей истории и от одержимых друзей и от полудрузей.

Полгода назад я был свидетелем одной скорбной сцены в небольшом городке в Сербии. Я видел, на больничной койке лежала сестра милосердия, англичанка, заболевшая тифом. В изголовье ее кровати стояла старица-сербка и горько плакала. “Почему плачете?” – спросил я. “Как же не плакать, господин хороший, – ответила старуха. – Она, бедняжка, пришла из далекого далека, чтобы пострадать, а может, и

умереть здесь. Зачем она пришла к нам, в страну страданий? Страдания предназначены нам, но не англичанам”. Общее мнение в Сербии, что Господь нам, сербам, предназначил страдать больше, чем кому-либо другому. Поэтому и вся наша философия основана на объяснении страдания.

“На муках становятся героями”, гласит сербская пословица. Фатализм – как наркотик. Он помогает рабам выдержать муки, но мешает свободным людям созидать и добиваться успеха. Наш фатализм был нам другом во времена турецкого рабства, но стал нашим врагом за время нашей новейшей истории. Фатализм вместе с нашей скорбью и поэтическим чувством, присущим сербам, поистине был необходим для свершения великих дел в тяжкие времена, однако весьма нежелателен и служит помехой для искусного ведения политики и дипломатии крошечной державы. Мы, сербы, с большим искусством поймаем льва, чем муху. В этом наша сила, но в то же время и наша слабость. Это комичная сторона нашей трагедии.

В своем выдающемся исследовании “Смех в трагедии” господин Герберт Три доказал, насколько смех необходим для совершенства трагедии. “Сегодня, – сказал он, – только сила и шутка могут спасти нас от отчаяния и безумия!” (*The English Review*, 1915). Счастливые люди, прогуливающиеся по Пикадилли, недавно пошутили на счет нашего сербского правительства, мол, “сербские власти сегодня скользят ко Скадру” (*The Serbian Government is now scooting to Scutary*).

Горький смех, но все-таки надежда

Смех – самое возвышенное движение души после мук трагедии. Даже Иисус Христос усмехнулся во время гонений и страданий в Гефсимании, увидев множество воинов с мечами и палками, собирающихся схватить Его. “Пришли, как против вора или разбойника”, – сказал Он.

Горький смех в трагедии делает ее еще ужаснее. Мы, сербы, сегодня усмехаемся нашей старой знакомой – Смерти, пожинаящей сейчас богатую жатву серпом кайзера точно так же, как сто лет назад пожинала мечом султана. И мы с усмешкой спрашиваем: “В самом деле, где же прогресс?”

Император-христианин вершит сегодня то, что султан-мусульманин творил за полтысячи лет до него. Где прогресс?"

С усмешкой видим, как ширится албанская Голгофа, захватывая всю Сербию целиком. Мы смеемся сквозь слезы и недоуменно вопрошаем: неужели это возможно, что мы пропадаем и исчезаем именно сегодня, именно в тот великий миг истории, когда нашими союзниками являются великая Россия, Англия и Франция?

Смеясь, мы спрашиваем: "Чем же наше время лучше эпохи Навуходносора, великого бога-вола из Вавилона?"

И все же мы не теряем надежды. Мы боремся за свободу и правду. Наша борьба за такие идеалы могла бы быть абсолютно безуспешной только в том случае, если бы не было Бога. Но Бог есть, и вся Сербия верует в Бога. Наша борьба не может пропасть без следа, как и наш Бог – не привидение.

И пока я выступаю здесь перед вами, Смерть безостановочно вершит свое дело в Сербии, устилая Сербию горами трупов, превращая ее в единое бескрайнее кладбище. Сегодня Сербия напоминает огромное кладбище, в тиши которого воют гиены. Но все-таки последний акт великой трагедии – не смерть, но воскресение. Я не верю, что Сербия окончательно погибнет. Однако если бы это все же произошло, хотя бы на короткое время, я на святой могиле моей Родины-мученицы написал бы такую эпитафию: "Здесь лежит верный друг Англии".

Лондон, 1916 год

Перевела Наталья Феофанова

Исидора СЕКУЛИЧ+

ВЕСТНИК

Сразу после объявления о мобилизации курортная жизнь скоропостижно зачахла. Гости, почти исключительно белградцы, бросились ещё в первую ночь войны кто на военную должность, кто поближе к железной дороге, кто к родным и знакомым, а кто-то — так, за отзвуком испуганного сердца и следом своих первых, необдуманных мыслей.

Бежали и на лошадях, и на волах, и на ослах, на двух и на четырёх колёсах и пешком; и душа разрывалась при виде этих мужчин, женщин, детей, скарба и скотины, которых первая гроза Войны согнала в тесное сообщество любви и страха и которых, быть может, уже вторая Гроза рассеет в хладные пределы вечной разлуки.

Утром 13 июля окна гостиных не отворялись, молочники не ходили, с ограды Козары исчезли ковшики и стаканы, купальни пустовали, на мосту вдруг появилась табличка с указателем пути на военную станцию, а через базарную площадь спокойно и серьёзно проходили винтовки, винтовки и винтовки.

— Неужто опять?

— Опять.

— С Богом и счастливо.

— С Богом и не бойтесь.

Рассвело дивное утро. Ясное, солнечное. Но склон пуст. Поднимаюсь одна в горы и чувствую, что мне мешают собственные шаги. Осторожно ищу место, где густая трава заглушила бы звук шагов. Слышу, как бьётся сердце. И то бы мне мешало, если б не пугало.

Идут, ушли, идут, ушли — ударяет в груди монотонно и болезненно. И вздрагиваю оттого, что так необычно гремит кипящий ключ в камнях.

Озираюсь, не видно ли кого где-нибудь. Никого не видать. Жду, не придёт ли кто откуда-нибудь. Никто не идёт.

Стою одна. Думаю, как странно, таинственно, исподволь начинаются великие события. В природе всё так же, как и было. Природа — вечная и бессмертная, без личной любви — не имеет предчувствий, не знает ожидания и страха, не мятётся. Не упускает ни одной своей обязанности, даже и безделицы. Для неё все события без различия составляют обычную жизнь. А мы, недолговечные, зависимые и слабые, мы предполагаем и рассчитываем, помним то, что было, и боимся того, что может произойти. Для нас события — судьба и приговор, милость Божия или тяжкое проклятье.

А меж тем великое событие началось. Чем началось? Тем ли выстрелом пушки и ударом колокола, что в один миг мобилизовал курортного гостя в парке и пастуха в горах? Усилиями ли мужчин обезпечить жен и детей, покуда не вернутся? Страшной ли иронией, что эти обезпеченные семьи остаются, быть может, менее обезпеченными, чем когда-либо, и что мужчины, обещавшие вернуться, не смогут сдержать слова? Первым ли нападением и первыми страшными картинами смерти и ужаса? Солнцем ли победы или тьмою поражения, или кровавой звездой голода?

Дни проходят. Курорт неизменно пустынен, а во всяком пустующем пространстве поселяется серая неизвестность. Мы, оставшиеся, превратились из гостей в беженцев. Смирились, съжились, перестали задаваться вопросами, начали экономить, убрали глубоко в шкаф всё, что шуршит и блестит, сложили садовые кресла и гамаки и забросили их в чулан, а когда встречаемся, молчим или же вскоре расстаёмся. У кого брат остался в Австрии, у кого сын в Швейцарии без денег, а тот не знает, где его жена.

А Белград рушится. Бежим друг друга. Чтобы кто нам не сказал или самим кому не обмолвиться: твой дом уничтожен, а мой нет.

Однажды вечером разразился страшный ливень, и с гор ударило холодом.

А на завтра через городок должны пройти шесть тысяч человек дорогой из Княжевца в Алексинац. Так что сейчас уже на марше.

Ветер вырывает у меня из рук ставни, в горах что-то отвратительно воет, и от нескольких попавших на руку дождевых капель вся я покрылась гусиной кожей.

Представилась мне колонна солдат. Как идут, мокнут и мёрзнут. Все подряд.

Наутро дождь не перестал. Так нам и пришлось их встретить, что и нам и им горше.

— Идут, идут! Вон они! — Сквозь тонкую водяную пелену и испарения колыхается серая колонна. Верхом несколько офицеров, а все нижние чины пешком. Двигутся. Серые, промоклые. Лишь изредка, в каком-то мгновенном проблеске света сверкнут

Пасхальные розговены сербских солдат. 1913 г.
звездочками концы штыков и вновь погаснут. Приближаются. “Живели! Живели!” Летят цветы и папиросы. И деньги. Солдаты улыбаются. Их ноги с громким чавканьем и мокрым шлёпаньем ритмично месят густую грязь. А дождь всё льёт. Ни на ком ни единой сухой нитки, и водяные потоки безостановочно струятся от плеч до пят.

Сотня рекрутов из освобождённых краёв, с трудом выдерживающих марш, заночует в школе. Один из них так устал, что не может сесть. Прислонился к стене, не снимая оружия и сумки, и стоит как прикованный больше четверти часа. К нему подходит командир полка, шлёпает по щекам и спрашивает его и других, не легче ли им скинуть солдатские башмаки и обувь опанки+. Солдаты согласны и вдруг сразу веселеют, шутят и смеются.

— Куда ж вы такие мокрые, Господи, помилуй! — спрашиваем тех, что идут в лагерь на ярмарочную площадь.

— Что ж что мокрые. Идти ещё далёко. Будет время и высохнуть.

Только перед рассветом разведрилось. Вдруг и внезапно, как часто бывает летом. И когда оттрубили первые сигналы похода, осталось одно-единственное облачко, ещё боровшееся против зари. Но и по нему, наконец, брызнули кроваво-красные потоки солнца.

Весело проводили мы солдат.

Проходили дни. Здоровые, румяные дни горного лета, не дающие терять ни силы ни веру. Однако вечером, когда над почерневшими, уснувшими горными склонами выходит луна, небо становится огромной холодной пустыней, из сада подкрадывается аромат базилика, а комнаты удушают как заражённые камеры.

Наконец разнеслась весть о боях на Дрине, под Цером, возле Лозницы, в Мачве.

— Есть ли новости?

— Бьются, и наши хорошо держатся.

— Знаете ли что-то определённо?

— Подробно ничего не объявляют.

Улыбаемся. Рассудок верит и не верит, а сердце сжимается. Как никогда, сегодня нужно победить, хотя бы все до единого пали, — храбримся помыслом и словом. А во сне и наяву нас преследуют образы жертв и тяжких ран. Пули, гранаты, гир-

лянды огня и дыма и мертвецы. И страшные некие цифры и некие обведённые рамками слова.

А если не победим, то кто нас раздавит? Войско, где каждый второй или третий солдат ложно присягнул. Войско, в чьём пантеоне нет ни одной святыни. Войско, что с помощью порабощённых славян тщится стереть с лица земли славян свободных.

В памяти воскресают образы из родимого края. Вспоминаю загадочные мгновения детских лет и мучительные и постыдные моменты после.

Гусары, хонведы+, уланы, егеря — всех их хорошо знаю и как сейчас вижу. И гордые нойнундзипцигеры наместника Елачича и наши петроварадинцы+, зипцигеры сремцы+ и в грацком корпусе боснийцы, которые в своих, как утреннее небо, голубых мундирах и красных фесках, сплошь белолыцые и откровенно русоволосые, похожи на девушек.

И вот теперь, возможно ли это, Господи Боже! Они прорвались сюда и здесь, на сербской земле, в Мачве, у Дрины, здесь жгут, рушат, стреляют и убивают. Кто они? Может быть, елачичевцы, может, сремцы, может, и боснийцы...

Помню, как-то в Граце. Подхожу к городскому бульвару и издалека ищу глазами эстраду военного оркестра. На железных прутьях всюду кругом краснеются шапочки, как гирлянда свежих маков. Хорошо, — значит, играют боснийцы. Выбираю столик поближе к ограде. Из музыки, правда, услышу только первые скрипки. Но пусть, буду слушать в перерывах сербскую речь и глядеть в лица боснийских рабов в голубой униформе австрийского кесаря, который им, словно из кровавого упрямства, оставил красные шапочки их родного края.

Мне не удалось остаться одной. Откуда-то взялся недавно переведённый майор Аумер, мой давний знакомый. Его жена сербка из Славонии, но по немецким гарнизонам отвыкла говорить по-сербски. А два малых сына, вероятно и не знают, что есть какой другой язык, кроме немецкого.

После разнообразного разговора майор из сочувствия ли или из прихоти делает жест рукой.

— Sie, Kapellmeisterstellvertreger! — зовёт унтерофицера - оркестранта.

Я загляделась в мягкую физиономию солдата, которую музыка, а может, и большой город утончили до нежности.

— Spielen sie uns eine bosnische Arte vor, — заказывает майор.

— Keine im Programm, Herr Major. Und keine Noten dazu, Herr Major, — отдаёт честь унтер.

— Auswendig kennen sie gar nichts? Eine lustige heimische Melodie?

Босниец улыбается.

— Alles heimische ist traurig, Herr Major.

— Ach! Dann wollen wir lieber verzichten, bevor wir etwas vorgewinselt bekommen, — смеётся майор, а, возможно, и его жена. Не знаю наверное. Не решилась поднять головы.

— Чего хотел? Чего он хотел? — слышу солдат вокруг унтерофицера...

Где-то там, под Цером, или где-то на Дрине, может, опять они вместе, их двое, майор и боснийский оркестрант.

Мысль движется дальше. С трудом пробирается по затерянным, полузабытым мгновениям печали и стыда. Мне вспоминается первое национальное разочарование моего маленького соседа Стевицы Чирича.

Был Стевица ещё совсем мал, с трудом читал и писал. Не играл пока ещё ни разу ни в войну ни в битву. Однако понемногу, постепенно откуда-то узнал, что был некогда князь Лазарь+ и Царь Душан+, что было когда-то великое сербское царство и что есть Сербия и Черногория. Его маленькая головка, по правде сказать, не составила никакого представления о своей территориальной и политической принадлежности, но в его ярой сербской крови пробудились кровь и завет предков, и Стевица внезапно начал кому-то в углу грозить. И в один прекрасный день задумал войну.

Он, лишь недавно внимавший товарищу, толковавшему, что война это огромный человечище, великан выше колокольни, который поедает всё, что есть у людей, и страшными руками и ногами рушит дома, вырывает с корнями деревья и убивает людей, — он теперь вдруг знал, что война это: бить и разбить врага, учинившего позор и несправедливость всем сербам.

И однажды у Стевицы во дворе зародился малый сербский отряд, который потом несколько лет хозяйничал в парке и на Тошином Колодце. Стевица распределял детей, назначал командиров и вершил все приготовления, чтобы после восьмидневных учений вкусить настоящего боя.

Пальчик его, указуя последовательно на офицеров и героев, натывается вдруг на Рудика. И по лицу Стевицы видно, что не совсем, значит, как скворец, только что повторял нечто о царе и о свободе. Пальчик этот с большим сомнением язвил малого согражданина, а маленькая стевицына душа очевидно боролась с некой смутной проблемой.

— Рудика не может играть с нами в солдаты, потому что мы сербы, а он шваб, — падали одно за другим слова приговора, пока стевицын пальчик самым негативным образом реагировал на ошеломлённого маленького чужака.

Настал первый австрийский момент в сердечной детской коммуне, и стевицыны глазки в первый раз заглянули в пропасть, над которой живётся в этой земле.

— Царь же наш тоже шваб, Стевица, — усугубил маленький всезнайка и циник Иван.

Рудика на эти слова закивал важно головой, сразу становясь на сторону царя.

Стевица эту истину слышал первый раз. Как громом поражённый, и растерялся, и испугался, и застыдился, и рассердился, и почувствовал бессилие. Маленький австрийский подданный опустил голову, а вокруг широко открытых от изумления глаз беспокойно играли стрелы длинных ресниц.

— Это неправда! Как может наш царь быть швабом, когда мы сербы? Пойду спрошу у папы, а ты уже получишь! — пригрозил Стевица Ивану.

Вскоре из открытого окна папиной комнаты слышали мы, как Стевица плачет.

Так закончились его первый сон о сербстве и первая радость быть сербским солдатом. Император шваб победил. Первый, но не последний раз в жизни Стевицы.

Прошло довольно времени. Стевица стал Стевой, и Степа очень любил Йованку, а Йованка Стеву. Они так любили друг друга, что мне часто виделись в стевиных глазах йованкины, а в её очах — его. Однако, с тех пор, как приехал в наш городок школьный друг Стевы — красивее друга не бывало — йованкины птицы перестали слетать в стевин сад, а стевини мысли напрасно бились в йованкино окно.

Йованка стала мучить друзей. Любила ещё и Стеву, но много больше любила его красивого друга, и не однажды доходило до мучительных и болезненных столкновений, когда один стыдился своего триумфа, а другой шаг за шагом отступал перед правдой, которая в любви обычно бывает кровавой.

Йованка была как безчувственная. Вне досягаемости истинного смысла вещей. Такими часто и бывают женщины в хитросплетениях, где, быть может, никто и не виноват, но кому-то всё же нужно стать жертвой.

В этот момент нагрянули к нам в новую казарму егеря. Элита императорской армии. Когда в первое воскресенье пошли в церковь, в сизо-синих своих шинелях в цвет голубинового крыла и с зеленоватыми султанами на высоких офицерских меховых шапках, выглядели, как стая диких голубей.

Но самый видный среди них, поручик Крегер, был скорее дикарь, чем голубь. Капризно и нагло забавлялся на все стороны, соперничая в красоте и со стевиним другом, и, так сказать, штурмом отнял у него почти помолвленную девушку. Некоторые

сербские дома стали хлопотать, добиваться внимания и кавалерства, но поручик, а с ним скоро и весь офицерский корпус отвечали тем, что не отвечали, игнорировали, не здоровались и ещё более тяжкие обиды наносили сербскому населению.

И молодёжь, и целый городок поделились на два враждебных лагеря. Изю дня в день происходили провокации и выпады, и напряжение становилось всё более опасным. Йованка нигде не показывалась. Однако Крегер, громко звеня саблей, каждый день отворял её ворота и, говорят, грозил убийством, если б кому пришло в голову перед кайзер-егерем закрыть двери сербского дома.

Дело кончилось тем, что поручик Крегер зверски изрубил на дуэли стевиного друга, просил о переводе и увёз единственное чадо, забрав почти всё имущество растерянного и огорчённого сербского семейства.

Что бы было с ними сейчас, в эти дни — с той Йованкой, её диким голубем, с другом нашего Стевы? Боже, как меняются времена и в какие тесные пределы краткой человеческой жизни громоздятся события! Степа умер. Там, наверху, на холме у Дуная лежит, скрестив руки, слушает, как бомбят Белград, и сквозь мёртвый сон чувствует, наверно, борьбу за освобождение и счастлив, что не поднимет руку на родного брата...

Ах, Боже! Сколько ужасных, непонятных, злых мгновений несут в себе сегодняшние события. Столь много противоестественного, лжи, отвращения и стыда в спорах, которые нужно теперь разрешить, в счетах, по которым сегодня платить, что всё это можно уничтожить лишь страшным огнём мести и оружия. Господи Боже, суды Твои праведны! Неужто возможно, чтоб кайзер и теперь победил?..

Прошло ещё два дня, а вестей с фронта всё нет. Слышим только то, страшное и судьбоносное: бои продолжаются!

А меня постоянно преследуют образы из родного далека, и странно, в самом деле, егеря как-то нейдут из головы.

Сербы из земель за Савой очень много значения придают церковным и праздничным обрядам, посещению богослужений и красоте храма и церковного пения. Столько, что они во всецелом сербстве примерно то же, что *московские звонари* в России. В праздничной архиерейской службе, в Богоявленском водоосвящении, в православном пении, в торжественном колокольном звоне проявляют они свою национальность, возрождаются духом в дремлющем и придавленном сербстве, и салютами и колоколами как будто объявляют всему свету, а часто и самим себе, что они ещё есть, существуют.

Как и под турками, храм есть единственное место, где они свободны, где они смеют собираться в сколь угодно большом количестве, без разрешения полиции и без королевского комиссара.

Но так ли это в действительности? Нет. Никогда там сербы ни свободны, ни одни. Никогда, ни одного интимного, или святого, или великого мгновения не может быть для совершения обряда, празднования или молитвы иначе, как под знаком австрийской имперской власти.

Егеря, егеря, да, именно их вспоминаю.

Великая Пятница. Церковь переполнена. Было трогательно и великолепно. Почувствовали мы сокрушение. Видели Христа, совершившего предназначенное Ему, и вспомнили о своём невыполненном предназначении. Выходили из церкви, и было нам и легко и тяжело.

Приложиться к Плащанице приду после, вечером. Больше люблю, когда церковь пуста в ночной тишине.

Вхожу через паперть. Двери открыты настежь. Почти в каждой стасидии кто-то сидит. Но в храме главный свет от паникадила разлит по своду, и лица неразличимы. Тем более что многие простые мужчины и женщины держат зажжённые светильники, бледные огоньки которых освещают только корявые, крупные, костистые руки.

Середина церкви почти совсем пуста. В глубоком, тёмном пространстве, там, прямо перед алтарём, Христова Гробница. Высоко поднята на изящных резных столбцах под красивой сенью, полна распустившихся цветов. Большие, ярко разгоревшиеся свечи, словно пламенные мечи.

Приближаюсь на несколько шагов. Поступь почти неслышна, ведь зимние деревянные полы ещё не сняты.

В алтаре кто-то ходит. По завесе движется тень. И неожиданно звякнуло что-то серебряное, добро и свято. Должно быть, случайно задела один из тех тонких колокольчиков, которыми священник из алтаря оглашает преклонение главы. Задрожал тонкий, струнный звук через всю церковь. Многие повставали, многие перекрестились. Свечи и лампы как бы немного притухли, а затем ещё ярче вспыхнули, и молниевидно и жарко заблестало тканое золото и золотые нимбы на драгоценной Плащанице.

Сверкнуло ещё что-то с обеих сторон Гробницы. Я вздрогнула. По одному солдату в сизо-синей шинели в цвет голубиного крыла, в надвинутой каске, с заострённым штыком на винтовке. Почётная стража. Гроб Христов стерегут два егеря. Стоят неподвижные, хмурые, скучные.

На ковре перед Гробницей какой-то старик долго кланяется, что-то шепчет и как будто не решается приблизиться к лежащему Христу. Егерь, тот справа, не смотрит, но чувствует его, и всё быстрее моргает и нетерпеливо кусает нижнюю губу.

Сюда громким, грубым шагом вторгаются два солдата с младшим унтерофицером. Старик, с какой-то судорогой в лице, стоит так же. Остальные в церкви мгновенно встрепенулись, а затем вновь погрузились в спокойствие и свои думы. Смена караула. Приглушённое позвякивание оружия, чеканные шаги. Те двое, не оборачиваясь и не глядя, вышли, а эти два остались. Неподвижные, хмурые, скучные.

На Пасху ударил на заре холод. С теми редкими капельками дождя, что падают подобно выстрелам и, где упадут, жалят, как осы. Дул резкий ветер. Но ни один здоровый человек не пропустил Воскресения. Каждый сербский дом освещён, балконы завешены коврами, колокола гудят из трёх церквей, и торжественно и шумно идёт Крестный Ход. Вокруг сени несут большие свечи, и там сияние и блистают ризы и кресты. А всё остальное во тьме, и только движется море крошечных огоньков, и громогласно разносятся песни Христовой победы над смертью.

Наконец и священство и безкрайняя процессия сбиваются в густую толпу перед тяжелыми деревянными воротами паперти. Настаёт святой и торжественный миг. Всё притихло, люди склонили головы. Влажными, озябшими руками держат шляпы, и каждый бережёт свой огонёк. Высший накал эмоций. Страх ожидания. Явление некой мистерии заставляет сжиматься сердца и исторгает из глаз слёзы.

Тишина всё глубже, а возбуждение всё сильнее. Ничего не видно ясно, кроме чёрных затворённых дверей и прядей волос, треплемых ветром. Гробовую тишину внезапно, словно архангельская труба, пронзает чистый тенор младшего священника, и высоко и сильно провозглашённое, подобно возгласу вестника, являющего победу, прорывается величественное: **Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази егво, и да въжъатъ ѿ лица егво ненавидащии егво!**

Огромные деревянные ворота отворяются, колокола ударяют тяжело и торжественно, народ сквозь слёзы призывает Воскресение, и Воскресение Господне и воскресение сербское.

Но в тот миг, как загреметь тысячегласному **Христосъ воскресе!** все мы съжились:

— Gewe-e-ehr los! Feu-er! — трещит команда австрийского офицера, сизо-синяя рота кайзер-егерей даёт залп, а народ спешит в церковь и затворяет за собой двери...

+++

Десятый уже день кровавой схватки и бойни на Дрине и под Цером. Под тяжкой неизвестностью сжались в комок и тело и душа. Живёшь бездумно, тупо, и лишь время от времени прорезается голос сердца: Почему нельзя узнать? Зачем сидим и гадаем и пророчим, словно чёрные ночные птицы, если все эти десять дней были светлыми днями?

9-го августа с рассвета жарко. День как будто в середине лета, хотя осень уже на пороге.

Тащусь в гору. Потихоньку-полегоньку волоку груз и тревогу безсонной ночи. Никто не встречается по пути. Все те сильные и здоровые, что прежде меня спозаранку пробудились, давно ушли. Там уже, или Бог знает, где они.

Во дворе последнего домика под горой орехи ещё зелены, а платаны, уже опалённые, немощные, и в полдень дремлют, как будто видят сны. Летние цветы благоухают увядающе сладко, а пурпурно-красные астры пахнут, как трава, резко и прохладно. И посреди этой ласковой, как больное дитя, осенней меланхолии, сидит господин, которого пробирают приступы лихорадки, бледен и тонок, словно кузнечик, и одинок.

Сотней шагов дальше — тоже один — гимназист, одетый как турист, и с толстой палкой в руке.

И это всё. Если только ещё на верхней террасе не встречу Николая Гаврилыча. В самом деле, вот и он. Большой, неповоротливый, добрый, близорукий и разговорчивый. Русский как есть.

— Терпи, казак, атаман будешь! — кричит издалека, ободряя меня.

И вот достаёт из кармана *Русское слово* и рассказывает мне, что было и что будет, перечисляя километры, рубли, полки и пшеницу в тех баснословных русских количествах, от которых волосы на голове становятся дыбом.

А когда расстаёмся, я долго стою и гляжу ему вслед. Каков же он, Господи Боже, — как будто у него костяк из камня.

Просидела всё послеполуденное время, как и обычно, одна-единёшенька, с книгой и с думами, с верой и страхом попеременно.

Полдень уже прошёл, а мне нейдётся. Постоянно находим причины, чтобы ещё посидеть, хотя в курортном ресторане после половины первого предлагают только остатки от обеда. Вот мне на руку упал червячок, прозрачный, как водяная капля, и теперь я должна ждать, пока он не уползёт. Потом ящерица бросилась в погоню за мотыльком, и нужно посмотреть, что будет. Прежде я и не знала, что ящерица так же быстро бежит, как мотылёк летает. И трёх минут не прошло, как охота была кончена. В молниеносном скачке в мгновение ока схватила ящерица бабочку. И так совершенно это сделала, как только возможно. Одним зевком прожорливых своих челюстей выела её мягкое тельце, и с обеих сторон рта, как с луцильной машины, отпали по два мёртвых крыла. Я почувствовала отвращение к ящерице, и захотелось её ударить или хоть напугать. Преследуя её, — конечно, тщетно, — двинулась безсознательно вниз.

Солнце жгло как-то немилосердно. Знойное марево дрожало и пламенело. Воробьи обезсилили от пекла и мёртвой полуденной тишины.

Приближаюсь уже к городку, но нигде ничего живого не видно и не слышно. Ни детского плача, ни звяканья тарелок. Господин, которого схватывают приступы лихорадки, больше не сидит в саду. Только краснеют астры, и сквозь густую их листву, из глубины, высовываются лапки играющих и кувыркающихся на свету котят.

Бездумно ступаю шаг за шагом, заглядевшись на раскалённую дорогу, спускающуюся с гор и пересекающуюся там, ниже, с широкой тропой, по которой я медленно схожу.

Чу, топот ног. Оттуда, с дороги, но ещё далеко. Кто-то идёт. Торопливо, широкой, твёрдой походкой. Меня не касается, однако, всё же щурюсь разглядеть, кто бы это был.

— Господи Боже! Господи Боже! — шепчут холодные, как лёд, губы, а из дрожащих рук валятся одна за другою книга, шаль и сумочка.

С гор сходит сербский солдат. В опанках, в серой грубой форме. Но через плечо перебросил шинель. Сукно тонкое, мягкое, сизо-синее в цвет голубинового крыла. А поверх деревенской котомки утвердил ранец телячьей кожи, шелковисто гладкий и прямо-таки красный на солнце.

Нагнул голову и спешит. Хочу побежать, окликнуть, спросить, потрогать. Не могу. Уста смёрзлись, руки омертвели, а ноги отнялись, как будто по колено вросли в землю.

Лишь мозг и сердце работают. Сияется убогий мозг и слабое сердце, чтоб их не разнесло, как кучку праха, великое событие: сон мой давнишний — ожил!

Господи Боже! Возможно ли! Здесь, в сердце Сербии... ещё несколько недель назад... великая держава... могучая армия... угрозы, унижения... Господи Боже, возможно ли, даже здесь, в этом горном захолустье, на плечах сербского рядового — одеяние побеждённого кайзер-егеря, пустая шелуха австрийской наглости...

Солдат скрылся из виду. Я, наконец, побежала. Но когда завернула за угол, он был уже далеко внизу. Вижу только, как ранец краснеет и как шинель синееет вдали.

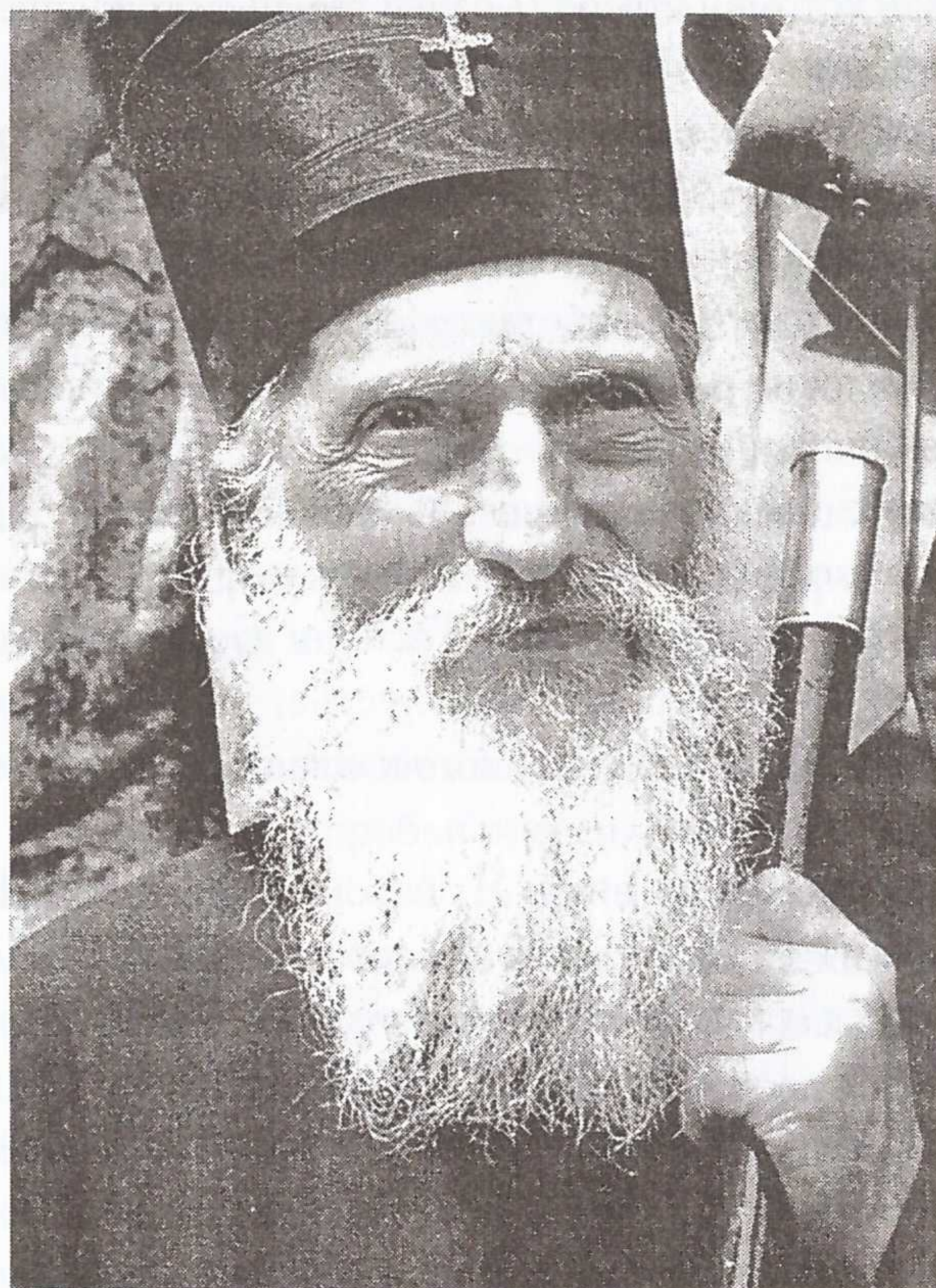
Перевела Мария Мелькова

90 лет Святейшему Патриарху Сербскому Павлу

Антоний ДЖЮРИЧ

“Этого человека зовут Патриарх Сербской Православной Церкви Господин Павел будим людей”, — сказала семилетняя Невена Сречкович из Чачка, и её слова и по сей день цитируют некоторые сербские епископы.

ЭТО СЕРБСКИЙ ПАТРИАРХ!

Патриарх Павел!

Это не два обычных слова, это совокупность понятий, подразумевающих соприкосновение с Небесами, приближение

Богу, молитву за спасение человеческого рода, обуздание ненависти ради распространения любви, вытеснение славолубия и сребролюбия дабы прилепиться смирению и довольству малым, отмщение мести, чтоб из глубины наружу пробилось прощение, желание, чтобы несправедливость уступила место Божией и человеческой правде, чтоб неверию предпочли твёрдую веру в Бога, и сознание, что зло невечно и не останется у Бога ненаказанным.

Здесь причины почитания этого хрупкого человека, о ком верующие говорят шёпотом, что это “ходячий святой”, а владыки утверждают, что он — человек Божий, с лёгкостью несущий свой крест.

Патриарх на пороге десятого десятка своего земного пути. Те, кто недостаточно осведомлены, склонны к поздравлениям своим партийным вождям, будут поздравлять его “с днём рождения”, обнаруживая тем незнание, что в Сербской Православной Церкви и в среде верных празднуются только три дня рождения: Рождество Господа нашего Иисуса Христа, Пресвятая Богородицы и Святого Пророка и Предтечи Иоанна. Однако, пускай, незнание не грех, так же, как не является грехом ошибочное толкование понятие о совершенстве, которое, в действительности, состоит в приближении Богу и жизни в общении с ним. Святые исполнены добродетелями и ненасытны желания подвигов особого рода: постятся для укрощения плоти, бдят ради утончения духовного зрения, проводят время в молчании дабы избежать повода учинить нечто, неугодное Богу, стоят подолгу на богослужениях...

Сему роду “живых святых” принадлежит и Патриарх Павел.

Среди множества вопросов слышатся и совсем обыденные, человеческие, вызванные любопытством: что ест, на чём спит, читает ли газеты, смотрит ли телевизор, кто ему приобретает одежду и обувь? Короче говоря: кто заботится о человеке, о ком без сомнения можно сказать, что он заботится о человеческом роде?

На эти вопросы можно было бы ответить так: Патриарх ест очень мало, только растительную или молочную пищу, единственный его напиток — томатный сок, сам стелет свою

скромную постель, не смотрит телевизор, не слушает радио, газеты читает изредка, однако, благодаря сотрудникам, обо всём хорошо осведомлён. Бог его одарил умением во многих занятиях: умеет шить обувь, скроит и сошьёт мантию или рясу, вытешет рукоятку для любого инструмента, наточит косу, привьёт плодовое дерево, подрежет виноград, замесит хлеб, починит водопроводный кран и электрику, может сложить стену, поштукатурить, побелить... Ещё молодым монахом, особенно после завершения богословского факультета, живя по отдалённым монастырям, понял, что свой интеллект и свою свободу не сможет сохранить в независимости, если будет хоть в чём-то материальном зависеть от кого-то.

+++

В то время, как в Славонии бушевала война, прибыл однажды куда-то между Боровом Селом и Далем озабоченный Патриарх Павел. Только что приехал, подбегает к нему вооружённый до зубов человек со скрещёнными на груди пулемётными лентами, падает на колени и восклицает:

- Ваше Святейшество, благословите меня. Иду учинить злодейство.

Патриарх содрогнулся. Когда немного пришёл в себя, схватил легонько человека за плечи и, глядя ему в глаза, проговорил:

- Сынок, не требуй от сербского патриарха благословения на злодеяния, которые намереваешься совершить...

- Должен, Ваше Святейшество. Смотрите, — ответил тот и из нагрудного кармана гимнастёрки извлёк фотографию. — Вот мои изуродованные дети...

- Ужас, ужас! — едва вымолвил Патриарх, взглянув на жуткую картину. — Одно зло порождает другое. Хочешь ли ты, спрошу я, отомстив, быть меньшим преступником, чем тот, кто заклал твоих детей?! И вот что я скажу: когда окончится эта проклятая война и когда станут явными все злодеяния и все злодеи, счастлив будет лишь тот, кто сможет сказать: я не совершил ни одного преступления. Дальше — суди сам...

+++

Заметили как-то Патриарху Павлу, что у него хорошие ботинки: лёгкие удобные, блестящей кожи...

- Да, — улыбнулся он. — Удобные, могу долго в них ходить...

- Где ж вы их купили?

- Эх, купил! — сказал и махнул рукой, как бы ставя точку в разговоре.

А за этими ботинками немного необычная история: они в действительности были когда-то женскими сапогами — нашёл их Патриарх брошенными недалеко от дома своей сестры. Рассмотрел, повертел, убедился, что неновы и в хорошей сохранности. Спустя несколько дней в своей маленькой мастерской сделал себе хорошие ботинки.

+++

У Патриарха есть священническая пенсия, но и ту отдаёт бедным студентам и убогим людям с протянутой рукой...

Других доходов нет — священную должность Патриарх отправляет, как бы сказали современным языком, волонтёрски. Не скупится, напротив, отдаёт всё, что имеет, однако не выносит расточительства: требует от священников и монахов, чтобы сами ремонтировали, белили и приводили в порядок храмы, в которых служат.

Настоятель храма в Печи протоиерей Станко, двухметровый человецище, решили с братией сделать ремонт в церкви. Составили смету: сколько нужно стройматериалов и сколько заплатить мастерам. Всё это вместе с прошением направили тогдашнему владыке Рашско-Призренскому и Косовско-Метохийскому Павлу, ожидая благословения. Ответ пришёл быстро: владыка привёл имена тех, кто бесплатно даст песок, известь, цемент, бетономешалку... Что же до работ, сказал, что

Резанье славского колача на Видовдан в косовском монастыре Грачанице

могут сделать сами, а если не умеют – он им покажет как. Отцы послушались, но частично: добыли материалы (добрые люди дали) и отписали, что штукатурировать да белить не умеют, да и опасаются лезть под купол... Владыка же сдержал обещание, приехал их научить.

Тут в самом деле начинается драматическое действие, с интригой и необычными диалогами: когда владыку с помощью ворота и верёвки подняли под купол и он начал штукатурировать, тот из священников, что держал верёвку, крикнул:

- Даёте ли, Преосвященнейший, благословение заплатить рабочим – или я отпускаю верёвку?!

- Не надо платить за то, что можете сами. Когда я, старый, могу в люльку, можете и вы, молодые. Но если у вас есть деньги – заплатите мне! – ответил владыка с высоты и продолжил штукатурировать.

+++

Владыка Павел находился в овчарско-кабларском монастыре Благовещенья: пригласил его игумен Георгий немного отдохнуть и облегчить ревматические боли горячей минеральной водой. Тут он как-то жаловался, шутя, автору этих строк:

- Чудной этот игумен: позвал меня в гости, а после требует, чтоб я ему заплатил за приём. Вместо того, чтобы мне заплатить, ведь я расчистил двор от сорняков и весь одуванчик поел как салат.

В другой раз мы с отцом Вениамином застали там такую картину. Двор полон народа – прослышали, что приехал призренский владыка, и принесли дары: персики, яблоки, груши, кое-какую бутылку ракии... Владыка принимает эти подарки, подержит их немного в руках, затем вернёт и скажет:

- Я всё это принял, спасибо вам, а теперь возвращаю дары и прошу вас отдать их тому, кому они нужнее. Я всё это не смог бы съесть и за год...

+++

Учащиеся призренской семинарии+, которые, вообще-то говоря, скудно кормятся, однажды пожаловались владыке Павлу:

- Почему нам, Преосвященнейший, хоть раз не приготовят гибаницу+?

- Хорошо, дети, скажите мне, что есть в гибанице?

- Тесто, яйца, сыр, каймак+, – перечисляют ученики.

- А что вы сегодня ели?

- Хлеб, яйца, сыр, немного каймака...

- Ели, значит, всё то, из чего делается гибаница, – заключил владыка под общие рукоплескания молодых богословов.

+++

Пока владыка был в Призрене+, его правой рукой был профессор протоиерей Радич Радичевич. У отца протоиерея меж тем было много причин просить перевода в Приштину+, что не устраивало владыку: как же лишиться такого ценного сотрудника, притом, что в Приштине довольно хороших и способных священников. Проходило время, владыка забыл о просьбе, но о. протоиерей ждал случая. Однажды заметили, что ветер сорвал кусок железа с кровли храма. Владыка предложил найти и связать две лестницы, а он, такой лёгкий, поднимется и поправит. Договорились, что о. протоиерей будет держать лестницы для надёжности. Когда дело было наполовину готово, о. протоиерей вдруг стал грозить:

- Владыко, или Приштину – или я отпускаю лестницы!

- О таких низменных земных вещах не говорится на столь возвышенном месте! – отвечал владыка и продолжил чинить крышу.

+++

Во время албанских беспорядков двое мальчишек идут за владыкой на мост в Призрене, Владыка чувствует, что и дети не гнушаются злом, что-то замышляют... Хорошо слышит, как сорванцы договариваются порезать ему бритвой мантию.

- Давай! – кричит один, ободряя другого.

- Давай, никто не видит!

Владыка, немного понимающий по-албански, стал, подобрал мантию и говорит:

- Видит, дети, видит! Видит Бог!

Мальчишки бросились наутёк.

+++

Бывший секретарь Рашско-Призренской епархии протоиерей Зоран Груич одно время служил в Вучитрне. Захотел и он, как другие, оклеить стены дома для причта, но по правилам должен взять благословение.

могут сделать сами, а если не умеют – он им покажет как. Отцы послушались, но частично: добыли материалы (добрые люди дали) и отписали, что штукатурировать да белить не умеют, да и опасаются лезть под купол... Владыка же сдержал обещание, приехал их научить.

Тут в самом деле начинается драматическое действие, с интригой и необычными диалогами: когда владыку с помощью ворота и верёвки подняли под купол и он начал штукатурировать, тот из священников, что держал верёвку, крикнул:

- Даёте ли, Преосвященнейший, благословение заплатить рабочим – или я отпускаю верёвку?!

- Не надо платить за то, что можете сами. Когда я, старый, могу в люльку, можете и вы, молодые. Но если у вас есть деньги – заплатите мне! – ответил владыка с высоты и продолжил штукатурировать.

+++

Владыка Павел находился в овчарско-кабларском монастыре Благовещенья: пригласил его игумен Георгий немного отдохнуть и облегчить ревматические боли горячей минеральной водой. Тут он как-то жаловался, шутя, автору этих строк:

- Чудной этот игумен: позвал меня в гости, а после требует, чтоб я ему заплатил за приём. Вместо того, чтобы мне заплатить, ведь я расчистил двор от сорняков и весь одуванчик поел как салат.

В другой раз мы с отцом Вениамином застали там такую картину. Двор полон народа – прослышали, что приехал призренский владыка, и принесли дары: персики, яблоки, груши, кое-какую бутылку ракии... Владыка принимает эти подарки, подержит их немного в руках, затем вернёт и скажет:

- Я всё это принял, спасибо вам, а теперь возвращаю дары и прошу вас отдать их тому, кому они нужнее. Я всё это не смог бы съесть и за год...

+++

Учащиеся призренской семинарии+, которые, вообще-то говоря, скудно кормятся, однажды пожаловались владыке Павлу:

- Почему нам, Преосвященнейший, хоть раз не приготовят гибаницу+?

- Хорошо, дети, скажите мне, что есть в гибанице?

- Тесто, яйца, сыр, каймак+, – перечисляют ученики.

- А что вы сегодня ели?

- Хлеб, яйца, сыр, немного каймака...

- Ели, значит, всё то, из чего делается гибаница, – заключил владыка под общие рукоплескания молодых богословов.

+++

Пока владыка был в Призрене+, его правой рукой был профессор протоиерей Радич Радичевич. У отца протоиерея меж тем было много причин просить перевода в Приштину+, что не устраивало владыку: как же лишиться такого ценного сотрудника, притом, что в Приштине довольно хороших и способных священников. Проходило время, владыка забыл о просьбе, но о. протоиерей ждал случая. Однажды заметили, что ветер сорвал кусок железа с кровли храма. Владыка предложил найти и связать две лестницы, а он, такой лёгкий, поднимется и поправит. Договорились, что о. протоиерей будет держать лестницы для надёжности. Когда дело было наполовину готово, о. протоиерей вдруг стал грозить:

- Владыко, или Приштина – или я отпускаю лестницы!

- О таких низменных земных вещах не говорится на столь возвышенном месте! – отвечал владыка и продолжил чинить крышу.

+++

Во время албанских беспорядков двое мальчишек идут за владыкой на мост в Призрене, Владыка чувствует, что и дети не гнушаются злом, что-то замышляют... Хорошо слышит, как сорванцы договариваются порезать ему бритвой мантию.

- Давай! – кричит один, ободряя другого.

- Давай, никто не видит!

Владыка, немного понимающий по-албански, стал, подобрал мантию и говорит:

- Видит, дети, видит! Видит Бог!

Мальчишки бросились наутёк.

+++

Бывший секретарь Рашско-Призренской епархии протоиерей Зоран Груич одно время служил в Вучитрне. Захотел и он, как другие, оклеить стены дома для причта, но по правилам должен взять благословение.

- На что тебе обои! Побели! Без обоев можно.
- Но ведь, Преосвященнейший, сейчас все клеят обои.
- Как все, у меня их нет!
- Владыко, я знаю, что вас однажды за ваш образ жизни провозгласят святым, но сам я далёк от такой возможности...

+++

Пожаловались верующие владыке Павлу на одного священника, что не содержит в порядке двор – всё там заросло бурьяном. Пошёл владыка и удостоверился в истинности жалобы.

- Что не приведёшь в порядок двор, отче? – спрашивает его ласково.

- Мотыги нету! – оправдывается батюшка. – Это, как бы сказать, есть мотыга, но без черенка. Знаете, село бедное, доходов мало...

На следующий день владыка пришёл и принёс мотыгу с черенком, который сам вытесал и насадил.

- А теперь, – говорит, – приberi двор и не срамись перед народом.

+++

Уведомил Патриарх Павел своих сотрудников о поездке на Косово, назначил и время отъезда. Наутро все забегались: ищут автомобиль, водителя, бензин. Вот, наконец, всё готово, но нет Патриарха. Через какое-то время узнают, что Патриарха видели в поезде.

+++

Патриарх очень любит детей. Радует, когда видит их, румяных и трогательных, в храме или встретит на улице, чаще всего перед школой возле церкви. И дети его любят – бегут ему навстречу, те, что постарше просят благословения и крестики, младшие сладостей: “Дай, дядя Пайо+, конфету...”

Патриарх покупал конфеты в лавке на углу, к удивлению продавцов, решивших, что он любит сладкое. Но когда увидели, что он раздаёт сладости детям, отказались брать деньги. Он не согласился на это и сменил лавку.

+++

Вы помните те студенческие беспорядки на Теразиях+ и момент, когда там оказался Патриарх Павел: “Пришёл, чтобы

После панихиды по всем мученикам Сербским от Косовской битвы доднесь на месте битвы Патриарх Павел, престолонаследник Александр Карагеоргиевич с супругой Екатериной

быть с вами, чтоб не случилось чего негодного...” Тогда десятки тысяч молодых радостно восклицали: “Павел, Павел!” Один немолодой человек, глядя на незаурядное зрелище, прошептал: “Хорошо сербскому патриарху, когда для этой молодёжи он остался только их Павел!”

+++

Несколько лет назад я отправился в монастырь Благовещенья сопроводить Патриарха: освежившись термальной водой в течение нескольких дней, проведённых у игумена Георгия, он возвращается в столицу. Застал я его меж тем на автобусной остановке в Овчар-Бане спокойно ждущим автобуса. Тут собралось множество народа, некоторые предлагают отвезти его на своей машине в Белград, но Патриарх все предложения с благодарностью отклоняет. Оказался тут и Радован Сречкович из Чачка – он привёл свою семилетнюю дочку Невену. Она счастлива, что получила у Патриарха благословение, но и дальше, не мигая, смотрит на него. Я спросил, знает ли она, кто это. И дитя так ответило: “Этого человека зовут Патриарх Сербской Православной Церкви Господин Павел будим людей”. Все вокруг засмеялись, только мне было неудобно: может, Патриарх подумает, что я подговорил девочку сказать так. Поэтому попытался объяснить: “Вот, Ваше Святейшество, ребёнок слышит, как вы говорите “будем людьми” и думает, что это часть вашего имени...” Улыбнулся Патриарх, погладил девочку по голове и подарил ей иконку. А её слова и по сей день цитируют некоторые наши епископы, хоть с ней

и незнакомы. Её отец Радован предложил Патриарху отвезти его в Белград, но тот ответил:

- Во-первых, это дорого, а потом, ты бы сам вернулся, а меня оставил бы в заботе, жив ли ты и здоров добрался домой.

В эту минуту на автобусной остановке показывается повариха из соседнего ресторана, несущая два кулька. Испросив благословения, она говорит:

- Пайо, очень мы тебя любим. Когда опять к нам приедешь? Мы очень тебе рады. Испекла тебе две лепёшки с каймаком. Одну, пожалуйста, съешь, а другую, знаю, отдашь кому-нибудь...

Устами этой женщины проговорила душа всего сербского народа.

А что до девочки Невены, она заканчивает начальную школу и уже семь лет ходит в воскресную школу при церкви в Чачке. И всё ещё хранит дар Патриарха.

+++

Один журнал, в течение ряда лет дающий отпор коммунистическому насилию, неуместно пошутил насчёт Патриарха Павла: с помощью ловкого монтажа представил его в джинсах, с "калашниковым" в руках, за поясом две гранаты и пистолет, на левой руке модные часы. В Патриархии сердились, однако сам Патриарх, когда увидел этот монтаж, сказал:

- Гляди-ка, дали мне и часы, а у меня их сроду не бывало! Это был единственный его комментарий.

+++

Одна пожилая жительница Белграда взбудораженная прямо влетела в здание Патриархии, требуя, чтобы её немедленно впустили к Патриарху. Терпеливый и предупредительный дежурный сказал ей, что Патриарх занят, у него гости, и вежливо попросил её прийти в другой раз.

- Я должна тотчас же видеть Патриарха! — настаивала женщина. — Не задерживайте и не препятствуйте мне исполнить наказ святой Петки! Она мне явилась этой ночью и сказала, что я должна сделать.

Она всё же прошмыгнула в открытую дверь и как-то добралась до Его Святейшества. И тут произошёл такой разговор:

- Я пришла по наказу святой Петки!

- Да что вы! — как бы удивляется Патриарх. — Что же говорит святая Петка?

- Говорит: найди мужские ботинки и, как рассветёт, отнеси Патриарху! Правда, лопни мои глаза! И вот я принесла...

- А когда тебе явилась святая Петка?

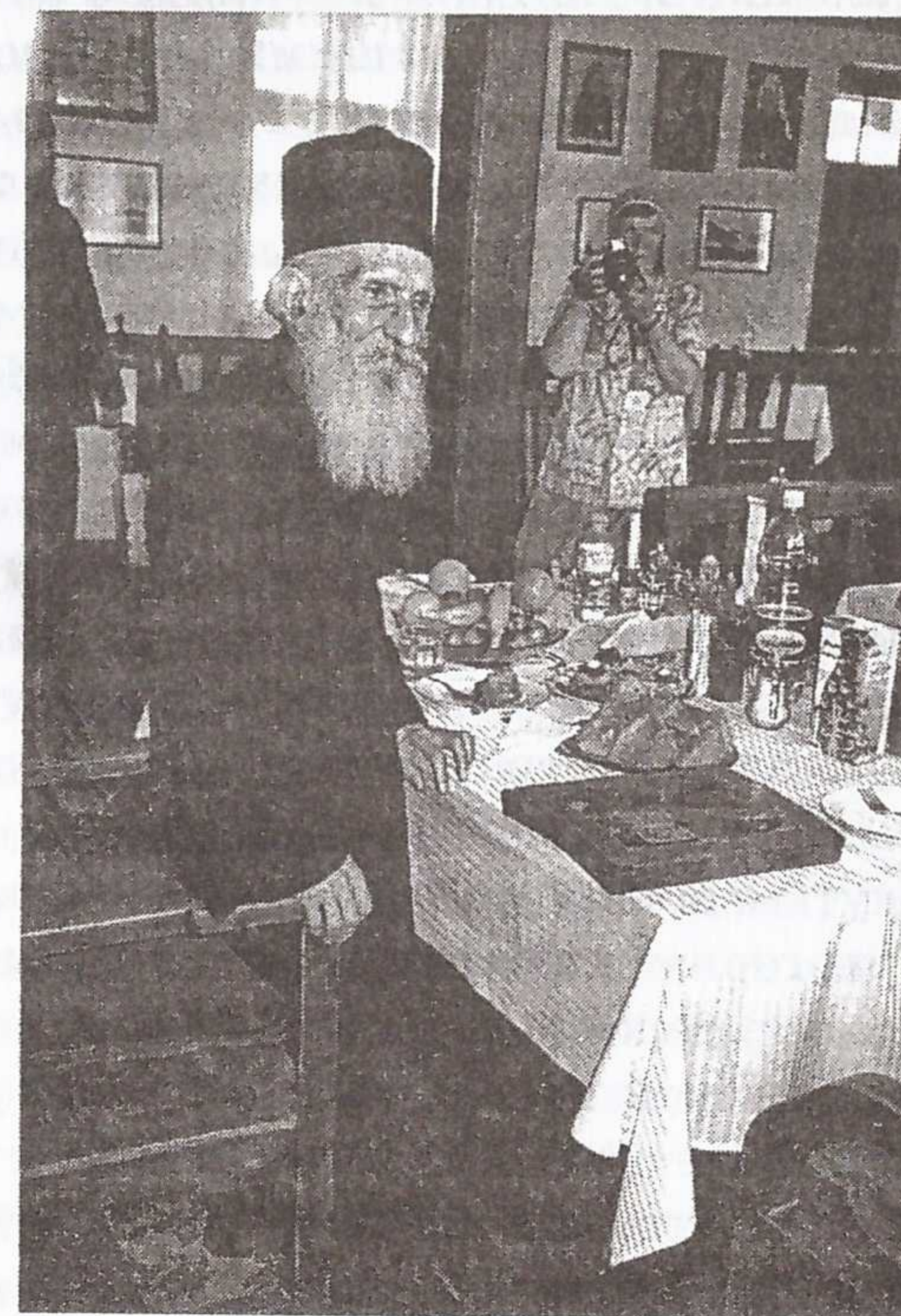
- Явилась мне во сне, и я от какого-то страха пробудилась и поглядела на часы: ровно полночь...

- Э-э, видишь, а мне святая Петка явилась в два часа пополуночи и не велела брать этих ботинок. Поэтому возьми их и отдай тому, кому они нужны...

+++

Святительский нимб у него не вокруг головы, но вокруг сердца и согласно его образу жизни, в гармонии мысли и дела.

Многая лета, Ваше Святейшество!

Н.Г. ФЕОФАНОВА

ПЛАМЕНЬ ПОД ПЕПЛОМ

Репортаж из концлагеря "Косово и Метохия", июнь 2004 г.

Наступило лето – пора отпусков. Друзья и знакомые отправились в паломничества по святым местам Руси и зарубежья, далеко и близко, по зову души и сердца. А нас, как всегда, потянуло в Сербию, на многострадальную, политую кровью мучеников землю Косова и Метохии. Хотелось хоть чем-то, что в наших силах – молитвой, посильными пожертвованиями или лишь добрым словом, – помочь, поддержать, подбодрить православных братьев-сербов, оказавшихся волею судьбы в окружении обезумевших от злобы албанцев. Но тут вспомнилось, как албанцы забросали камнями автобус с нашими соотечественниками, посетившими Косово на прошлое Рождество Христово, несмотря на конвой КФОРа. В памяти всплыло, что албанцы убили в Приштине болгарина, сотрудника миссии ООН, решив по его славянскому языку, что он серб. Припомнилось, что делегация от правительства Москвы два года назад потребовала для себя обеспечения максимальных мер безопасности и передвигалась от монастыря к монастырю в бронированном автобусе под защитой танка, бронетранспортера и четырех джипов с автоматчиками. Мы не были официальными лицами и поэтому опять отправились в путь на свой страх и риск, полагаясь лишь на волю Божию.

Проделав путь сначала по воздуху из Москвы, затем через всю Черногорию на машине, мы прибыли в день памяти (на славу+) сербского святого Петра Коришского в его обитель. Мужской пещерный монастырь располагается на Чёрной Реке неподалёку от административной границы Косова и Метохии. Там мы узнали, что нас готовы принять в женском монастыре Гориоче. Он расположен в Метохии, где почти не осталось сербских сел. Игу-

меня мать Анфуса как раз возвращалась к себе под охраной испанского КФОРа и согласилась захватить нас. Нужно лишь было прибыть вовремя в условленное место. Как мы ни спешили, сделать этого не удалось. Сначала на границе долго проверяли наши документы. Таможенник какой-то финансовой полиции (?), к слову сказать, русский по национальности, спросил, с какой целью мы направляемся на Косово. Услышав, что едем на хиротонию викарного косовского епископа, он озадаченно хмыкнул. Такой ответ, абсолютно мирный, по-видимому, не вязался в его сознании с обстановкой в крае, где все силы направлены на уничтожение Сербской Православной Церкви. Все же вернув паспорта, он пожелал нам счастливого пути.

Дальнейшая гонка по серпантину горных дорог оказалась напрасной. Мы опоздали, а игуменья не могла ждать нас, ведь это не входило в задачи испанского конвоя. К счастью, там оказались сербы из села Осоян, расположенного неподалеку. Они решили сами отвезти нас в монастырь Гориоч. Опять прозвучало: "На наш и ваш страх и риск, полагаясь на волю Божию". Как часто во время нашего путешествия мы будем повторять эти слова! Наш водитель Сретен и две молодые женщины Гага и Светлана были первыми сербами, отважившимися пуститься в этот опасный путь после мартовских погромов, когда все Косово и Метохия были охвачены огнем пожаров, когда албанцами были убиты десятки, изгнаны тысячи сербов, разрушены десятки православных храмов и деревень.

Ехали долго по пустынной дороге. Брошенные невозделанные поля пестрели радующими глаз цветами, словно сербская земля старалась скрыть нанесенные ей раны. За деревьями прятались разрушенные дома, пугающие пустыми глазницами окон и проломленными крышами. "Здесь было сербское село, – говорили наши попутчики, – и там и вон там". Потом показались правильные прямоугольники солдатских казарм, обнесенные колючей проволокой. Это была военная база испанского КФОРа. Дорога, петляя, поднималась в гору и кончалась у закрытого шлагбаума перед входом в монастырь. Солдат с караби-

ном наперевес преградил нам путь. Светлана по-испански попыталась объяснить, что нас ждут в монастыре, но “миротворец”, угрожающе подняв оружие, что-то закричал, по-видимому, “назад, туда нельзя”. Однако девушка, поднырнув под шлагбаум, смело направилась к воротам. Из караулки выскочили другие солдаты и спустили двух сторожевых псов. Собаки с громким лаем бросились на Светлану. Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы, обеспокоенная шумом, в воротах не показалась игуменья. Инцидент был предотвращён. Испанцы проверили документы, записали, кто и с какой целью прибыл, и пропустили нас в монастырь.

Облегченно вздохнув, все отправились в храм. Сербы были рады, что впервые за долгое время могут помолиться и поставить свечи в древнем монастыре Николая Чудотворца, основанном еще в XIV веке. После, за традиционной чашкой кофе, они делились новостями, справлялись о здоровье, передавали поклоны. Радужный прием, оказанный в монастыре, вознаградила их за стрессовые нагрузки опасного путешествия. Впрочем, им еще предстояло вернуться в родное село. К счастью, все закончилось благополучно. Они настойчиво приглашали нас в гости в Осояны.

В Гориоче мы провели несколько дней. Небольшой монастырь затерялся в горах, стерегущих равнину Косова с северо-запада. В монастыре шесть монахинь, и все, кроме настоятельницы, преклонного возраста. Строгая, но в то же время очень заботливая и приветливая мать Анфуса специально выучила испанский. Она рассказывала нам о двух друзьях Педро и Пабло, одного из которых теперь можно поминать в записках как Павла, надеясь, что и другой скоро станет Петром. Павел же, вернувшись в Испанию, пишет в письмах, что страдает без храма и единомышленников, родители ничего не подозревают. Он крестился здесь в монастырском храме – и всё это благодаря сердечному участию, уму, обаянию и молитвенности матери Анфусы, сумевшей найти общий язык с испанскими “миротворцами”. Солдаты с нескрываемой теплотой отно-

сятся к старикам, напоминающих им, наверное, родных бабушек.

Поверх прямоугольника древних каменных стен тянутся ряды колючей проволоки. В кромешной тьме южных ночей монастырь обходят патрульные с фонариками, на вышках день и ночь стоят караульные, не позволяя никому подойти к монастырю, как, впрочем, и выйти. Кроме нас, русских, в Гориоче были еще гости – двое сербов из Боснии. В один из вечеров, засидевшись допоздна за дружеской беседой, мы попросили их спеть. В тишине ночи сильный женский голос слился с мужским, и *Косово равно, Тамо далеко* и еще много других прекрасных старинных песен вырвались из плена и понеслись над просторами Косова поля. Прощаясь с гостеприимной игуменьей, мы спросили, чем мы можем помочь монастырю, что вам нужно, мать Анфуса ответила: “Только свобода!”

Наступил день, которого давно ждали на Косове: хиротония во епископа Липлянского архимандрита Феодосия, игумена монастыря Высокие Дечаны. Это еще одна выдающаяся личность Косовской епархии. Подвижник, молитвенник, аскет, умнейший и дальновиднейший человек, он снискал понимание и даже любовь военных итальянского КФОРа, охраняющих этот монастырь, привлёк внимание мировой общественности к положению на Косове и в Метохии, добился внесения уникальнейшего монастыря Высокие Дечаны в список Всемирного наследия

ЮНЕСКО. Обитель полностью отрезана от сербского населения и всего остального мира. В прошлый раз мы оказались там воистину чудом Божиим, как сказал тогда отец Феодосий, приехав вместе с ним туда в итальянском бронетранспортёре.

На этот раз, чтобы попасть в Дечаны, пришлось сначала добираться до села Осоян. Мать Анфуса взяла нас с собой, и ранним утром от монастыря Гориоча отправилась небольшая колонна: бронетранспортер испанского КФОРа, две легковушки и джип с “миротворцами” для прикрытия. Осояне – село особое. Это побратим нашего Буденновска, пострадавшего от бесчеловечного теракта чеченских боевиков. Именно сюда под покровом ночи возвратились два года назад сербские беженцы – первые сорок семей, изгнанных волной албанского насилия после натовских бомбардировок 1999 года. Когда вернулись, не было ничего, даже воробьев: дома, школа, больница разрушены, колодцы засыпаны мусором, могилы на кладбище разворочены, сады вырублены. Когда жизнь наладилась, вернулись и птицы. Сначала жили зимой и летом в палатках и металлических контейнерах, без электричества и тепла.

Теперь там протянулась целая улица новых домов, есть магазинчики и даже кафе. Правда, школу еще не восстановили, и “миротворцы” не разрешают вернуть в семьи детей, которые остаются пока где-то в Сербии. Знаменательно, что возвращение в родные края стало возможно только благодаря активным действиям представителей Сербской Церкви. Теперь престольным праздником этого села стал день памяти святых братьев Маккавеев.

В Осоянах нам предложили пересесть в большой автобус, который был уже полон. Поехать на праздник в Дечаны хотели бы все, но число мест было ограничено. Опять знакомая процедура: проверка документов, составление списков. Наконец колонна, теперь уже внушительная, отправилась в путь. Впереди шла машина международной полиции с ревущей сиреной, затем танк и бронетранспортеры под испанским флагом, потом автобус, за ним

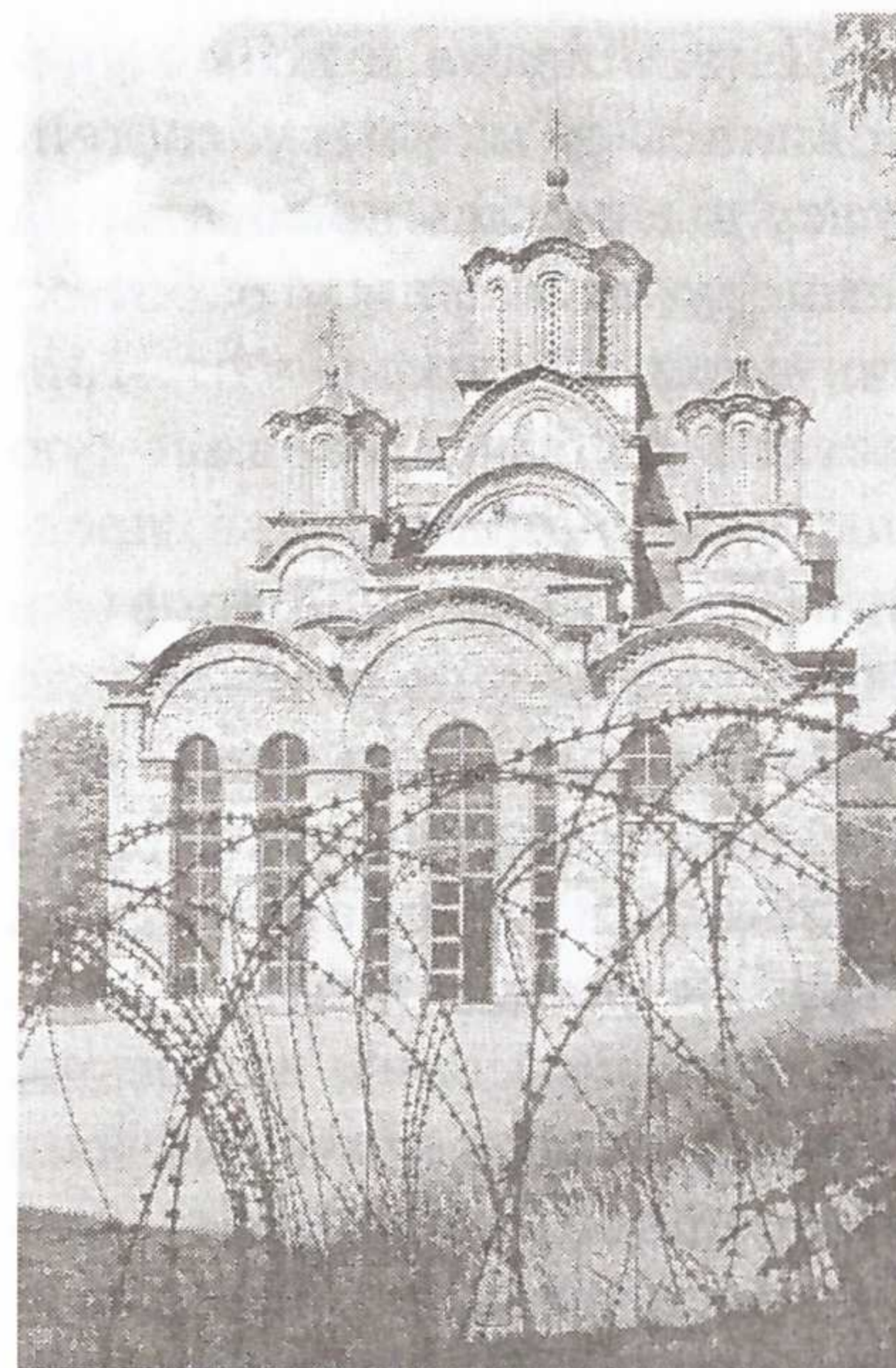
череда легковых и белые джипы полиции. В воздухе барражировал вертолёт.

Мы прибыли в Дечаны, когда праздничная служба уже началась. Огромный храм XIV века, снизу доверху расписанный прекрасно сохранившимися фресками, был полон. Почетные места поближе к алтарю и раке с мощами святого крала Стефана Дечанского Чудотворца были отведены духовенству не только с Косова, но и со всей Сербии и Черногории. Святейшим Патриархом Сербским Павлом и собором двадцати епископов в алтаре свершилось Таинство рукоположения архиерея. Чудесно пел хор *Стефан Дечанский* из Нового Сада. Новохирутонисанный владыка Феодосий произнес речь, и народ слушал его со вниманием и благоговением. Основная мысль речи была проста и в то же время глубока: чем больше скорбь, тем ближе Бог. Затем началась Евхаристия, и причастников было так много, что в помощь владыке Феодосию вышло еще несколько священников. Служба кончилась, а владыка долго еще принимал поздравления и подарки. Праздник завершился всенародной трапезой. Те, кому не хватило места в трапезной, располагались прямо на траве, под вековыми деревьями монастырского парка, насаженными русскими монахами, обитавшими здесь в XIX–начале XX в. Никто не жаловался, ведь для сербов, загнанных под предлогом их “защиты” за колючую проволоку сербских анклавов, сама по себе поездка в Дечаны – это редчайшая возможность встретиться с родными и друзьями, передать приветы и подарки тем, кто не смог приехать, потому что “миротворцы” их не пустили. А что говорить о тех, кто воспользовался случаем посетить эту святыню Метохии извне!

День клонился к вечеру, и гости стали разъезжаться. Для нас представилась возможность либо остаться погостить в любимом нами монастыре у радушной братии, либо попасть с попутчиками в любую обитель Косова и Метохии. Соблазн был велик. Хотелось вновь посетить гостеприимных и тоже отрезанных от внешнего мира матушек из Печской Патриархии, побывать и в Девиче, и в Вели-

кой Хоче. Да мало ли в Косове святынь, где мы еще не были! Однако загвоздка была в том, что выбраться оттуда без какой-то непредсказуемой оказии мы бы вряд ли смогли. Благоразумие взяло верх, и мы решили ехать в монастырь Грачаницу.

Чтобы добраться из Дечан в Грачаницу, надо пересечь половину автономного края от юго-западной границы до центра. Монастырь Дечаны находится в Метохии, у подножия высоких гор, за которыми – Албания. Теперь, после неслыханных злодеяний албанцев, Метохия стала самым “этнически чистым” местом в крае, ибо там не осталось ни одного сербского села. Монастырь расположен неподалеку от городка с тем же названием. Дорога здесь одна. Колонна автобусов с сербами, возвращавшимися из Дечан, под оглушительный вой сирен полиции въехала в город. Футбольное поле какого-то стадиона чернело толпами молодых албанцев, лениво перебрасывающих мячи и злобно посматривающих на колонну. Сразу вспомнилось, что именно здесь, на этом месте албанцы зимой забросали камнями автобус с русскими паломниками. На этот раз КФОР оказался на высоте. Вооруженные “миротворцы” стояли вдоль дороги на расстоянии вытянутой руки друг от друга. На перекрестке и близлежащих улицах расположились танки и бронемашины, джипы и мотоциклы пехотинцев. Дикая племена всегда уважают только силу, поэтому колонна прошла безпрепятственно. За окном мелькали развалины сербских домов и особняки албанских переселенцев, весьма напоминающие коттеджи новых “русских”, проплывали карандаши минаретов. Вот взорванный храм Пресвятой Троицы, вот развороченные могилы сербского кладбища, вот сгоревшая деревня... Проезжаем последнее албанское поселение, вплотную прижавшееся к Грачанице, пересекаем заграждения из колючей проволоки и въезжаем в сербское “гетто”. Бывшая когда-то небольшим монастырским посадом, теперь Грачаница разрослась за счет беженцев, переселившихся сюда со всех уголков Косова, и называется городом. Теперь здесь располагаются и временная кафедра епископа

Артемия Рашско-Призренского и Косовско-Метохийского, и факультеты Приштинского университета, и госпиталь, и медицинская школа...

Грачаница вновь нас радушно встретила, как и всех приходящих. Врата не затворяются никогда и ни для кого, хотя теперь под охраной КФОРа. Во время праздника здесь, например, собрались толпы цыган – неизвестно какой веры. Они, кстати, единственные из местных жителей, кто получил выгоду в данном положении: получают гуманитарную помощь, не утруждаясь слишком. При этом, угроза над ними почти такая же, как и над сербами – православными и мусульманами – и турками. Ведь шиптары признают только себе подобных, ну и заискивают перед силой.

На монастырском дворе всегда люди – заходят в храм, молятся, ставят свечи. Здесь же стайки детей, беззаботно резвящихся под защитой крепких стен. Они могут вставить в разговор и русские словечки, ведь здешние края и, пожалуй, ещё лишь Республика Сербская в Боснии и Герцеговине – единственные места, где в школе изучается русский язык. Матушки, в большинстве своём молодые, очень любвеобильны, особенно по отношению к русским, но почти всегда заняты хлопотами на послушаниях, за исключением, может быть, лишь вечерних часов. Особенно озабочена игуменья мать Евфросиния, старается сама следить за всем, не обременяя других. При этом она – сама любовь, очень жалеет всех: берёт даже замеченных в нечестности работников, зная, что и им надо кормить семьи.

На этот раз мы прибыли в Грачаницу за несколько дней до Видовдана. Это день Косовской битвы и монас-

тырская слава: память святого Царя Лазаря и всех мучеников Сербских. Обитель готовилась к наплыву гостей. Дел было невпроворот, и мы сразу вызвались помогать. За это время побывали мы понемногу на разных работах: мыли посуду, очищали подсвечники и пол в храме от огарков и воска, сгребали сено, чистили рыбу, заготавливаемую на праздник в огромных количествах, гладили бельё, предназначенное для многочисленных гостей. Основное же наше послушание было «в поле». Для этого не нужно было ни ехать, ни идти далеко. Огород находится тут же, в пределах внешней монастырской стены, построенной недавно греками, о чём горделиво сообщают на трёх языках огромные щиты по её периметру. От дальних полей пришлось отказаться из-за постоянных нападений албанцев. Некогда обширный монастырский сад, ещё в прошлый наш приезд радовавший сливами и черешней, пришлось вырубить и посадить овощи, чтобы обеспечить пропитание и монахиням и оставшимся без крова над головой десяткам беженцев, нашедшим здесь приют. Монастырь выглядит крепостью, способной выдержать длительную осаду. Однако на деле всё не совсем так. Вода из древнего монастырского колодца не годится ни для питья, ни для полива огорода. Она отравлена выбросами токсичных отходов предприятий, находящихся в руках албанцев. Питьевая вода в бутылках, как и консервы, – это гуманитарная помощь тех же греков. Вода для хозяйственных нужд поступает из магистрального водопровода с албанской стороны и подается со значительными перебоями. Так же обстоят дела и с электричеством.

Нам поручили лущить зеленый горошек. Работа несложная, для помогающих монастырю беженцев знакомая, впору и детям. Веселые и озорные, как и все дети повсюду, они серьезно и старательно помогали взрослым. В них чувствовалась какая-то врожденная обстоятельность, когда дело касалось крестьянского труда. Особенно обращал на себя внимание жизнерадостный пятилетний Мито (Димитрий). Он – живое свидетельство трагедии, принесенной на сербскую землю политиками НАТО. Бомбы, падав-

шие в 1999 году на головы мирных жителей Югославии, были начинены ураном. Живой, смысленный и даже ловкий ребенок, родившийся на Косове после бомбардировок, – калека, у него недоразвита левая ручка. Остальные дети относятся к нему трогательно заботливо.

Разговор поначалу не клеился. Каждая из женщин была погружена в свои невеселые думы. Все они пережили ужасы мартовских погромов, когда неслыханная волна насилия со стороны албанцев захлестнула Косово и Метохию, древнейшие сербские земли.

На этой сравнительно небольшой территории находится ТЫСЯЧА ТРИСТА православных монастырей и храмов, воздвигнутых в течение десяти столетий, начиная с десятого века, во времена свободы и рабства, славы и бедствий. Среди них – десятки церквей, поражающих своими размерами, красотой архитектуры, шедеврами фресковой живописи, богатством ризниц, которым нет равных ни в Европе ни во всем мире.

История сербов на просторах Косова и Метохии уходит вглубь веков. Сербь появились здесь во времена великого переселения индоевропейских народов. Славяне, заселив Балканы в VI веке, вскоре затем познали науку Христову и вошли в христианскую цивилизацию православной Византии. От Византии сербы унаследовали и богоугодную традицию строить на помин души Богу и народу храмы и монастыри, больницы и богадельни, школы и мосты.

На протяжении средних веков сербы составляли абсолютное большинство населения, о чем недвусмысленно говорят чисто славянские названия городов и сёл. О том, что Косово и Метохия входили в состав независимой сербской державы, свидетельствует житие родоначальника династии, правившей Сербией на протяжении трехсот лет, Стефана Немани, написанное его сыном святителем Саввой в начале XIII века. Когда им была образована автокефальная Сербская Архиепископия, на Косове и в Метохии располагались три епископии из десяти. После преобразования Архиепископии в Патриархию, престол

Сербской Церкви находился именно на этих землях, в монастыре Печская Патриархия.

О том, что Косово является сердцем сербского народа, его державы и Церкви, свидетельствует и то, что турки напали на Сербию именно здесь. Знаменитая Косовская битва 1389 года разыгралась на исконной сербской земле. В битве на Косовом Поле сербы пытались преградить путь турецким захватчикам, хлынувшим в христианскую Европу, но не сдержали натиска полчищ султана. Обороняя свою державу, на Косовом поле пало сербское войско, весь цвет сербской нации, погибли лучшие сыны народа во главе с князем Лазарем. Эта битва решила судьбу не только сербов, но и других христианских народов, причем не только на Балканах. Сербская идея, выросшая из косовской драмы, есть идея свободы и выбора непреходящих ценностей Царства Небесного, а Косовский бой, борьба за *Крест Честной и Свободу Золотую*, есть символ христианской борьбы за духовную свободу и человеческое достоинство. “Косово – не только география, не только демография. Это вопрос самоопределения: народного, духовного, культурного, христианского и человеческого, то есть для нас, православных христиан, – Богочеловеческого”, – говорится в Меморандуме о Косове и Метохии Священного Архиерейского Собора Сербской Православной Церкви.

Проблема сербского края Косово и Метохия возникла не сегодня и не вчера, ей уже несколько столетий. Кроме турецкой многовековой тирании и албанской экспансии, эту проблему особенно осложнила нацистская оккупация (1941—1945), коммунистическая и подобная ей власть (1945—1999) и грубое евроамериканское вмешательство в драму Косова и Метохии в 1999 году, которое все еще длится. На следующий день после начала варварских бомбардировок странами НАТО Сербии, в том числе и Косова, Святейший Патриарх Сербский Павел сказал: “Сербский князь Лазарь и наши предки вышли в бой на Косово Поле, чтобы защитить свою землю, а не отнимать чужую; чтобы защитить свою свободу, а не угнетать других; защитить свою веру, не навязывая ее другим, ибо Авель имеет

право и должен защищаться от Каина”. Интервенция стран НАТО не только не дала никакого улучшения, но лишь усугубила и без того тяжелое положение, так что проблема эта грозит завершиться небывалой трагедией для сербского народа и его Церкви на Косове и в Метохии.

Вседозволенность, безнаказанность бандитов и попустительство руководства “миротворцев” и международной полиции в течение пяти лет привело к взрыву насилия над сербами со стороны албанских экстремистов, или шиптаров, как они сами себя и все остальные их называют. Три дня в марте – 17, 18, 19-е – явили трагическую картину нечеловеческой ненависти и безумия. Поводом, или, скорее, сигналом, к началу погромов послужила весть о гибели трех подростков-албанцев. Впоследствии оказалось, что это был несчастный случай, они утонули в реке, но шиптары поспешили воспользоваться измышленным предлогом, обвинили в их смерти сербов и начали погром. Одновременно по всему Косову и Метохии запылали сербские дома, начались убийства и грабежи. Это лишнее раз доказывает, что акция насилия была спланирована заранее.

В эти мартовские дни на Косове происходили не какие-то “межэтнические столкновения”, но началась организованная сепаратистами настоящая резня невооруженного, беззащитного сербского населения. Пока горели дома, больницы, церкви, пока сербов отстреливали снайперы, а “миротворцы” из КФОРа демонстрировали полную неспособность защитить ни сербов, ни самих себя, албанские лидеры спокойно ждали завершения последней очереди этнической чистки ради окончательного решения статуса Косова и Метохии с тем, чтобы потом лицемерно выразить свое сожаление и “озабоченность”.

Монастырь Дечаны албанцы обстреляли из миномета. Итальянский КФОР попросил подкрепления, и на помощь им пришли американцы.

Женскую обитель Девич XV века окружили более тысячи вооруженных албанцев. Шести монахиням грозила верная смерть. Игуменья Макария из монастыря

Соколицы на севере Косова сумела убедить французских “миротворцев” прийти на помощь. Монахини были вырваны из рук разъяренной толпы и эвакуированы вертолетом. Тотчас после этого албанцы разграбили и подожгли монастырь. Гробница, где под спудом почивают мощи преподобного Иоанникия Девичского, одна из величайших святынь Сербской Церкви, была осквернена. Когда монахини из Девича прибыли в монастырь Соколицу, оказалось, что греческие “миротворцы” покинули его. Владыке Артемию пришлось оказать все свое влияние на представителей КФОРа, чтобы греческие солдаты остались охранять монахинь.

В городе Джяковице, где в церковном доме под охраной итальянского КФОРа в течение пяти лет жили четыре сербские бабушки, не пожелавшие покинуть родной земли, церковь Введения Богородицы отстоять не удалось. Несколько итальянских солдат героически сражались, защищая церковь после эвакуации стариц. Однако когда храм окружили огромные толпы албанцев, вооруженных автоматами, ручными гранатами и бутылками с зажигательной смесью, и двинулись в наступление, на помощь итальянцам прибыло подкрепление, которое смогло лишь прикрыть отход своих товарищей. Церковь было трудно защищать еще и потому, что она находилась в самом центре города, среди домов, из которых непрерывно стреляли. После отступления итальянцев храм был срушен до основания. Кроме этой церкви, уничтожены храмы Святого Царя Лазаря, Успения Богородицы и кафедральный собор Пресвятой Троицы. Руины собора затем были расчищены бульдозером, и на этом месте посажены деревья. В работах по такому “благоустройству” принимали участие свыше пяти тысяч албанцев.

В городе Обиличе сербы, оставшиеся без защиты КФОРа и международной полиции, забаррикадировались в одном многоэтажном доме, чтобы было удобнее держать оборону. Несколько многоквартирных домов, где жили сербы, сожжено. Городская церковь была обложена автомобильными покрывками и тоже подожжена.

Несколько греческих солдат, самоотверженно защищавших церковь Святого Царя Уроша в городе Урошевце, были ранены, но ни этой церкви ни двух других спасти не удалось.

Особенно трагична судьба храмов в Призрене. Осквернены, сожжены, разрушены церкви Богородицы Левишской XIII в., Святого Спаса XIV в., кафедральный собор Георгия Победоносца и Георгиевская церковь XIV в., храмы Святых мучеников Космы и Дамиана XIV в., мученицы Недели XIV в., великомученика Пантелеимона XIV в., здание Семинарии, Владычьи палаты. Пострадали безценные фрески. Монастырь Святых Архангелов в предместьях Призрена был ограблен и сожжен в присутствии военных немецкого КФОРа, которые его не защищали. В городе и округе не осталось ни одного серба.

В общине Печь пострадали церковь Иоанна Крестителя, Митрополия, церковь Введения Богородицы XVI в. Сожжено более двадцати домов ранее вернувшихся на Косово сербов.

В Приштине сожжена церковь Николая Чудотворца и русский госпиталь, открытый российскими десантниками, совершившими знаменитый марш-бросок из Боснии на Косово. Дома сербов разрушены взрывами гранат, несколько человек убиты.

Картина повсеместного разорения по всему Косовскому краю. За три дня уничтожено тридцать пять православных храмов, осквернены десятки сербских кладбищ, разрушены больницы, школы. Десятки тысяч сербов, эвакуированные и временно размещенные на военных базах КФОР, остались без крова над головой.

Через несколько дней после погрома владыка Артемий, епископ Рашско-Призренский и Косовско-Метохийский, под охраной международной полиции посетил Призрен и обошел руины уничтоженных православных храмов. “Невозможно понять, как всего за одну ночь все то, что было построено за века и сохранено в тяжелейшие времена, погибло в пламени безумия и насилия. Сербская часть города выгладит как после жесточайшей бомбарди-

ровки. Церковь святого Спаса почернела от огня. Владычни палаты уничтожены со всем, что было внутри. Фрески в церкви Богородицы Левишки, некоторые XII века, варварски изуродованы, а сама церковь постыдно осквернена. Призрен, город, хранивший веками культурное наследие и бывший гордостью всех честных и порядочных людей Косова и Метохии, Сербии и всего мира, сегодня выглядит как афганистанская деревня”, – заявил Владыка, назвав то, что произошло в Призрене в ночь 17 марта, *урбицидом* (уничтожением города), – Подобным варварским разрушением христианских святынь по всей земле Косова и Метохии: сожжением монастырей, осквернением мощей, выкапыванием мертвых из могил и другими беспримерными делами насилия и вандализма – косовские албанцы показали, что их представление об обществе не соответствует европейскому и что разговоры о демократии и Европе были только фасадом, за которым крылась слепая ненависть и стремление уничтожить все то, что несет в себе следы цивилизации. Как могут люди разрушать город, в котором сами живут? Как они могут мирно сидеть на лавочках и беззаботно прогуливаться мимо подожженных церквей, где от руин несет мочой и нечистотами? Откуда такое варварство в XXI веке, причем не у какой-то группы экстремистов, но у тысяч людей, которые в своем разрушительном походе уничтожили века культуры и цивилизации. Понимают ли вообще лидеры косовских албанцев, что уничтожением культурно-исторического наследия сербов, принадлежащего всему человечеству, они уничтожают и свое собственное будущее, свое место в истории европейской цивилизации, культуры и духовности”. Обличительные речи архипастыря Косовско-Метохийской епархии – это крик боли и скорби о несчастной судьбе своего народа. А как же тяжело было самим людям, попавшим в этот кровавый водоворот!

Женщины, работавшие с нами на огороде, были молчаливы и лишь порой тяжело вздыхали. Потихоньку мы разговорились с пожилой сербкой по имени Ковилька. На вопрос, откуда она – заговорила вдруг быстро, горячо, сбив-

чиво. Видимо, ужасные воспоминания переполнили ее сердце и рвались наружу.

Их семья жила в Липляне, небольшом городке в сорока километрах к югу от Грачаницы. Семья большая, дружная: она, старик-супруг, двое сыновей с жёнами, внуки, правнуки. Дом был – полная чаша. Было и все то, что полагается иметь в крепком хозяйстве: амбар, мастерская, даже печь во дворе, где с одной стороны можно было зажарить свинью к празднику, а с другой выпечь хлеб. Сразу за хозяйскими постройками – дом соседей, шиптарский. Справа и слева тоже жили албанцы. В Липляне издавна сербы и албанцы селились вперемешку, этнически чистых районов не было.

Бандитские нападения случались неоднократно, это стало уже почти привычным. В тот раз дело было так. Вооруженные албанцы напали ночью. Камнями разбили окна и, угрожая оружием, грязно бранились, требовали выдать девушек. С улицы вбросили в комнату бутылку с зажигательной смесью, “коктейль Молотова”. Сноха, не растерявшись, схватила ее и вышвырнула наружу. За окном полыхнуло. Мужчины заняли позиции у разбитых окон, а бабушка с внучками ползком перебрались на кухню и спрятались в погребе. До утра они просидели в полной темноте, слыша выстрелы и мучаясь от страха и неизвестности. Первую атаку шиптаров удалось отразить. Наутро хозяин, человек мастеровой, затянул окна металлической сеткой. В тревоге прошел весь день. Вечером женщины спрятались в погребе. Ночью шиптары пришли опять. Снова слышались брань, угрозы и требование убираться отсюда прочь. Брошенная в уличное окно бутылка с “коктейлем” отскочила от сетки и упала вниз. Начался пожар. Но хозяйева не сдавались. Рассвирепев от неудачи, бандиты забросали дом гранатами, разворотив крышу. Нужно было уходить, чтобы не погибнуть под обломками и не допустить женщинам попасть в руки озверевших бандитов. Пока мужчины отвлекали огонь на себя, женщины одна за другой, в чём были, без обуви, попрыгали из окна кухни в грузовик финского КФОРа, оказав-

шийся рядом случайно: его вызвал сосед-албанец, чтобы вывезти своих детей подальше от “беспорядков”. Вскоре горевший дом оставили и мужчины. Поняв, что дом пуст, бандиты ворвались внутрь и с дикой злобой били и крошили то, что еще уцелело, разграбив всё ценное. Нагадив напоследок на пороге, они ушли. Наутро стало известно, что в городе в ту ночь сгорело дотла более тридцати сербских домов.

Закончив скорбный рассказ, старая сербка замолчала. Потрясенные услышанным, мы и не заметили, что рядом с ней стоит ее супруг, сухощавый старик лет семидесяти с лишком. “Хотите поехать в Липлян и посмотреть мой дом, вернее то, что него осталось?” – неожиданно предложил он. Мы согласились, не раздумывая. “Только учтите, что ехать придется на ваш и мой страх и риск”, – предупредил он и отправился заводить машину. Вскоре он подъехал на выдавшем виды жигуле. “Сначала придется заехать к сыну, чтобы сменить автомобиль. Моя машина слишком ненадежна. Не дай Бог, сломается по пути, тогда нам не сносить головы”, – объяснил он.

Сразу за околицей Грачаницы потянулись поля. Теперь эти земли принадлежат албанцам. Вообще в Сербии земля находится в частной собственности. Политикой запугивания или бандитскими нападениями шиптары вынуждают сербов отступать, продавая угоды за бесценок. В Лаплем Селе свернули в тенистую улицу. Многочисленная семья старшего сына стариков из Липляна – и старые и малые все красавцы и красавицы как на подбор – ютится здесь в доме, хозяева которого покинули Косово. Познакомились, сфотографировались на память. “Снимайте, только не на фоне чужого дома!” – попросили они, усевшись на веранде. По сербским понятиям, жить в чужом доме – позор. Человек, не имеющий своего дома, достоин лишь презрения или жалости. Свой дом, родной очаг – это гордость и оплот. Вспомнились кадры из фильма о Косове. В одном из эпизодов речь шла о сербке, которую шиптары угрозами вынудили продать дом за гроши и уехать. И показано, как эта несчастная женщина, рыдая, наводит

порядок и моет напоследок полы в своем доме, чтобы новые хозяева увидели, как хорош ее дом и полюбили его так же сильно, как она.

Пересев на иномарку, отправились в Липлян. “Вон там было сербское кладбище, – указал старик в сторону, – а неподалеку рос тысячелетний дуб. Предания связывают его с именем царя Лазаря. По традиции, на свадьбу молодожены и гости непременно приходили и водили под ним коло. Шиптары срубили вековое дерево”.

Вскоре въехали в Липлян. Улочка на окраине утопала в зелени, но ровные ряды домов пугали щербинами руин. От двух домов, где недавно жила большая дружная семья, остались лишь обгорелые стены. Без слез нельзя было смотреть, как хозяин скорбит о своём жилище, словно о живом существе, погибшем от рук нелюдей. Тишину нарушал лишь хруст стекла под ногами и деловитое гудение трактора неподалеку. Это соседи-албанцы обрабатывали “освободившиеся” площади.

Затем мы заехали к дочери старика, жившей в сербской части города, окруженной колючей проволокой, рядом с укрепленными позициями финского КФОРа. Хозяева радушно встретили нас, угостили как путников по старинной традиции, показали с помощью компьютера замечательный фоторассказ о том, как свято они соблюдают рождественские церковные обряды и народные обычаи. Однако беседа вышла невеселой. Работы для сербов в городе нет. Дети не могут ходить в городскую школу, а бе-

рут частные уроки, пробираясь в дом преподавателей тайком, огородами. Больницы тоже нет. Правда, есть церковь, даже две, старая и новая. Нас проводили туда. В древнем храме XIV века сохранились уникальные

фрески. В соседней церкви отец Ранджел, приходской священник, показал нам икону Пресвятой Богородицы, заплакавшей в скорбные дни мартовских погромов. Он рассказал, что тогда шиптары пытались сорвать сербский флаг с его дома рядом с церковью, стреляли в него, бросили гранату. Он получил тринадцать осколочных ранений. Вслед за этим албанские полицаи схватили его, заковали в наручники и держали несколько часов обливающегося кровью на полу, обвиняя его в метании гранат!

В тот вечер мы благополучно вернулись в Грачаницу. Через день, теперь уже только на собственный страх и риск, с помощью Божьей мы опять отправились в Липлян. Впервые для своей новой паствы служил владыка Феодосий, викарный епископ Липлянский. Это был настоящий праздник для всех живущих там сербов. Владыка и сопровождающие его духовные лица прибыли под охраной итальянского КФОРа. Безопасность сербской резервации обеспечивали финские «миротворцы», вставшие по периметру оцепленного колючей проволокой района. Храм был полон. Было много причастников, владыка велел причастить всех детей до 10 лет, если они натошак. Служба завершилась проповедью, в которой владыка призвал пасомых стараться сохранить мир в душе даже в тяжкие дни скорби.

Наступило 15/28 июня, Видовдан – день Косовской битвы. Эта битва была и навсегда осталась в народной памяти центральным событием всей сербской истории. Вокруг Косовского боя возникли самые прекрасные родолюбивые традиции, были сложены самые лучшие песни героического народного эпоса, воспевающие страдания сербов в борьбе за *Крест Честной и Свободу Золотую*. Этот факт доказывает прежде всего несомненную жизнеспособ-

ность сербского народа. Не поет о своем поражении тот, кто считает, что поражение окончательно, ибо с окончательным поражением замирает не только воля, но и способность к творчеству. О своем поражении поет тот, кто верит, что Правда восторжествует, и в этом утешение и надежда.

Монастырь Грачаница гостеприимно встречал гостей. Главным был, конечно, Святейший Патриарх Сербский Павел, сам бывший здесь в течение 37 лет епископом. В сослужении местных владык Артемия и Феодосия, митрополита Черногорско-Приморского Амфилохия и епископа Афанасия при большом стечении народа Святейший Павел служил Божественную Литургию. Затем на Газиместане, там, где происходил Косовский бой, Патриарх с духовенством отслужил и панихиду по всем мученикам Сербским, пострадавшим от Косовской битвы и доднесь. Газиместан находится в 15 км от Грачаницы. Там, собственно на Косовом Поле воздвигнут монументальный памятник. На фасаде башни выбиты слова Царя Лазаря, призвавшего всех сербов до единого выйти на бой. Когда мы в прошлый раз были здесь на Видовдан, вход внутрь башни был взорван, а надпись повреждена. Теперь мемориал восстановлен, окружен двумя рядами колючей проволоки и охраняется целой деревней «миротворцев» под названием Dog House.

Мы привезли на святое Косово поле, политое и поливаемое кровью мучеников, землю с Куликова поля и взяли немного священной косовской земли, которую будем хранить как святыню. Недолгий путь до Газиместана был проделан, как водится, под завывание сирен международной полиции и с охраной солдат КФОРа. Дорога проходит через Приштину, которая в недалеком прошлом была многонациональным городом, центром культуры, науки и образования. В последние пять лет там был всего один многоэтажный дом, где жили сорок семей сербов под охраной «миротворцев». В дни мартовского погрома жителей этого дома с трудом удалось эвакуировать. Лишь часть их вернулась обратно.

Празднование началось за два-три дня до Видовдана, программа была разнообразна. Приехали артисты из Белграда и на сцене перед храмом поставили замечательный спектакль, в основу которого легли потрясающие душу стихи приштинской поэтессы, которая до сих пор живёт (жила?) в одиночестве не только в своей квартире, но и в городе. Было также устроено традиционное поэтическое состязание, участники которого – поэты из разных уголков Сербии. В Доме культуры была развёрнута выставка художников, участвовавших в специальном творческом конкурсе, посвящённом современному Косову. Начиная с этого года учреждена поощрительная награда самому молодому участнику, носящая имя незадолго перед тем убитого албанцами юного Димитрия Поповича (о нём будет речь ниже).

В один из вечеров проходил концерт, в котором выступали певцы и фольклорные ансамбли тоже из разных мест, вплоть до Македонии. Артисты из Тетова вызвали очень тёплый приём зрителей, особенно песня о древнем македонском монастыре Лешок, так же разорённом недавно албанцами, как и монастырь Матейче. (А мы думали о том, как поднялся бы дух косовских насельников, если бы приехали, к примеру, наши казаки со своими подлинными песнями и плясками) Концерт сопровождался выборами *Косовской деви*. Это не имеет ничего общего с конкурсом красоты, ведь воспетая в народных эпических сказаниях Косовская дева – символ самоотверженности и чистоты, любви и самопожертвования. Когда на сцену выходили тридцать девушек в национальных одеждах, одна краше другой, было понятно, почему жюри так медлит с избранием победительницы. Вообще в Грачанице очень много молодёжи, особенно детей. На Косове иметь в семье пятерых-шестерых детей считается обычным делом. Прогуливаясь по городку, мы невольно обращали внимание на арки из цветов, украшающие ворота многих домов. Это значит, что в доме свадьба. Концерт завершился косовским неофициальным “гимном” – песней *Видовдан*, а после все, конечно, закужились в зажигательном сербско-

македонском *коло/оро*, заводилой которого по традиции выступила новоизбранная Косовская дева.

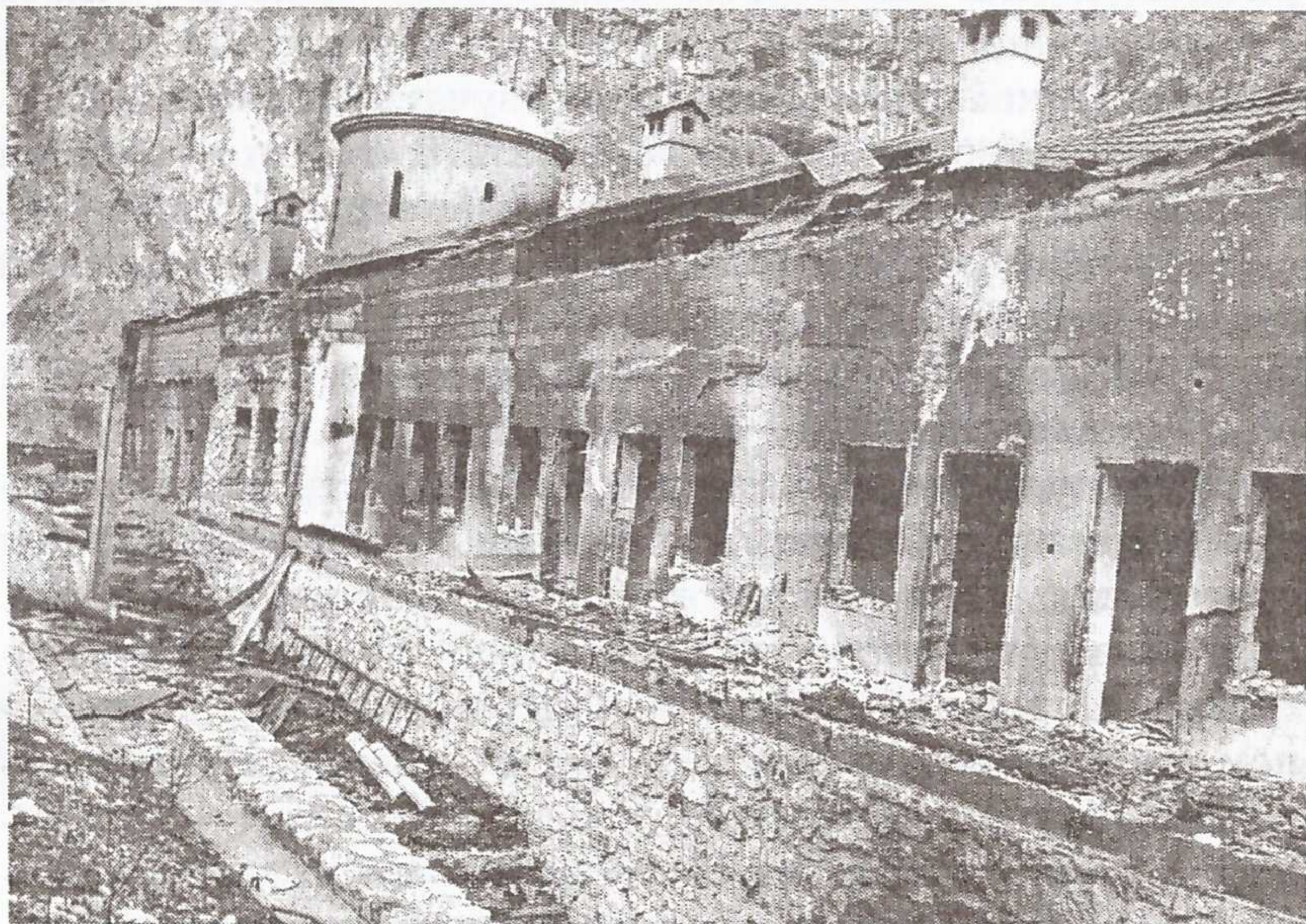
Особое внимание гостей и жителей Грачаницы привлекла выставка-продажа работ членов Общества косовских женщин *Сабор*. На длинных столах и прямо на траве были разложены вышитые скатерти, вязаные салфетки, покрывала, народная одежда и обувь и другие вещи, исполненные в национальных традициях с большим искусством и любовью. Сербские женщины всегда славились как прекрасные хозяйки и рукодельницы. Нашлись ценители и покупатели их работ, в основном, иностранцы из международных организаций, которых так много на Косове, и гости из Белграда. Активистки “Сабора” рассказали, что основная цель их организации – помочь женщинам пережить трудные времена, реализовать себя в творчестве, обрести душевный покой и нести его в свои бедствующие семьи. Начинали они с пошива национальных костюмов, спрос на которые в Сербии всегда велик, ведь на любом празднике, в любом селе непременно и дети и взрослые в разнообразных народных костюмах танцуют и поют старинные песни. На первые вырученные деньги удалось арендовать помещения для занятий вышивкой. Потом приобрели компьютеры и стали изучать современное делопроизводство, иностранные языки. В эти дни домой на Косово вернулись около пятисот детей, отдохавших в России в течение трёх недель. От имени косовских матерей активистки *Сабора* сердечно благодарили матушку-Россию, всех русских людей “за то, что они вернули улыбки на лица наших детей”.

На следующее утро наши доброты устроили посещение монастыря Святых Архангелов близ Призрена. Мы отправились туда вместе с группой художников, конечно, опять “на свой страх и риск”. Дорога была долгой. В предгорьях Шар-планины остановились в уютном придорожном ресторанчике в сербском селе Брезовице. Наши спутники рассказывали хозяевам, как прошел праздник: жителям этого сербского села “миротворцы” не позволили выехать в Грачаницу. Места вокруг изумительно красивые, зе-

ленные склоны чередуются с цветными лужайками и венчаются снежными вершинами. В сербской Брезовице было так красиво, тихо и спокойно, словно в благодатной Швейцарии. Людей на улицах почти не видать. Современную многоэтажную гостиницу, удачно вписанную в горный ландшафт, теперь занимает международная полиция.

Купив персиков и ящик черешни в подарок братии монастыря, мы отправились дальше. Дорога вилась по живописному ущелью. За каждым поворотом открывались чудесные виды. Был выходной, и на берегах многочисленных речек, у водопадов, на тенистых лужайках было множество отдыхающих. «Это шиптары, — пояснили нам наши спутники. — Сербь не могут покидать пределы своих анклавов».

Монастырь Святых Архангелов расположен прямо у дороги, за неширокой речкой. Он очень уязвим, с дороги его легко можно забросать гранатами. Во время мартовских погромов его сожгли дотла. Сгорела первая в мире церковь во имя владыки Николая (Велимировича), освящённая ещё в 1996 году, вместе с его чудотворной иконой. «Миротворцы» из немецкого КФОРа оставили мона-

стырь Святых Архангелов без защиты, как, впрочем, и другие шесть монастырей, находившихся в немецком секторе Косова и Метохии. Они вынудили шестерых монахов и двоих послушников покинуть обитель. Впоследствии немецкое командование долго чинило препятствия и не позволяло монахам возвратиться. Целям немецких властей больше отвечает чисто албанское Косово, которое они рассматривают как плацдарм для возможного переселения туда мусульман, наводнивших Германию. Потребовались переговоры на высшем правительственном уровне между Белградом и Берлином, чтобы братии все же разрешили вернуться. И они вернулись. Сейчас монахи живут в палатках и контейнерах. Церковь тоже в палатке. Колокол с поверженной колокольни подвешен на шестах. Но колокольный звон и молитвы православных монахов по-прежнему возносятся к небесам с земли предков.

Игумен отец Герман поведал нам о многочисленных чудесах и помощи Божией в самых трудных случаях, что и мы вскоре засвидетельствовали собственным опытом. На обратном пути нам пришлось познать на деле, что означает «страх и риск». Дорога шла по ущелью и была такой узкой, что едва могли разъехаться два автомобиля. Где-то впереди, по-видимому, произошла авария, и мы мгновенно попали в «пробку». Кто знает, не задержись тогда, снимая мост царя Душана+ через Быстрицу, мы, возможно попали бы уже не в пробку, а в ту самую аварию. Албанцы, водители и пассажиры, вышли из машин и бродили по дороге. Было довольно страшно чувствовать, что вокруг враги. Несмотря на жару, все окна микроавтобуса плотно закрыли, чтобы не было слышно сербской речи. К тому же с нами был сербский священник из Америки, как и все сербские пастыри, ни за что не согласный разоблачиться своей чёрной «мантеей» (рясы). Он случайно узнал о нашей поездке и тут же примкнул к нам, желая увидеть родную Призренскую семинарию и город своей юности. Но в виду большого риска это не предполагалось. Однако его (и наши) молитвы были исполнены. Один из наших водителей говорил по-албански и пошел узнать, в

чем дело. Тут все в страхе за него и, конечно, за себя так взмолились, как, наверно, не часто с нами бывает. Он вскоре вернулся и сказал, что это надолго. Остаться здесь было опасно, и он, с трудом развернувшись, повел машину через Призрен, что было еще опаснее. Не рискуя проезжать по центральным улицам, мы долго петляли по окраине, пока, наконец, не выехали на шоссе.

Проезжали мы и через Сухую Реку, где находятся богадельня и психиатрическая больница, куда албанцы не пускают представителей властей и гуманитарных организаций. Недавно просочились в сербскую печать сведения о том, что там творят “врачи” с сербами – абсолютно беспомощными стариками и душевнобольными. Наш собеседник не решился, а мы не посмели настаивать, чтоб он рассказал нам об этих леденящих душу ужасах.

По дороге видели в чистом поле устроенные бассейны и вокруг них кишмя кишевших полуголых шиптаров и квадраты забитых автомобилями парковок. И вспоминалась романтическая пустыньность гористых Брезовицы и Штрпца, всё ещё населённых сербами. Поневоле задумаешься об “этнической” и “экологической” чистоте. Вот последней в албанских районах нет: грязь и беспорядок чудовищные, всё превращено в свалку. Хотя бывавшие у них в домах русские сотрудники разных миссий говорили, внутри порядок и чистота. Это лишнее свидетельство тому, что эта земля для них чужая.

Встречая время от времени вдоль дороги массивные сооружения с надписью Hotel, удивлялись мы, куда же столько гостиниц и для кого? Оказалось, что это притоны, куда для переселенцев и “миротворцев” поступает “живой товар” со всего мира.

Сербов держат в Косове за колючей проволокой “в целях их защиты”, как цинично заявляют власти КФОРа и международной полиции. Однако для вооруженных бандитов дороги через сербские анклавны открыты. И они этим пользуются. Мы сами видели и слышали, как они с развёрнутыми албанскими флагами под вой клаксонов медленно проезжали по Грачанице – это ни что иное, как на-

глый вызов и провокация. В начале июня Косово, да и всю Сербию потрясла весть об очередном злодеянии. В Грачанице, неподалеку от здания полиции был застрелен семнадцатилетний юноша Димитрий Попович, ученик медицинской школы. Группа подростков после выпускного вечера стояла около палатки, торгующей бутербродами, когда из проезжавшего автомобиля раздалась автоматная очередь. Горе родителей, лишившихся единственного сына, безутешно. Семья Поповичей – беженцы из Призрена. Им, бросившим все нажитое, удалось добраться до Грачаницы и поселиться в доме родственников. Похороны вылились в демонстрацию протеста сербов, требующих от мировой общественности дать им основное человеческое право – право на жизнь. На плакате, протянутом через улицу перед зданием международной полиции, висит плакат с портретом Димитрия: “Солдаты всего мира, как вы расскажете своим детям о том, что натворили на Косове?”

Но во все времена самой главной чертой сербской истории была ее непрерывность на Косове и Метохии. Веками сербский народ страдал, переселялся и вновь возвращался на заветные земли своей матери-Родины, восстанавливая после разорения свои христианские святыни, цер-

кви и монастыри. “Нет силы ни земной, ни небесной, которая могла бы отлучить нас от Грачаницы, Дечан и Печи”. Под этими словами Митрополита Амфилохия может подписаться любой серб.

М.И. МЕЛЬКОВА

СЛАВЯНСКОЕ БРАТСТВО

Постоянная молитвенная и моральная взаимная поддержка наших народов подкрепляется посещениями святынь братских земель. Русско-Сербское Братство Святых Царя Николая и Владыки Николая за три с половиной года организовало уже десяток поездок. Со 2 по 14 мая 2004 г. состоялось единственное в своём роде паломничество в Сербию, приуроченное, в первую очередь, к празднованию славы Братства – дня перенесения мощей свт. Николая, еп. Жичского и Охридского 3-го мая. В монастыре Жиче славский колач и жито в честь св. Владыки Николая были освящены впервые, поэтому народу было немного и было почётно чувствовать себя в числе избранных его почитателей (к слову, Братство уже славало свою славу в Москве, в Центре Славянской Письменности и Культуры в годовщину упокоения Владыки 18 марта, когда было учреждено Московское Славянское Общество).

Следующей славой, на которую поспели паломники, был Юрьев день в Юрьевых столпах. В этот небольшой монастырь Рашско-Призренской и Косовско-Метохийской епархии съехались тысячи православных (а в округе свыше 80% населения мусульмане). Слава удалась на славу, особенно запомнились дивное священнодействие Всенощного бдения в руинах храма XII века под византийские песнопения монашеского хора и народное празднество после Литургии и братской трапезы на холмистых просторах Рашки, в котором участвовали церковные и народные хоры, знаменитые исполнители и детские фольклорные общества и весь собравшийся народ.

Подобным же праздником увенчалось и освящение храма первого в мире монастыря в честь Святого Владыки Николая в Сокограде. В торжестве участвовал святыми мощами и сам Святитель, служил целый сонм архиереев, присутствовал

Престолонаследник Александр Карагеоргиевич и православный люд, в великом множестве съехавшийся со всей Сербии и Черногории, даже и с Косова и Метохии, и из соседней Республики Сербской.

Триумфальным завершением праздника явилось зажигательное народное коло, в хороводе которого взялись за руки старики и дети, артисты и священники – под проливным дождём, смешивавшим струи с окружающими монастырь водопадами...

И Белград славил славу и освящал Храм в честь Сожжения мощей свт. Саввы на Врачаре 10 мая. Торжества входили в программу Архиерейского Собора и празднования 200-летия начала Первого Сербского Восстания. Накануне был совершён впервые после II Мировой войны Крестный ход по главным улицам столицы, собравший, по официальным данным, до 100 тысяч людей. Невиданное, величественнейшее зрелище: всадники со знамёнами в руках, ряды, ряды и ряды юношей и девушек в разнообразнейших сербских народных одеждах, военные оркестры, исполняющие старинные марши, за ними безчисленное духовенство от иподиаконов до Вселенского Патриарха, далее без края и конца поющие вереницы белградских хоров и певческих обществ, а там – тьмы тем простого верующего народа... Всё двигалось к крупнейшему в мире православному храму, освящение которого и Божественная Литургия совершились наутро в сослужении всего Архиерейского Собора во главе со Святейшим Патриархом Сербским Павлом и Константинопольским Варфоломеем. Грандиозный Храм по образу Святой Софии Царьградской был полон, причащались многие сотни, если не тысячи, молящихся. У памятника Вождю Восстания и основателю династии Кара-Георгию Петровичу владыки отслужили панихиду, и

празднование 200-летия I Сербского восстания, длящееся весь юбилейный год, продолжилось... (Остаётся лишь в скобках заметить, что русским паломникам было затруднительно объяснить сербам, почему в

ответ на приглашения Собор и всенародные торжества не почтил присутствием никто из русских архиереев; а ведь все помнят, что на прошлогоднем Саровском празднестве единственными представителями соответствующего уровня от поместной Церкви были Патриарх Сербский Павел и Митрополит Черногорский Амфилохий.)

Нечаянно-негаданно для себя паломники побывали 12 мая на славе в честь святителя Василия Острожского – самого известного и почитаемого сейчас сербским народом святого, благодаря нескончаемому потоку чудес от его мощей вот уже свыше 300 лет. Посещая в этот день монастыри Фрушкой Горы, называемой Сербской Святой Горой из-за великого их здесь сосредоточения, путешественники заметили в городке Беочин толпы туземцев, подобно апостолам в день Вознесения, глядевших в небо. Оказалось, воздвизаются кресты на новопостроенный храм свт. Василия (в Сербии и Черногории, как и в России, несмотря на материальное оскудение, сейчас во множестве строятся и восстанавливаются церкви и монастыри, возрождается обычай *задушбинарства* – пожертвования за душу). Тезоименитый владыка Сремский пригласил на праздничную трапезу, во время которой исполнялись *родолюбивые* песни – традиционные и современные.

Здесь отмечены только посещения в ходе паломничества монастырских и храмовных слав – престольных праздников. Этот обычай, наряду с *крестной славой* (прославлением каждой сербской семьёй, точнее родом через цепь поколений, дня, в

который, по преданию, крестились их предки, и соответственно, святой этого дня является покровителем рода), имеет место только среди православных сербов. Его, как и о другие славянские церковные и народные традиции, следовало бы осветить в будущем подробнее.

Упомянем здесь кстати о том, что и сербские паломники приезжали поклониться русским святыням во второй половине июля. Русско-Сербское Братство оказало посильную помощь по приёму в Москве. Поскольку малороссийские братья продержали паломнический автобус на украинской границе почти сутки, программу пришлось сократить (в целом, в намерения паломников входило посещение русских святынь от Киева до Дивеева и от Валаама до Почаева). Имея, таким образом, в столице всего 1 день, удалось принять участие в Литургии в Зачатьевском монастыре, побывать в храмах Христа Спасителя и Василия Блаженного, Покровском, Даниловом и Донском монастырях.

СЛОВАРЬ МАЛОИЗВЕСТНЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Военная Граница, Воеводина – области к северу от рек Савы и Дуная на юге Австро-Венгерской империи, охраняемые по договору с властями сербским населением – *границарами* – от турок

гібаница – слоёный пирог с сыром (ср. у Гоголя: *загибать пироги*)

да́хия (*тур.*) – местный военачальник, отказывающийся подчиняться центральной власти

Живели! Живели! – традиционное сербское приветствие, соответствующее “русскому” *Виват!* петровского времени; в других грамматических формах означает *Да здравствует...!* – Живео Краль! Живела Србија!

за́душбина – церковь или обитель (в новейшее время часто культурное или социальное учреждение, например, университет, больница...), пожертвованная *за душу*, т.е. выстроенная на деньги благотворителя на помин его души

ка́ймак – присолённый мягкий творог или сыр из сливок

о́панки – традиционная лёгкая удобная обувь из толстой свиной кожи, часто с загнутым носком (иногда с хоботком) и на длинных ремешках, перекрещенных поверх высоких шерстяных носков

Ора́шац – село в Шумадии+, в котором 1 (15) февраля 1814 года на народном соборе был избран верховным вождём Восстания Кара-Георгий Петрович

паша́лык (*тур.*) – область под управлением паши

Петроварадин – мощное укрепление на берегу Дуная напротив г. Нового Сада в Воеводине+

племя – сохранившаяся до сего времени родовая организация сербского населения в Черногории и Герцеговине, т.е. проживающего в труднодоступных горных районах на неплодородных землях и эффективно организующего отпор неприятелю

Покайница – см. Вуличевич

Помáже Бог! = Помози Бог! (Помогай Бог! = Бог в помощь!) – сербское традиционное приветствие при встрече

При́зрен – средневековая столица Царя Душана+, ныне крупный город на Косове, вплоть до 1999 года кафедра епископа Рашско-Призренского и Косово-Метохийского с многочисленными православными храмами, в т.ч. с очень древними с фресками XII века. Тогда население в основном составляли сербы с небольшим количеством турок, после событий марта 2004 года – полностью этнически вычищенный албанский город, где православные церкви и кладбища или уничтожены или осквернены. Сейчас резиденция епископа Артемия временно размещается в монастыре Грачанице близ г. Приштины+, а призренская семинария, здание которой было окончательно разрушено поджогом 17 марта 2004 г., временно переведена в г. Ниш в юго-восточной Сербии

При́штина – административный центр Косова и Метохии, город недалеко от Косова Поля; после марта 2004 года оба населённых пункта практически полностью заселены албанцами, в то время как до 1999 года сербы там составляли абсолютное большинство

(прото)си́нкелл (*греч.*) – монашеский сан, примерно соответствующий игумену

ра́йя (араб. “стадо”) – так турки называли христиан, подданных Османской империи, облагаемых всевозможными поборами

Самодрéжа – см. Лазарь

Санджа́к (тур.) – территория бывшего Новопазарского санджака (области, даваемой султаном в управление), т.е. Южная Сербия, в частности, историческая область Рашка

Ска́дар – город на Скадарском озере, теперь в Албании; с 1043 года находился в сербских владениях, был столицей Зеты (современная Черногория)

слава – см. статью *Славянское братство*

Срем – область на юге Воеводины+

Та́ково – село в центральной Сербии, в котором 23 апреля 1815 года народный собор доверил руководство II Сербским восстанием Милошу Обреновичу+

Тера́зие – улица в самом центре Белграда

Топо́ла – городок (прежде село) в Шумадии+, вотчина Кара-Георгия

Шума́дия (серб. шума “лес”) – область в центральной Сербии

хо́нвед (венг.) – венгерский ополченец

че́та – отряд

PERSONALIA

АМФИЛОХИЙ (Ра́дович) – митрополит Черногорско-Приморский, Зетско-Брдский и Скендерийский и местоблюститель Святого Престола Печского. Один из ближайших учеников и последователей преподобного аввы Иустина. Выдающийся иерарх Церкви, общественный деятель и поэт. На русский язык переведена работа *Основы православного воспитания*. Пермь, 2001

АФАНАСИЙ (Евтич), епископ – владыка на покое, бывший Захолмско-Герцеговинский (Республика Сербская государства Босния и Герцеговина). Один из ближайших учеников и последователей преподобного аввы Иустина. Известнейший богослов, публицист, переводчик Священного Писания и святоотеческой литературы на сербский язык.

ВУК Караджич (1787-1864) – сербский просветитель XIX в., историк, собиратель фольклора, реформатор языка. Служил государственным чиновником и писарем в Правительствующем Совете при Кара-Георгии.

ВУЛИЧЕВИЧ, Ву́ица – воевода I Сербского восстания, организовавший по заказу Милоша Обреновича убийство своего кума Кара-Георгия в своём доме. Покаявшись в содеянном, построил невдалеке от места преступления монастырь, названный *Покайница*

ГАВРИИЛ ЛЕСНОВСКИЙ – см. Прохор Пчиньский; его мощи почивают под спудом в македонском монастыре Леснове

ДИМИТРИЕВИЧ, Владимир – известный сербский православный публицист и педагог, автор многих статей и книг, из которых на русский язык переведена работа “В плену герметического круга” в книге: *О психологии К. Юнга и прозе Г. Гессе*. Пермь, 2001

ДИОКЛЕТИАН – римский император, гонитель христиан

ДУШАН Сильный (1308-1355) Неманич – Царь сербов, греков и арбанасов (=албанцев), могущественнейший правитель из рода Неманичей+, объединивший в своё Царство большую часть Балканского полуострова вплоть до Коринфского залива и эффективно противостоявший напору турецкого войска из Азии. Ско-

ропостижно скончавшись, был похоронен в своей задушбине+ – Царской Лавре в честь Святых Архангелов возле своей столицы Призрена. При последнем короле Александре Карагеоргиевиче его останки были перенесены в величественнейший храм Апостола Марка в Белграде.

ЛАЗАРЬ (Хребельянович) – величайший сербский святой благоверный князь-великомученик. В 1389 г., преградил турецким ордам путь в Европу ценой ценой поражения и гибели всего своего войска в битве на Косовом поле. Накануне имел видение, в котором ему был предложен выбор: или, победив, получить земное царство или, погибнув, прилепиться Царствию Небесному, что он и выбрал, причастившись перед сражением вместе со всем своим войском в *белой Самодрже церкви* (уничтоженной албанскими бандитами в 2000 г.). Тяжело раненным попав в плен, претерпел великие мучения. Святые мощи почивают в его задушбине+ – монастыре Раванице.

МИЛОШ ОБРЕНОВИЧ (ок. 1780-1860) – обер-кнез, воевода, в 1814 году составивший заговор против Кара-Георгия и приказавший его убить, как и других своих соперников-воевод. Не разделял идеи Кара-Георгия о возобновлении после поражения I Сербского восстания вооружённой борьбы и общенародного движения против турок (с помощью Гетерии – аналогичного движения в Греции), защищал условия достигнутого сербско-турецкого перемирия через постепенное движение к политическому освобождению сербского народа. Возглавил II Сербское восстание в 1815 году; родоначальник династии Обреновичей+: князь в 1815-1839 и 1858-1860 гг.

МЛАДЕН Милованович (ок. 1760-1823) – богатый свиноговец, позже комендант Белграда, председатель Правительствующего Совета, один из главных воевод, ближайший соратник Кара-Георгия, в то же время часто интриговавший против него. Убит Милошем Обреновичем+

МУРАТ I (1362-1389) – турецкий султан, развязавший Косовскую битву, во время которой был убит проникшим в его стан сербским витязем Милошем Обиличем, одним из главных народных героев Сербии (его образ с нимбом имеется на средневековой фреске в сербском монастыре Хилендаре на Афоне)

НЕГОШ, Петр II Петрович (1813-1851) – митрополит Черногорский и управитель Черногории, племянник святителя Петра Цетиньского+, гениальный сербский поэт и мыслитель. Наиболее выдающиеся его произведения *Луч микрокосма*, *Горный венец* и *Самозванец Степан Малый*, а также сборник стихов *Зерцало сербское*, в которых основными темами являются религиозно-мистическая и тема кровавой борьбы за свободу

НЕМАНИЧИ – династия средневековых правителей Сербии со II половины XII в. до 1371 г., основание которой положил великий жупан кир Стефан Неманя+. Среди её представителей великое множество святых угодников Божиих, из коих главный – самый почитаемый сербами Святитель Савва.

НОВАКОВИЧ, Никола – непосредственный исполнитель заговора кнеза Милоша Обреновича+ в 1815 году, убийца Кара-Георгия

НУШИЧ, Бранислав (1864-1938) – писатель, драматург, классик сербской литературы. На русской сцене неоднократно ставилась его комедия “Госпожа министерша”

ОБРЕНОВИЧИ – династия правителей (сначала княжеская, затем королевская) в 1815-1842 и 1858-1903 гг., попеременно сменявшая на престоле Карагеоргиевичей. Основанная на преступлении кнеза Милоша+, убившего Кара-Георгия, не смогла удержаться у власти: последний её представитель король Александр был убит в ходе заговора в 1903 году

ПЕТР ЦЕТИНЬСКИЙ, святитель (1747-1830) – митрополит Черногорский и управитель Черногории, выдающийся святой, канонизированный почти сразу после смерти. Мирил постоянно враждовавшие между собою черногорские племена+, сам водил в бой ополчение против турок, завещал навеки дружбу с Россией. Находился в общении с Кара-Георгием и всемерно поддерживал I Сербское восстание

ПРИНЦИП, Гаврило (1894-1918) – гимназист, член патриотической организации “Сербский Сокол”, 15 июня 1914 г. застреливший наследника Австро-Венгерского престола, который в день величайшего сербского праздника (память святого великомуче-

ника князя Лазаря+, погибшего в этот день в 1389 г. в Косовской битве) устроил манёвры австрийской армии, оккупировавшей Боснию и Герцеговину, что сербами справедливо было расценено как национальное унижение, вызов и провокация. Как несовершеннолетний, был осуждён на 20 лет тюрьмы, где и умер от туберкулёза костей

ПРОХОР ПЧИНСКИЙ – один из так называемых *Четверых святых* (наряду с Иоанном Рыльским, Гавриилом Лесновским, Иоакимом Осоговским) – преподобных отцов-славян, подвизавшихся на Балканах в XII веке, весьма чтимых в Сербии, Македонии и Болгарии. Мощи святого чудотворца Прохора, дабы избежать поругания от турок, были скрыты под спудом в стене собора его монастыря, откуда и по сей день из небольшого отверстия источают целебноносное миро.

СЕКУЛИЧ, Исидора (1877–1958) – классик сербской литературы: прозаик, эссеист, критик, публицист, переводчик с английского, немецкого, шведского языков. Родилась и провела детские и юношеские годы в Воеводине+, начало I Мировой войны застала в курортном местечке Соко-бане, позже работала санитаркой в военном госпитале... Первый председатель Союза писателей Сербии (1945 г.). На русском языке переводы её произведений не публиковались

СТЕФАН НЕМАНЯ (=преподобный Симеон Мироточивый, ум. 1200) – великий жупан (правитель) и объединитель Сербских земель, основатель королевской и царской династии Неманичей+, благотворитель многих святогорских монастырей, вместе со своим сыном святителем Саввой Сербским строитель сербского монастыря Хилендарь на Афоне

ТИВЕРИЙ – римский император, прославившийся кровавыми гонениями христиан

ФИЛИПП ВИШНИЧ (1767-1834) – слепой народный сказитель-гуслар, в своих эпических песнях воспевавший подвиги повстанцев, особенно Кара-Георгия. В *Начале бунта против дахиев* наиболее раскрываются его дарования: историчность, сила изобразительности, глубина размышлений и возвышенность

Русско-Сербское Братство
в честь Святых Царя Николая и Владыки Николая

ПАЛОМНИЧЕСТВА К СЯТЫНЯМ
СЕРБИИ И ЧЕРНОГОРИИ,
МАКЕДОНИИ,
БОЛГАРИИ,
ЦАРЬГРАДА Константинополя
Уральской ЦАРСКОЙ Голгофы

СЕРБИЯ: апрель, май.... октябрь... 10 -13 дней

Святые **СЕРБИИ**: место явления Божией Матери и Её чудотворные иконы Студеницкая, Скоропослушница и многие иные; целокупные мощи вмч. Феодора Тирона, свт. Николая Сербского, прпп. Симеона Мироточивого и Анастасии Сербской, Прохора Пчиньского Мироточца, блгвв. Стефана Первовенчанного, Царя Лазаря Косовского муч., Владислава, Ангелины и прочих сербских святых; места погребения и могилы свт. Саввы, прпп. Параскевы-Петки, Елены Сербской, Иустина (Поповича)...; целебноносные источники, византийские фрески XII-XVII вв.

ЧЕРНОГОРИЯ: с июня по сентябрь 1 неделя (возможен отдых на Адриатике)

Святые **ЧЕРНОГОРИИ**: крест из древа Животворящего Креста Господня; чудотворные иконы Божией Матери Филеримская и Савинская; десница св. Иоанна Крестителя; стопа ап. Луки; перст вмч. Георгия; рука сщмч. Харалампия; глава прмц. Февронии; стопа прмц. Феклы; кровь 40 мчч.; рука, жезл и гроб свт. Саввы Сербского; целокупные мощи мч. и чудотв. Трифона, свт. Василия Острожского, Арсения Сербского и прочих святых; чудотворные источники, средневековые монастыри и древние храмы с фресками...

МАКЕДОНИЯ: июнь, июль, сентябрь 2 недели (с отдыхом на Охридском озере)

Памятники византийского церковного искусства и архитектуры **МАКЕДОНИИ**; места трудов и подвигов свт. Николая Сербского, Иоанна (Максимовича), прп. Иустина (Поповича). Святые: чудотворные иконы Богородицы Пречистой, св. Иоанна Предтечи "Троеручца", вмч. Георгия...; мощи равноап. Наума (целитель душевных недугов) и Климента Охридских, прпп. Гавриила Лесновского, Иоакима Осоговского... Охрид: великое множество храмов с изумительными фресками XI-XV вв. на берегах прекраснейшего Охридского озера – места "Молитв на озере" свт. Николая, созерцания и отдыха.

БОЛГАРИЯ: сентябрь 2 недели (с отдыхом на Чёрном море)

Святые и памятники византийского искусства **БОЛГАРИИ**: монастыри с фресками IX-XVII вв. в горах и городах; царская столица Велико Тырново; мощи прп. Иоанна Рыльского, его пещера с чудотворным источником; место подвигов и целебные источники свв. Космы и Дамиана; мощи св. блгв. Милутина, короля Сербского и свт. Серафима (Соболева); могила схиигумении Марии (Дохторовой); чудотворные иконы

ЦАРЬГРАД: круглый год

ЦАРЬГРАД (Стамбул): подворье русского монастыря на Афоне; многочисленные святые Константинопольской Патриархии, Храм Святой Софии, церкви свв. Ирины, Сергия и Вакха, Феодора, Андрея, Монгольской Богородицы, Паммакариостос, Богородицы Влахернской, монастыри Липса, Хора... обилие чудотворных источников

Уральская ЦАРСКАЯ Голгофа: июль 10 дней

Царские дни на **УРАЛЬСКОЙ ГОЛГОФЕ**. Ныроб – место мучения первого страстотерпца из рода Романовых; Пермь, местопребывание прмц. Елисаветы и прочих Царственных мучеников; Белогорский монастырь; Екатеринбург: ночная Литургия в Храме-на-крови, крестный ход на Ганину Яму, в монастырь Царственных страстотерпцев; Алапаевск и Литургия в монастыре Новомучеников Русских на шахте Межная; Верхотурье: домик Царевича Алексея в монастыре св. прав. Симеона, его целебноносные мощи; чудотворные источники в Меркушине и Октае.

СПРАВКИ ПО ТЕЛЕФОНАМ №№ +7 (095) 472 10 92, 403 04 97

www.srpska.ru

Боголюбивый читатель!

Помяни в своих молитвах тех, без чьей моральной и материальной поддержки и понесённых трудов сей выпуск альманаха не мог бы выйти в свет, рабов Божиих:

АЛЕКСИЯ Катаева, РАТКА Читаковича,
ВАСИЛИЯ Мичича, МИРОСЛАВА Г.,
СЛОБОДАНА Петковича, ВАСИЛИЯ Ансимова,
АЛЕКСАНДРА Кравченко, ДРАГАНА Бунарджича,
БОЯНА Йовановича, АННЫ, НИКОЛАЯ,
НАТАЛЬИ, МАРИИ, АНДРЕЯ.

Просим также помолиться и о том,
чтобы с помощью Божией в своё время увидела свет
следующая книжка альманаха,
в которой предполагается наряду с новыми
продолжить начатые темы, в том числе:

- Вторая часть Жития преподобного Иустина (Поповича), повествующая о годах, проведённых под безбожной властью
- Посмертные чудеса преподобного Иустина
- Работа классика сербской литературы Милоша Црнянского *Оклеветанная война* о волне пацифизма после II Мировой войны
- Продолжение знакомства с трудами сербских святых XX в. Николая (Велимировича) и Иустина (Поповича), а также с произведениями выдающихся сербских поэтов и писателей
- Рассказы о сербских святых угодниках и праведниках Божиих и о паломничествах к святыням сербских и, шире, балканских земель
- Азы сербского языка

© Русско-Сербское Братство Святых Царя Николая и Владыки Николая - составление, переводы, оформление, 2004.
Перепечатка материалов только с разрешения редакции.
При цитировании обязательна ссылка на альманах.

